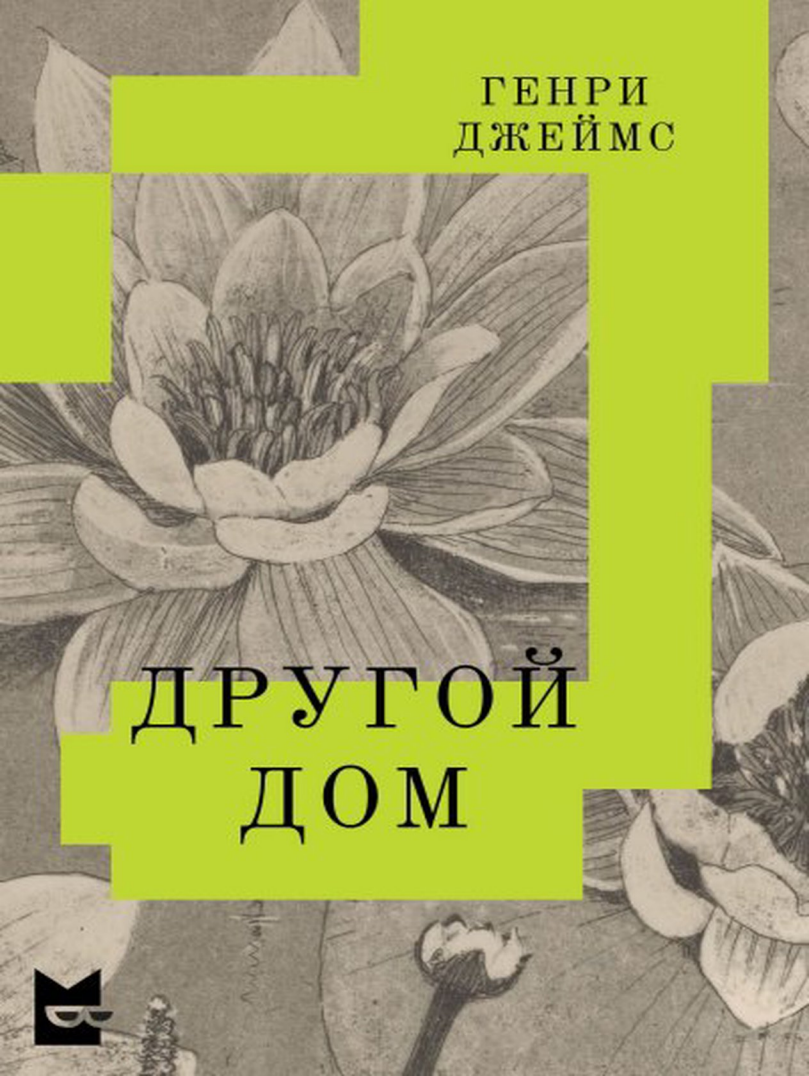
ГЕНРИ
ДЖЕЙМС

# ДРУГОЙ ДОМ



# Другой дом
# Генри Джеймс

Аннотация
Генри Джеймс. Другой дом
Книга первая
- I
- II
- III
- IV
- V
- VI
- VII
- VIII
- IX
- X
- XI
- XII

Книга вторая
- XIII
- XIV
- XV
- XVI
- XVII
- XVIII

XIX
XX
XXI
XXII
XXIII
XXIV
XXV
XXVI
XXVII
Книга третья
XXVIII
XXIX
XXX
XXXI
XXXII
XXXIII

## Аннотация

Драматический роман с элементами детектива от автора «Поворота винта» и «Дэзи Миллер». Англия, конец XIX века. Усадьбы Истмид и Баундс разделяет река. В обоих домах внимательно следят за тем, что происходит у соседей. Жизнь течет своим чередом, пока однажды в Истмид не приезжает миловидная дальняя родственница, а в Баундс — давняя подруга хозяйки. Их чаяния сойдутся на одном мужчине и одном ребенке.

История о разрушительных последствиях человеческих страстей продолжает серию «Переводы Букмейта» — совместный проект с «Подписными изданиями» и «Мастерской Брусникина». Книга переведена под руководством Александра Глазырина в рамках совместной мастерской Букмейта и Дома творчества Переделкино.

Обложка: Наташа Агапова

В оформлении обложки использован фрагмент гравюры Анри Верстейнена «Кувшинки» (Рейксмюсеум, Нидерланды)

# Генри Джеймс
# Другой дом

# Книга первая

# I

Миссис Бивер, хозяйка усадьбы Истмид и совладелица банка «Бивер и Брим», зорко, но снисходительно следила за тем, что происходило — как у нее вошло в привычку говорить — «в другом доме». Разумеется, там происходило гораздо больше событий, чем в огромном, старомодном и практически пустом особняке, где она, овдовев, жила в полном одиночестве. Мистер Бивер умер тремя годами раньше своего друга и партнера, покойного Пола Брима из усадьбы Баундс, оставив единственному сыну (малолетнему крестнику этого надежного партнера) значительную долю в деле, на которое его изумительная вдова — она знала, что изумительна, и гордилась этим — теперь имела заметное влияние. Пол Бивер, цветущий юноша восемнадцати лет, только что перебрался из Винчестера в Оксфорд; по замыслу матери он должен был овладеть как можно более разносторонними познаниями, прежде чем занять свое место в банке. Банк, гордость всего Уилверли, подобный высокой горделивой арке, которой служили прочными опорами два этих дома, стоил того, чтобы потратить немалые

деньги на образование. Жители города и графства уверенно говорили, что ему сотни лет и что он так беспримерно надежен, как только может быть надежен арифметически непогрешимый расчет. В настоящее время банк прибегал к услугам самой миссис Бивер. Это вполне устраивало ее и тем более Пола, который столь мало тяготел к сидячей работе, что она догадывалась: на то, чтобы выработать у него привычку к нарукавникам, уйдет намного больше сил, чем ушло в свое время на то, чтобы приучить его к детским штанишкам. Тем более что вторая половина дела принадлежала молодому Энтони Бриму, нынешнему хозяину Баундса, сыну и преемнику коллеги ее мужа.

Она мыслила широко — и, в частности, решила, что по окончании Оксфорда мальчик должен попутешествовать и повидать мир; она была родом из эпохи, когда в заграничную жизнь погружались неспешно, а не окунались наскоро. Другой ее план в основных чертах заключался в том, что, вернувшись наконец домой, Пол должен жениться на самой милой из известных ей девушек, причем здесь тоже необходимо было неспешное погружение, ведь брызги от подобного погружения неизбежно коснутся его матери. Тогда этот вопрос обрел бы решение так же, как

в хозяйстве миссис Бивер издавна обретали свое место все вещи, которые лежали где попало и не были пристроены к делу: он был бы убран с глаз долой. Трудно сказать, к миру она готовилась или к войне, но ей было свойственно всюду подстилать соломку, не оставляя почвы для возможных осложнений, каковые, впрочем — по крайней мере пока — ни разу о себе не заявляли. Ее жизнь была похожа на комнату, подготовленную для танцев, где вся мебель сдвинута к стенам. Насчет юной леди, необходимой для разрешения упомянутого вопроса, у нее сомнений не было: самой милой девушкой, какую она знала, была Джин Мартл, и миссис Бивер на днях послала за ней в Брайтон, дабы Джин приехала и выступила в предназначенной ей роли. Бенефис должен был состояться в пользу Пола, чье возвращение ожидалось вот-вот, в середине лета, и следовало с самого начала пресечь его попытки фантазировать о возможных альтернативах. По большому счету, миссис Бивер была рада, что он вообще не склонен к фантазиям.

Джин Мартл — сосланная в Брайтон отцом, который приходился миссис Бивер троюродным братом и которого, по мнению этой леди, медицинские светила не выпускали из Лондона,

ибо он был слишком ценен, чтобы его потерять, и слишком скучен, чтобы часто с ним встречаться, — Джин Мартл со временем, вероятно, предстояло приобрести состояние, а также, возможно, набраться ума-разума. То, что при этом она являлась наиболее предпочтительной кандидаткой, говорит об умеренности ожиданий миссис Бивер. Еще меньшего она ожидала от умения девушки вести себя должным образом, которое позволило бы той блистать в обществе, и от ее волос, на которые миссис Бивер взирала в надежде, что с годами они потемнеют. По правде говоря, в Уилверли никогда бы не заметили, что Джин как-то не так себя ведет, однако там питали старомодное предубеждение против ярких оттенков естественного покрова головы. Одна из причин, по которой кузину Пола пригласили в Истмид, заключалась в том, что Полу следовало привыкнуть к экстравагантному цвету ее волос — неумеренно яркому, как в одно погожее июльское воскресенье с некоторой тревогой в очередной раз отметила миссис Бивер. Ее юная приятельница прибыла два дня назад и теперь, в свободный промежуток времени между церковной службой и ланчем, была послана в Баундс с сообщением и кое-какими предуведомлениями.

Джин знала, что найдет там дом, до некоторой степени охваченный смятением, новорожденную девочку-первенца, молодую мать, которая еще не встала с постели после родов, и странную гостью на несколько лет старше ее самой — мисс Армиджер, школьную подругу миссис Брим, которая явилась к Бримам за месяц до рождения ребенка и — подчеркнула миссис Бивер — оставалась у них до сих пор, «несмотря ни на что».

Спустя первые два часа по прибытии Джин обе дамы большую часть времени потратили на обсуждение именно этих обстоятельств, но в сложившейся у гостьи картине и после этого полностью отсутствовал портрет главы семейства. Впрочем, это упущение отчасти было исправлено, когда субботним утром миссис Бивер ненадолго заглянула в банк вместе с Джин. У них были дела в городе, и миссис Бивер пожелала поговорить с мистером Бримом — блестящим и веселым джентльменом, который, не сопротивляясь вторжению, мгновенно выставил за дверь доверенного клерка и принял их в своем прекрасном личном кабинете.

— Вы считаете, он должен мне понравиться? — отважно спросила перед тем Джин, чувствуя, что круг ее знакомых расширяется.

— О да, если вы обратите на него внимание! — отвечала миссис Бивер, повинуясь странному внутреннему побуждению обозначить его как лицо незначительное.

Позже, в банке, девушка до такой степени обратила на него внимание, что даже почувствовала некоторый страх; это всегда с ней случалось, когда обращали внимание на нее саму. То, что миссис Бивер не считала его достойным особого внимания, все в городе отчасти объясняли тем, что в Истмиде такое отношение к нему закрепилось издавна и считалось само собой разумеющимся. Королеве-матери, как в шутку называл ее Энтони Брим, было бы нелегко с ходу нарисовать портрет союзного монарха, которого она была склонна рассматривать как несколько беспокойного вассала. Хотя он был на двенадцать лет старше счастливого юного принца, от имени которого она осуществляла регентские полномочия, она знала его с детства, и ей были равно известны его сильные и слабые стороны.

Дом мистера Брима был новым — после женитьбы он добился этого довольно решительными мерами, потратив немалые средства. Его жена и ребенок были новыми; новой в значительной степени была и молодая женщина, которая

недавно поселилась у него и, судя по всему, намеревалась пребывать там до тех пор, пока не утратит упомянутое свойство. Но сам Тони — так она всегда его называла — был ей очень хорошо знаком. Миссис Бивер никогда не сомневалась, что знает его в совершенстве, и не испытывала желания пояснять свое мнение о нем, делясь впечатлениями с кем-либо. Эти впечатления были разложены по полочкам так же аккуратно, как ее переписка и счета — не считая того, что они, в отличие от упомянутых документов, не были до такой степени покрыты пылью времени. Одно из них могло быть свободно истолковано как намек на то, что ее молодой деловой партнер представляет опасность для представительниц ее пола. Не для нее самой, конечно; ибо сама миссис Бивер каким-то образом не принадлежала к этому полу. Будь она женщиной — а она никогда не думала о себе так вольно, — она, несмотря на свой возраст, несомненно, осознавала бы эту опасность. Но теперь она не видела в жизни никакой опасности, разве что Полу вдруг взбредет заключить неподобающий брак, против чего она заранее приняла меры. Беда, коли внезапно выявится изъян в системе защиты, в остальном столь надежной. Быть может, смутное ощущение, что Джин Мартл

подвергается риску, послужило еще одной причиной не слишком распространяться об Энтони Бриме в беседе с этой юной леди? Спешу добавить, что если такого рода чувство и имело место, то оно заявило о себе еще до посещения банка, ибо Джин впоследствии ничем не обнаружила, что мистер Брим произвел на нее какое-то особое впечатление.

Позвольте мне также, не откладывая, заявить, что общая подозрительность (я вынужден употребить это слово ввиду прискорбного отсутствия в нашем языке обозначений для оттенков и степеней того, что под ним подразумевается) миссис Бивер в отношении Тони не опиралась ни на какие доказательства. Заговорив об этом и будучи спрошена, какие основания есть у нее для подозрений, она, вероятно, вряд ли нашлась бы с ответом. Во всяком случае, подобных оснований определенно не просматривалось в записке с приглашением на ланч, которую Тони послал ей перед посещением церкви. «Дорогая Джулия нынче утром чувствует себя превосходно, — писал он. — Нам как раз удалось переместить ее в комнату на первом этаже, где поставили прекрасную кровать и где вид всех знакомых вещей радует и забавляет ее, не говоря уже о том, что

оттуда отлично видно сад и ее любимый уголок на террасе. Коротко говоря, волна спадает, и мы начинаем питаться „в обычном режиме“. Ланч может запоздать, но обязательно приводите свою очаровательную маленькую подругу. Как она вчера осветила мою затхлую берлогу! Кстати, у нас будет еще один маленький друг, не мой, а Розы Армиджер — молодой человек, с которым, как вы, я думаю, уже знаете, она помолвлена и за которого собирается выйти замуж. Он только что приехал из Китая и пробудет здесь до завтра. Наши воскресные поезда настолько неудобны, что я телеграфировал ему, чтобы он воспользовался другой линией, и посылаю за ним в Пламбери». Миссис Бивер не нужно было долго размышлять над этими немногочисленными строчками, чтобы с удовлетворением осознать, сколь полно выразилась в них натура ее соседа — вплоть до «чертовой обходительности». Так — она это слышала своими ушами — бедняга в сердцах называл свойство, которое заставило его начертать эти строки и всегда заставляло говорить слишком много для мужчины — в этой манере изъясняться сказывалось его представление об «обязывающем положении» (и ей это было яснее, чем ему самому). Он весь был погру-

жен в эту преждевременную суету, вызванную медленным выздоровлением жены; в том, как ему по-детски не терпелось поскорее устроить пир; в той простоте, с какой он позволял вводить себя в расходы, связанные с прибытием мисс Армиджер и необходимостью удовлетворять ее бесчисленные потребности. И тем более — в том, как он, не постояв за тратами, послал за шесть миль экипаж встречать молодого человека из Китая, более же всего — в этом намеке, что ланч, вероятно, будет подан поздно. Многое в те дни было новым в другом доме, но новее всего были часы приема пищи. В былые времена миссис Бивер не раз обедала там ровно в шесть. Далее будет видно, что она, как сказано мною в самом начале, держала руку на пульсе Баундса.

## II

Когда Джин Мартл, прибывшую с устным посланием, ввели в холл, она поначалу сочла его пустым, и, пока она считала себя единственной его хозяйкой, он казался ей внушительным и даже довольно-таки великолепным. Светлый, просторный и высокий зал, богато украшенный и используемый различным образом, со множеством «уголков», входов и выходов, очевидно, в равной мере служил местом сбора и промежуточным звеном на пути в иные помещения. На его стенах висело так много больших картин, что зал можно было бы принять за музей, если бы все картины не выглядели написанными сравнительно недавно. Здесь царило тенистое лето и пахло множеством цветов, а на каминной полке тикали огромные французские часы — насколько поняла Джин, современной работы. Общая цветовая гамма и броская затейливость убранства комнаты очаровали ее и настроили на веселый лад. Только когда слуга ушел, она поняла, что не одна в холле — это открытие привело ее в минутное замешательство. На другом конце зала обнаружилась молодая женщина, сидевшая

в такой позе, что предметы обстановки частично ее заслоняли: она низко склонилась над столом и, должно быть, некоторое время тому назад что-то писала. Сейчас стул ее был отодвинут от стола, лицом она уткнулась в вытянутые на столе руки, и вся ее фигура была расслабленной и отрешенной. Она не слышала ни приглушенного хлопанья двери, ни шагов по толстому ковру, и вид ее свидетельствовал о таком душевном состоянии, что посланница из Истмида заколебалась, не зная, стоит ли ей быстро ретироваться на цыпочках или лучше поскорее дать женщине понять, что ее заметили. Прежде чем Джин успела принять решение, та подняла глаза, а затем быстро и смущенно встала. Это могла быть только мисс Армиджер, и выглядела она очень печальной — даже странно, что на лице ее не было видно слез. Она вовсе не плакала, однако на мгновение растерялась, и в это мгновение Джин вспомнила, лишний раз удивившись, как миссис Бивер говорила, что трудно сказать, ужасно ли она некрасива или поразительно хороша собой. Джин почувствовала, что сказать это совсем нетрудно: она ужасно некрасива. Следует сразу отметить, что у самой Розы Армиджер не возникло ни капли сомнений в том, следует ли признать

очаровательным зрелище, представшее тем временем ее собственным глазам. Стройная красивая девушка показалась ей легким наброском к чему-то большему, собранием счастливых намеков, среди которых не найти было еще ничего «определившегося», за исключением великолепных волос и изящного наряда, столь непохожего на те, что носили в Уилверли. Это наблюдение отразилось в глазах по поводу которых Джин заключила, что именно чрезвычайно светлый серый цвет делает их такими странными, даже уродливыми, — и вызвало внезапную улыбку на полных губах. Очевидно, широкий рот мисс Армиджер отвечал за то, второе впечатление от нее. Сверкнули маленькие ровные белые зубы, производя это второе впечатление, и прояснилась та двусмысленность, о которой говорила миссис Бивер, — двусмысленность, что стоила всей скучной миловидности, какая есть на свете. Да, теперь совсем нетрудно было сказать: мисс Армиджер поразительно красива. Таким образом, Джин хватило нескольких секунд, чтобы оборвать всякую связь с мрачным образом, который представился ей поначалу.

— Простите, что я так подскочила, — сказала она. — Я услышала какой-то звук — ожидала

увидеть друга.

Джин сочла, что поза, в которой она ее первоначально застала, вряд ли вяжется с этим заявлением, но выразила опасение, не окажется ли она в таком случае помехой; на что молодая леди возразила, что рада ее видеть, что уже слышала о ней и что догадывается, кто она такая.

— И, осмелюсь предположить, вы уже слышали обо мне.

Джин застенчиво призналась, что да, слышала, и, стараясь как можно быстрее сменить тему, тут же предъявила свои верительные грамоты.

— Миссис Бивер прислала меня спросить, вправду ли будет уместно, если мы придем на ланч. Мы ушли из церкви перед проповедью, потому что кое-какие люди должны были пойти с нами домой. Они сейчас у миссис Бивер, но мне она велела поскорей идти сюда напрямую через сад — коротким путем.

Мисс Армиджер по-прежнему улыбалась.

— Миссис Бивер любой путь кажется недостаточно коротким!

Джин смутно почувствовала, что в этих словах был какой-то намек, смысл которого от нее ускользнул; но, пока она размышляла, ее собеседница осведомилась:

— Миссис Бивер велела вам спросить об этом у меня?

Джин замешкалась.

— Полагаю, любого, кто будет здесь и сможет дать мне ответ, если окажется, что миссис Брим не вполне здорова.

— Она не вполне здорова.

На лице младшей из девушек промелькнул страх лишиться обещанного удовольствия, и старшая, заметив это, продолжила:

— Но мы ведь не будем галдеть и топать, не так ли? Мы будем вести себя очень тихо.

— Очень, очень тихо! — охотно повторила Джин.

Улыбка ее новой знакомой перешла в смех, за которым последовал неожиданный вопрос:

— Надолго вы у миссис Бивер?

— Пока ее сын не вернется. Вы знаете, он учится в Оксфорде, и скоро у него закончится семестр.

— И вы сразу ее покинете? Вы уедете, как только приедет он?

— Миссис Бивер говорит, что я определенно не должна так делать, — сказала Джин.

— Тогда вы определенно этого не сделаете. Здесь все делается в точности так, как говорит нам миссис Бивер. Вам не нравится ее сын? —

спросила Роза Армиджер.

— Я пока не знаю; она как раз хочет, чтобы я это выяснила.

— Тогда вам придется выражаться предельно ясно.

— Но если я пойму, что он мне не нравится? — решилась спросить Джин.

— Мне будет вас очень жаль!

— Полагаю, тогда это будет единственное, что мне не понравилось в этой прелестной старой усадьбе.

Роза Армиджер на мгновение задержала взгляд на посетительнице, которая все лучше осознавала, что ее новая знакомая — женщина странная, но в то же время отнюдь не неприятная, хотя Джин всегда предполагала, что странные люди неприятны.

— А я вам нравлюсь? — неожиданно спросила она.

— Как я могу сказать, если прошло всего три минуты?

— Я могу сказать, нравится мне человек или нет, даже если прошла всего одна минута! Постарайтесь меня полюбить — надо, чтобы вы очень хорошо ко мне относились, — заявила мисс Армиджер. Затем добавила: — Вам нравится

мистер Брим?

Джин задумалась; она чувствовала, что должна с честью выйти из положения.

— О, необычайно! — На это собеседница снова рассмеялась, что заставило ее заговорить более сдержанным тоном: — Конечно, я видела его всего пять минут — вчера в банке.

— О, мы знаем, как долго вы с ним виделись! — воскликнула мисс Армиджер. — Он рассказал нам все о вашем визите.

Джин испытала нечто вроде благоговейного ужаса: оказывается, картина включала множество неизвестных ей персонажей.

— Кому он рассказал?

У ее собеседницы был такой вид, словно ее забавляло все, что Джин говорила; однако Джин находила, что в этом таится какое-то непонятное очарование.

— Ну, конечно же, первым делом он рассказал своей бедной маленькой женушке.

— Но я ведь ее не увижу, не так ли? — довольно нетерпеливо спросила Джин, озадаченная тоном, каким был сделан намек, и лишь отчасти списывая этот тон на непринужденные манеры собеседницы.

— Вы ее не увидите, но даже если бы и увидели,

она бы вам за это ничего плохого не сделала, — ответила молодая леди. — Она понимает, как дружелюбен он по отношению к людям, и больше всего ценит его прекрасную искренность.

На смущенном лице Джин появилось такое выражение, будто ей вдруг пришло в голову, что она тоже понимает и любит эти качества. Возможно, в подтверждение этих мыслей она после краткой паузы произнесла:

— Он сказал мне, что я, возможно, увижу чудесного ребенка. Сказал, что сам мне его покажет.

— Уверена, он с удовольствием это сделает. Он ужасно гордится своим чудесным ребенком.

— Наверное, младенец просто прелестный, — заметила Джин более уверенно.

— Прелестный! Вы, что же, думаете, что младенцы бывают прелестными?

Застигнутая врасплох этим выпадом, Джин немного поразмыслила, однако не нашла ничего лучше, чем довольно робко сказать:

— Мне нравятся славные маленькие детки, а вам?

Мисс Армиджер в свою очередь задумалась, затем ответила:

— Ни капли! Наверное, звучало бы куда более мило и, на сторонний взгляд, приятно, если б я

сказала, что обожаю их; но я никогда не притворяюсь, что испытываю чувства, которых у меня на самом деле нет, понимаете? Если вы все-таки хотите увидеть Эффи, — любезно добавила она, — я готова принести себя в жертву, чтобы заполучить ее для вас.

Джин улыбнулась, как будто этот игриво-любезный тон был заразителен.

— Но ее-то вы в жертву не принесете?

Роза Армиджер уставилась на Джин.

— Я ей ничего не сделаю.

— Тогда заполучите ее.

— Не сейчас, не сейчас! — раздался другой голос; он принадлежал миссис Бивер, которую только что провели в дом и которая, услышав последние слова девушек, вошла в холл в сопровождении слуги. — Ребенок — дело второе. Мы пришли ради матери. Правда ли, что состояние Джулии ухудшилось? — спросила она у Розы Армиджер.

У мисс Армиджер была своеобразная манера смотреть на человека, прежде чем заговорить с ним, и теперь она с этой своей отстраненностью так долго медлила, прежде чем ответить на вопрос миссис Бивер, что Джин тоже остановила взгляд на доброй леди из Истмида, словно у нее

вдруг появилась на то причина. Она была очень привязана к миссис Бивер, но в то мгновение, впервые увидев ее в Баундсе, раз и навсегда поняла, насколько оправа меняет драгоценный камень. Невысокая и плотная, с округлыми формами и крепкими ногами, угольно-черными плоско зачесанными волосами и глазами, слишком маленькими для всего того, что им приходилось выражать, миссис Бивер была дамой настолько «ранневикторианской», что казалась почти доисторической. Она была создана, чтобы похаживать среди массивной мебели красного дерева и посиживать на скамеечках, покрытых чехлами с вышивкой берлинским гарусом. Она походила на одинокий том какого-нибудь старого журнала в добротном переплете. Джин знала, что величайшим светским событием ее юности был костюмированный бал, на котором она появилась в образе андалусийки и о котором до сих пор хранила воспоминание в виде уродливого веера. Джин была девушка такого склада, что, пробыв в Баундсе не более пяти минут, она пусть и смутно, но уже поняла, что элегантность дома мистера Брима была слегка провинциального толка. Тем не менее эта элегантность создавала атмосферу, в которой миссис Бивер выглядела совсем уже

замшелой деревенщиной. Это в свою очередь заставило Джин счесть старый Истмид еще более прелестным.

— Полагаю, наша бедная подруга нынче чувствует себя неважно, — произнесла наконец мисс Армиджер. И тут же добавила: — Но я не думаю, что это будет иметь какие-то серьезные последствия.

Однако то, что сказал Джин лакей, впустивший ее в дом, в какой-то мере предвещало обратное. Он сообщил, что мистер Брим находится в комнате жены вот уже почти час, а доктор Рэймидж прибыл некоторое время тому назад и также еще не выходил оттуда. Узнав об этом, миссис Бивер постановила, что они должны отказаться от намерения остаться на ланч и что Джин должна немедленно вернуться к друзьям, которые дожидались их в Истмиде. Именно эти друзья по дороге из церкви упомянули дошедший до них слух — быстрое распространение коего свидетельствовало о компактности Уилверли, — будто внезапная перемена в состоянии миссис Брим произошла уже после того, как ее муж написал записку с приглашением на ланч. Миссис Бивер отправила свою юную компаньонку в Истмид с сообщением для гостей. Джин должна была

развлекать их там вместо нее и помнить, что может вернуться на ланч в Баундс, только если за ней пошлют. У двери девушка остановилась и с тоской в голосе воскликнула, обращаясь к Розе Армиджер:

— Что ж, тогда передайте ей мой сердечный привет!

## III

— Ваша юная приятельница столь же душевна, сколь хороша собой, — заметила Роза. — Передавать сердечный привет людям, которых никогда не видела!

— Она имела в виду малышку, — возразила миссис Бивер. — По-моему, это довольно мило с ее стороны. Я же в подобных случаях всегда думаю о матери. Я полагала, что ее состояние не вызывает опасений.

— Надеюсь, что так и есть. Но час назад сиделка заявила, что сегодня утром я вовсе ее не увижу. Это будет в первый раз за несколько дней.

Миссис Бивер помолчала.

— Вы пользовались привилегией, в которой мне было отказано.

— Ах, но вы должны помнить, что я старинная подруга Джулии. Она всегда так ко мне относилась.

— Конечно, я знаю, что вы друг другу как родные, — согласилась миссис Бивер и продолжала: — Что ж, мы с вами не в такой давней дружбе, но я тоже отношусь к вам по-семейному. Давайте вместе подождем новостей, только сидите тихо,

как мышка.

— Дорогая миссис Бивер, — запротестовала девушка, — я никогда в жизни не производила шума!

— Когда-нибудь нашумите, с вашим-то умом.

— Мне хватит ума, чтобы вести себя тихо. — И, помрачнев, Роза добавила: — Я — единственное существо, которое дорогая Джулия могла считать всецело ей принадлежащим.

Миссис Бивер вскинула брови.

— А мужа ее вы в расчет не принимаете?

— Я принимаю Тони в расчет, и даже очень, но он — другое.

Миссис Бивер снова задумалась — возможно, о том, кем же молодая особа, пусть даже столь благоразумная, может считать Энтони Брима, если не сокровищем для его жены. Но вслух она спросила:

— Вы и в лицо ему говорите «Тони»?

На этот вопрос мисс Армиджер ответила мгновенно.

— Он сам попросил меня называть его так. Даже в разговорах с Джулией. Не бойтесь! Я знаю свое место и не зайду слишком далеко. Конечно, сейчас вся ее жизнь в нем — в нем и отчасти в ребенке. Я лишь хочу сказать, что если он значит

для Джулии гораздо больше, то я, по крайней мере, была с ней рядом гораздо дольше. Я старше ее на три года, но еще в детстве нас сплотило то, что сплачивает лучше всего, — общая неприязнь.

— О, я знаю, к кому! — подхватила миссис Бивер в своей обычной манере человека, которому ведомо все обо всех.

— Тогда, возможно, вы знаете, что ее гадкая мачеха — увы, гордиться тут нечем! — приходится мне теткой. Отец Джулии — второй муж миссис Грэнтем, а мой дядя, брат матери, — первый. Джулия потеряла мать; я потеряла и мать, и отца. Миссис Грэнтем взяла меня к себе вскоре после того, как вышла замуж во второй раз. Она отправила меня в ту же ужасную уэймутскую школу, куда раньше поместила падчерицу.

— Вы обе должны быть ей благодарны, — заметила миссис Бивер, — за то, что она вас познакомила.

— Мы благодарны; мы никогда об этом не забывали. Она как будто превратила нас в сестер, причем мне досталось место старшей, которая защищает младшую. Это чудесно. Но больше ничего хорошего она для нас не сделала.

Миссис Бивер деловито и обстоятельно взвесила это заявление.

— Значит, она действительно чудовище?

Роза Армиджер меланхолично покачала головой.

— Не спрашивайте меня о ней. Пожалуй, я питаю к ней слишком сильную неприязнь, чтобы судить справедливо. Осмелюсь сказать, однако, что для меня ее недалекость и черствость не имели серьезного значения. Я не была легкой добычей, я могла постоять за себя, могла бороться. Джулия лишь смиренно страдала. Для нее брак стал настоящим спасением.

Миссис Бивер слушала с явным недоверием.

— И все же пару дней назад миссис Грэнтем приехала сюда из города — и уехала, проведя у Джулии каких-то пару часов. Она проделала долгий путь, чтобы нанести визит падчерице.

— Не из добрых побуждений, — возразила Роза. — От ее приезда был один вред, и я считаю — и Джулия считает, — что именно навредить входило в ее намерения. Миссис Грэнтем прекрасно знала, как ее приезд подействует на Джулию, и добилась того, чего хотела. Она заявила, что прибыла в эту трудную минуту, чтобы заключить мир. Почему она не могла оставить бедняжку в покое? Вместо этого она разворошила ужасное прошлое и разбередила старые раны.

Миссис Бивер перевела разговор на другое:

— По-видимому, она и с вами дурно обходилась.

Роза ответила открытой улыбкой.

— По-моему, отвратительно, но меня это не трогает. Теперь ей меня не задеть и не достать.

— В вашем описании она выглядит чудовищем. И все же, как видно, нашлись двое достойных мужчин, которые оказали ей величайшее доверие.

— Мой бедный дядя перестал ей доверять, когда увидел ее истинное лицо. Она убила его. Он умер от ужаса, который испытал, поняв, на ком женился. Что касается отца Джулии, то вы можете считать его достойным человеком, но он подкаблучник. Он боится жены.

— А то, что она, как вы сами говорите, взяла вас к себе, хотя и не приходилась вам родней? То, что она заботилась о вас и отдала вас в школу? — спросила миссис Бивер, пытаясь выставить еще один довод в защиту миссис Грэнтем. — Разве это не говорит о ее доброте?

— Она взяла меня к себе, чтобы мучить или по крайней мере помыкать мной. У нее есть потребность причинять боль другим. Именно эта потребность привела ее сюда.

— Вы умеете разложить все по полочкам, — заметила миссис Бивер. — Если я когда-нибудь окажусь под судом — скажем, из-за путаницы с банковскими делами, — надеюсь, мой адвокат будет обладать вашими способностями и даром убеждения. — И любезно продолжила: — Неудивительно, что ваши друзья — даже такие безгрешные, как наша милая пара, — столь крепко за вас держатся.

— Если вы имеете в виду: вас не удивляет, что я остаюсь здесь так долго, — весело сказала Роза, — то я очень признательна за ваше расположение. Джулия — единственный родной мне человек.

— Как легко вы сбрасываете со счетов мужей и возлюбленных! — рассмеялась миссис Бивер. — Разве я не имела удовольствия слышать о некоем джентльмене, за которого вы скоро должны выйти замуж?

Роза Армиджер распахнула глаза — возможно, чуть наигранно. Во всяком случае, вид у нее был такой, словно ей пришлось приложить определенное усилие, чтобы понять, о ком речь.

— Вы о Деннисе Видале? — переспросила она.

— Боже, неужели он не единственный?! — вскричала миссис Бивер, после чего, видя, что девушка слегка покраснела и замялась, почти

вынуждая поверить, что есть и другие, добавила:
— Ваша помолвка — дело решенное, разве нет?

Роза Армиджер оглянулась на часы.

— Мистер Видал будет здесь сегодня утром. Спросите у него, что он об этом думает.

В этот миг одна из дверей в холле отворилась, и миссис Бивер воскликнула с некоторой горячностью:

— Уж не он ли это?

Горячность была весьма ей свойственна и представляла собой одну из существенных сторон ее личности — механизма, детали которого уже давно и плотно притерлись друг к другу. По какой-то причине в эти несколько минут молодая особа, с которой она разговаривала, сильнее, чем когда-либо прежде, показалась ей возможным предметом интереса юноши, слишком наивного с точки зрения даже самой респектабельной матери. Мисс Армиджер только что дала понять, что вполне может расценивать достойных джентльменов как подкаблучников. Она определенно была слишком незаурядной, чтобы ее можно было не принимать в расчет. Если существовала хотя бы малейшая опасность, что Пол в нее влюбится, следовало устроить так, чтобы на пути к ее собственному браку не было никаких

препятствий.

Однако вошедший оказался всего лишь доктором Рэймиджем, который уже имел весьма внушительную в своей материальности супругу и, следовательно, никак не мог поспособствовать миссис Бивер в решении данной проблемы. Это был маленький человечек, который с предупредительным видом передвигался на цыпочках, словно играл в какую-то салонную игру с сюрпризами; его чистое и круглое лицо напоминало большую белую пилюлю. Миссис Бивер однажды сказала, посылая за ним: «Я хочу принять не его лекарство, а его самого. Я принимаю его два раза в неделю с чаем». Самый тон доктора действовал на нее благотворно. В руке он держал листок бумаги, исписанный с одной стороны; с этим листком доктор немедленно обратился к мисс Армиджер. То был рецепт, по которому следовало приготовить снадобье, и доктор попросил Розу устроить так, чтобы рецепт немедленно доставили аптекарю; он упомянул, что, выйдя из комнаты миссис Брим, сразу направился в библиотеку, чтобы обдумать назначение. Роза, бросив взгляд на рецепт, с ходу определила природу микстуры, ответила, что с утра находится в нервном настроении и хочет прогуляться, по-

этому выполнит поручение сама. Ее шляпка и накидка были в холле; она надела их, собираясь пойти в церковь, но, по зрелом размышлении, видя, что мистер Брим передумал посещать сегодняшнюю службу, сняла.

— Очень хорошо, что вы займетесь этим сами, — сказал доктор.

У него имелись и устные указания, которые она, уже одетая, выслушала со всем вниманием, сосредоточенностью и готовностью помочь. Передавая ей листок, доктор Рэймидж прибавил:

— Вы очень милы, сообразительны и услужливы.

— Она свое дело знает! — с чувством произнесла миссис Бивер. — Но, ради всего святого, что с Джулией?

— Скажу вам, когда буду это понимать, моя дорогая леди.

— С ней действительно что-то не так?

— Жду, когда станет ясно.

Мисс Армиджер тоже ждала, не спеша их покинуть. Услышав вопрос миссис Бивер, она остановилась, не дойдя до двери, и стояла, глядя своими пронзительными ясными глазами на доктора Рэймиджа.

Миссис Бивер также не сводила с него взгляда.

— Значит, вы еще не уходите?

— Ни в коем случае, хотя меня уже ждут в другом месте. Сначала мне нужно получить то средство, за которым вы идете, — сказал он Розе.

Она двинулась к двери, но снова остановилась.

— Мистер Брим все еще с ней?

— Именно так. Потому-то я здесь. Она настоятельно попросила оставить их наедине на пять минут.

— Значит, сиделка тоже не с ними? — спросила Роза.

— Сиделка воспользовалась случаем перекусить. Миссис Брим забрала себе в голову, что ей нужно сказать мужу что-то очень важное.

Миссис Бивер уселась поосновательнее, явно не собираясь в ближайшее время трогаться с места.

— И что же это может быть, скажите на милость?

— Она выставила меня из комнаты как раз затем, чтобы скрыть это от меня.

— Думаю, я знаю, в чем дело, — сказала их собеседница от двери.

— В чем же? — требовательно спросила миссис Бивер.

— О, я не скажу вам ни за что на свете!

И с этими словами Роза Армиджер удалилась.

## IV

Оставшись наедине с хозяйкой Истмида, доктор Рэймидж чуть рассеянно посмотрел на свои часы.

— Наша юная подруга в чрезвычайно нервном состоянии.

Миссис Бивер бросила взгляд в том направлении, куда удалилась Роза.

— Вы говорите об этой девушке?

— Я говорю о дорогой миссис Тони.

— Это справедливо и для мисс Армиджер; она места себе не находит от беспокойства. А Джулия, если уж на то пошло, — продолжала миссис Бивер, — никогда не умела держать себя в руках.

— Вот именно. Ей нужно, чтобы ее держал в руках кто-то другой. Что ж, по счастью, у нее есть для этого Тони.

— Значит, он сам уже пришел в себя? А то на него нынче в очередной раз что-то нашло.

Доктор Рэймидж поколебался, прежде чем ответить.

— Я не совсем его понимаю. Кажется, у него в голове полсотни мыслей сразу.

Миссис Бивер пристально посмотрела на док-

тора.

— А когда с ним бывало иначе? Но я только сегодня утром получила от него записку, составленную в самом приподнятом настроении.

Маленькие глазки доктора Рэймиджа не выражали ничего, кроме того, что он считал нужным выразить.

— Ну, этого у него не отнять, что бы с ним ни случилось!

Миссис Бивер подскочила.

— Роберт Рэймидж, — строго спросила она, — что такое должно случиться с этим мальчиком?

Прежде чем он успел ответить, раздался внезапный звук, который, как ни странно, вполне мог быть сочтен своего рода ответом на заданный ею вопрос и заставил их обоих вздрогнуть. Неподалеку, в комнате миссис Брим, сработал один из тех хитроумных и громких электрических звонков, которые в глазах миссис Бивер служили ярким примером характерных для Баундса нововведений. Оба подождали мгновение, затем доктор тихо произнес:

— Зовут сиделку!

— Не вас?

Пока миссис Бивер говорила, звонок зазвенел снова.

— Зовут сиделку, — повторил доктор Рэймидж, но все же направился к двери, через которую ранее вошел в холл.

Он снова остановился, прислушиваясь, и в следующее мгновение дверь распахнулась, пропуская высокого привлекательного молодого человека, одетого с иголочки, но строго, как раз для посещения церкви, и с большой орхидеей в петлице.

— Вы звали сиделку? — сразу же спросил врач.

Молодой человек стоял, переводя взгляд с одного на другую.

— Она там. Все в порядке. Но, ах, мои дорогие!..

И он, словно смахивая какой-то неотвязчивый зримый образ, с силой провел рукой по лицу, неизменная жизнерадостность которого проглядывала даже сквозь смятение.

— Как сейчас Джулия? — спросила миссис Бивер.

— Говорит, ей стало намного легче от того, что мы поговорили.

— О чем вы говорили, Тони?

— Обо всем, что она напридумывала, и это немыслимо — это ужасно.

— Если бы я не знал, что она хочет именно этого, — заметил доктор, — я бы ей не позволил.

Миссис Бивер окинула внимательным взором своего коллегу по управлению банком.

— Вы расстроены, бедный мой мальчик — на вас что-то нашло, и нешуточное. Произошло что-то, причинившее вам боль.

Тони Брим пропустил это замечание мимо ушей; его внимание было приковано к другому посетителю. Тот стоял, взявшись одной рукой за дверь, ведущую из холла наружу, и безмятежно глядел на раскрытые часы, которые держал в другой.

— Рэймидж, — внезапно выпалил Тони, — вы что-то скрываете? Разве с ней не все в порядке?

Маленькое аккуратное лицо доброго доктора, казалось, само собой сделалось еще круглее.

— Вы хотите сказать, что дорогая леди убеждена, будто ее последний час близок?

— Совершенно убеждена, — ответил Тони. — Если она отослала вас и сиделку, если она заставила меня опуститься на колени у ее кровати и взять ее за руки, то что, по-вашему, я должен был подумать?

Доктор Рэймидж широко улыбнулся.

— Ну, конечно же, что она готовится погибнуть во цвете лет. Я такого навидался предостаточно! — сказал он, обращаясь к миссис Бивер.

— Раньше это было возможно, но не теперь, — резонно возразила та. — Была вероятность, что она погибнет, но теперь это уже позади.

— Доктор, — спросил Тони Брим, — моя жена умрет?

Его друг на мгновение заколебался.

— Когда единственным симптомом склонности к тому является очаровательная многословность, с которой леди распространяется об этой возможности, можно заключить, что дела обстоят в известной мере неплохо. Но для окончательного суждения этого не вполне достаточно.

— Она говорит, что знает это, — продолжал Тони. — Но вы ведь знаете больше, чем она, не так ли?

— Я знаю все, что можно знать. Я знаю, что при определенных обстоятельствах славные молодые мамочки, сделав это неизбежное заявление, переворачиваются на другой бок и покойно засыпают.

— Именно это сиделка должна заставить ее сделать, — сказал Тони.

— Именно это она и делает.

Едва доктор Рэймидж договорил, как звонок в комнате миссис Брим прозвучал в третий раз.

— Прошу меня извинить! — невозмутимо доба-

вил он. — Меня зовет сиделка.

— А меня она не зовет? — воскликнул Тони.

— О нет! — Доктор властно поднял руку. — Оставайтесь здесь.

С этими словами он отправился к пациентке.

Если миссис Бивер часто и без стеснения озвучивала свою теорию о том, что на молодого банкира порой «находит», то эта ее привычка, к которой сам он относился на удивление терпимо, основывалась на ощущении, что у Тони есть какое-то свойство, с ходу заметное даже случайному наблюдателю. Одна женщина, еще умнее миссис Бивер, с которой Тони познакомился на пороге жизни, объясняя ему подоплеку какого-то происшествия, сказала: «Причина, знаете ли, в том, что вы весь одно сплошное преувеличение». Она не имела в виду, что он склонен во всем фанатично доискиваться истины, но пыталась описать словами некую пассивную чрезмерность, которой отличался весь Тони, начиная — для внимательного глаза — с галстуков и заканчивая интонациями. Взглянув на него, всякий сразу видел кладезь даров, которые представлялись таковыми именно потому, что в каждом случае слегка превышали меру. Он умел делать дела — это все, что он о них знал; и он был, мож-

но сказать, сложившимся человеком — ему не нужно было собирать себя воедино. Его одежда была слишком элегантной, цвет лица — слишком ярким, усы — слишком длинными, голос — слишком громким, улыбка — слишком веселой. Его движения, манеры, тон были, в свою очередь, слишком свободными, слишком непринужденными и слишком фамильярными; короче говоря, было слишком очевидно, что это очень красивый, счастливый, умный, активный, амбициозный молодой человек из провинции. Но в итоге его присутствие само по себе создавало ощущение тесного контакта; ощущение непосредственной, бессознательной, ничем не ограниченной жизни; ощущение, что этот человек делает то, что ему нравится, и любит доставлять удовольствие окружающим. По мнению миссис Бивер, порой, когда на него «находило», он снова становился мальчишкой, о чем свидетельствовала чушь, которую он в таких случаях нес. Не то чтобы и сейчас он прямо-таки дал волю этой склонности, но она не могла не заметить, что стоило доктору удалиться, как Тони (именно в этом безалаберном духе) почти сразу же спросил ее, не привела ли она с собой ту ужасно милую девушку.

— Она была здесь, но я отослала ее обратно,

домой. — Затем гостья добавила: — Она кажется вам ужасно милой?

— Просто чудо! Я обратил на нее живейшее внимание.

— Она еще ребенок. Ради всего святого, не выказывайте свое внимание слишком явно! — вырвалось у миссис Бивер.

Тони Брим ответил ей ясным взглядом, после чего заявил еще более ясным тоном:

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Конечно, я этого не сделаю! — Затем поинтересовался, изображая наивную добросовестность: — А надеяться, что она вернется к ланчу, — значит выказывать свое внимание слишком явно?

— Бесспорно, если Джулия так плоха.

— Да, Джулия чувствует себя сквернее некуда — но она-то тут ни при чем, — сказал Тони со своей взволнованной улыбкой. — Джулия знает о ней, надеется, что она придет, и хочет, чтобы все было естественно и приятно. — Тони снова провел рукой по глазам и добавил, как будто только что осознал, что его тон требует объяснения: — Дело только в том, что Джулия такая подавленная, разве вы не видите? Это невыносимо.

Миссис Бивер помолчала, пока ее собеседник нервно расхаживал по комнате.

— Это всего лишь временный перепад настроения. Доверьтесь Рэймиджу, он знает, что делает.

— Да, слава богу, я могу довериться Рэймиджу, он знает, что делает! — Тони принадлежал к людям, от природы восприимчивым к внушению, и в следующее мгновение смог перейти к менее грустной теме: — Вы случайно не знаете, куда делась Роза?

Уловив новый момент в речи собеседника, миссис Бивер опять помедлила, прежде чем ответить.

— Вы теперь зовете ее Розой?

— Ну да, конечно, когда разговариваю с Джулией. А с ней самой? — продолжал он, как будто припоминая. — К ней самой я тоже так обращаюсь? Да, — вспомнил он наконец, — думаю, должно быть, так и есть.

— Должно, значит, должно, — сухо сказала миссис Бивер. — Ваша *Роза* отправилась к аптекарю по поручению доктора.

— Как это мило с ее стороны! — воскликнул Тони. — Она — огромное утешение в нашем положении.

Миссис Бивер не высказала никакого мнения на этот счет, но, несомненно, лишь потому, что вскоре задала новый вопрос:

— Кто этот человек, который приезжает сегодня, чтобы жениться на ней?

— По-моему, очень славный малый — и дела у него, что называется, идут на лад: он служит в какой-то конторе на Востоке.

— А почему он не приехал раньше?

— Потому что был в Гонконге или вроде того, работал изо всех сил, чтобы обеспечить свое будущее. Она говорит, что он беден, но стремится пробиться. У них нет ничего, кроме ее собственных двух сотен.

— Две сотни в год? Для них этого вполне достаточно! — заметила миссис Бивер.

— Тогда вам следует сказать ему об этом! — рассмеялся Тони.

— Надеюсь, вы меня поддержите! — ответила миссис Бивер; после чего, не дав ему и рта раскрыть, внезапно спросила: — Откуда она знает, о чем Джулия хотела с вами поговорить?

Тони удивился и растерялся.

— Только что? Она знает? Не имею ни малейшего представления. — В этот миг за стеклянными дверями передней появилась Роза, и он добавил: — А вот и она.

— Тогда можете спросить у нее.

— Запросто.

Но, когда девушка вошла, Тони обратился к ней лишь с выражением живой благодарности за оказанную услугу, так что хозяйка Истмида, с минуту подождав, предположила — и вид у нее при этом стал еще суровее прежнего, — что по некоей причине он предпочитает провести дознание в отсутствие посторонних ушей. Прощаясь с ним на время, она упомянула, что у нее дома гости, о которых она не должна забывать.

— Значит, вы не вернетесь? — спросил он.

— Вернусь через час-другой.

— И приведете мисс, как бишь ее?

Поскольку миссис Бивер не ответила, Роза Армиджер также подала голос:

— Да, приводите мисс, как бишь ее.

Не выразив внятного согласия, миссис Бивер подошла к двери, которую Тони открыл перед нею. Здесь она приостановилась, достаточно надолго, чтобы услышать, как Роза заявила:

— На мой вкус, она прелестно одевается.

— А на мой, у нее прелестные волосы! — рассмеялся Тони.

Миссис Бивер посмотрела по очереди на обоих.

— Не кажется ли вам, что у вас и здесь прелестей хватает, судя по тому, как обстоят нынче дела?

И вышла, твердо решив, что вернется одна.

## V

Три минуты спустя Тони Брим задал-таки упомянутый вопрос второй своей гостье:

— Правда ли вы знаете, что именно Джулия некоторое время назад собиралась мне сказать и ради чего велела остальным выйти?

Роза помедлила.

— Миссис Бивер доложила вам, что я ей это сообщила? Тогда да; я, вероятно, действительно это знаю. — Она подождала еще немного. — Бедняжка объявила вам, что убеждена: смерть ее близка. — Затем, увидев, с каким лицом он встретил эти без обиняков произнесенные слова, воскликнула: — Не нужно быть чудовищно хитрой, чтобы догадаться!

Тони заметно побледнел: то, что эта бессмыслица уже дошла до чужих ушей, имело значение и как бы придавало ей важности.

— Она и вам это сказала?

Роза сочувственно улыбнулась.

— Она оказала мне эту честь.

— Вы имеете в виду, сегодня?

— Сегодня — и один раз до этого.

Потрясенный Тони простодушно смотрел на

нее.

— Вчера?

Роза снова поколебалась.

— Нет, еще до рождения вашего ребенка. Вскоре после того, как я приехала.

— Значит, это настроение было у нее с самого начала.

— Да, — сказала Роза со спокойствием, свойственным человеку, который понимает происходящее лучше других, — она нарисовала себе эту приятную маленькую перспективу. Она называла это предчувствием, навязчивой идеей.

Тони слушал, нахмурившись.

— И вы никогда не говорили об этом?

— С вами? С какой стати я должна была говорить об этом вам, если она сама не сказала? Я восприняла это как должное — неизбежное, но незначительное следствие нервного расстройства, вызванного визитом ее мачехи.

Тони передернуло; засунув руки в карманы брюк, он сделал несколько шагов по комнате.

— Черт бы побрал визит ее мачехи!

— Именно это я и сказала! — рассмеялась Роза.

— Черт бы побрал и саму мачеху! — гневно продолжал Тони.

— Тише! — успокоительно произнесла де-

вушка. — Нам не до́лжно проклинать своих родственников пред лицом доктора!

Доктор Рэймидж вернулся от пациентки, и Роза сообщила, что лекарство, за которым она ходила, доставят немедленно.

— Большое спасибо, — ответил доктор. — Я сам его заберу. Мне пора бежать к другому пациенту. — Он дружески пожал руку Тони и кивнул в сторону комнаты, откуда только что вышел: — Все тихо.

Тони благодарно схватил его руку и удержал в своих.

— А зачем был этот громкий звонок, которым вас звали?

— Глупая поспешность сиделки. Мне было стыдно за нее.

— Тогда почему вы пробыли там так долго?

— Чтобы поговорить с вашей женой. Она снова хочет вас видеть.

Тони тут же выпустил руку доктора.

— Тогда я иду!

Доктор воздел освобожденную длань.

— Через четверть часа, не ранее. Я бы и вовсе вас туда не допускал, но, так и быть, разрешаю провести там пять минут.

— Возможно, после этого ей станет легче, — за-

метила Роза.

— Именно поэтому я и соглашаюсь. Но, сами понимаете, нужно соблюдать осторожность. Сиделка скажет вам, когда уходить, — сказал доктор Тони.

— Большое спасибо. А вы вернетесь?

— Как только освобожусь.

Доктор ушел, а Тони остался стоять с мрачным видом.

— Она хочет сказать это снова. Вот чего она хочет.

— Что ж, — ответила Роза, — чем чаще она это повторяет, тем меньше в этом правды. Не ей это решать.

— Да, — задумчиво согласился Тони, — не ей. — И вскоре добавил: — Но также не вам и не мне.

— И даже не доктору, — заметила Роза в своей нарочито ироничной манере.

Тони тревожно посмотрел на нее.

— И все же он так обеспокоен, как будто решать придется ему. — Роза запротестовала, но он не обратил внимания на ее слова. — Если что-нибудь случится… — Казалось, взгляд его был устремлен в ту же даль, где витали его мысли. — Как по-вашему, что будет со мной?

Девушка опустила глаза и очень серьезно от-

ветила:

— Многим мужчинам приходилось пройти через подобное испытание.

— И как же скверно им было, этим мужчинам. — Казалось, Тони погряз в попытках вообразить и примерить на себя самое худшее. — Что мне делать? Куда кинуться?

Роза немного помолчала.

— Вы слишком многого от меня требуете! — беспомощно вздохнула она.

— Не говорите так, — ответил Тони, — в минуту, когда я так плохо понимаю, не следует ли мне просить вас о большем, о гораздо большем! — Услышав это восклицание, Роза встретилась с ним глазами, и выражение ее лица могло бы поразить его, если бы мысли его не были заняты другим. — Вам, Роза, я могу это сказать: она мне невыразимо дорога.

Роза посмотрела на него с глубоким пониманием.

— Именно ваша привязанность к ней покорила мое сердце. — Затем она тряхнула головой, и ее великодушная веселость словно бы выплеснулась, как чай из переполненной чашки. — Но не тревожьтесь. Не может быть, чтобы мы любили ее так сильно только для того, чтобы потерять.

— Пусть меня повесят, если это произойдет! — ответил Тони. — К тому же подобные разговоры звучат гнусно и фальшиво, когда налицо такая радость, как у вас.

— Как у меня? — несколько неуверенно повторила Роза.

Ее собеседник уже был в состоянии заметить ее недоумение и найти его забавным.

— Надеюсь, с мистером Видалом вы разговариваете иначе!

— А, мистер Видал! — пробормотала Роза странным тоном.

— Разве вы не будете рады его увидеть?

— Очень рада. Но как бы вам получше объяснить? — Она на мгновение задумалась, а затем продолжала, будто исключительная понятливость Тони и установившаяся между ними приятная близость делали ответ вполне очевидным: — Радость радости рознь. Это не юношеская любовная мечта; скорее старая и довольно печальная история. Мы волновались и ждали — мы знаем, что такое печаль. Наше сближение было непростым.

— Я знаю, что вам пришлось очень нелегко. Но разве теперь пора испытаний не миновала?

Роза помедлила.

— А вот это как раз ему решать.

— И он, как я вижу, уже все счастливо решил! Только посмотрите на него.

Пока Тони говорил, дворецкий распахнул стеклянные двери. В дверях стоял молодой человек, прибывший из Китая, — невысокий, худощавый, с гладко выбритым лицом, в темно-синем двубортном сюртуке.

— Мистер Видал! — объявил дворецкий, прежде чем снова удалиться, а посетитель, быстро войдя в холл, внезапно и робко остановился при виде хозяина.

Его заминка, однако, продлилась ровно до тех пор, пока Роза с чисто девичьей непосредственностью и грацией не положила ей конец. Тони сразу почувствовал, что он здесь лишний, но это не помешало ему восхититься ее очаровательным и стремительным движением навстречу гостю, ее ласковым «Деннис, Деннис!», ее легкими трепещущими руками, нежно склоненной головой и краткой, но знаменательной тишиной, наступившей в миг, когда она обняла возлюбленного. Тони поглядел на них, сияя от удовольствия, ибо их торжество не обошлось и без его содействия, и немедленно с теплотой пожал гостю руку. Он пресек смущенные выражения благодарности

последнего, поскольку был слишком обрадован, и, пообещав, что скоро вернется, чтобы показать гостю его комнату, снова отправился к бедной Джулии.

## VI

Когда дверь за хозяином закрылась, Деннис Видал снова привлек к себе нареченную и с безмолвной радостью прижал ее к груди. Она мягко повиновалась, а затем еще более мягко попыталась высвободиться, хотя он, покрасневший и настойчивый, так до конца ее и не выпустил. Суровое молодое лицо Денниса светилось: его глаза, так долго не видевшие любимую, вновь платили ей дань восторга. Удерживая ее, он расплылся в улыбке, так что по бокам сухих тонких губ образовались две складки, говорившие о сильном, но снисходительном нраве.

— Дорогая моя, — пробормотал он, — вы именно такая, как мне помнилось, и даже более того!

Она шире раскрыла ясные глаза.

— Что значит «более того»?

— Еще более тревожащая! Смотрю — и боюсь.

И он снова поцеловал ее.

— Это вы замечательный, Деннис, — сказала Роза. — Вы выглядите так невероятно молодо.

Деннис ощупал худой, изящной, загорелой рукой свой чисто выбритый загорелый подбородок.

— Если бы я выглядел таким старым, каким себя чувствую, дорогая девочка, мой портрет печатали бы в газетах.

Он усадил Розу на ближайший диван и сидел боком, сжимая ее запястье, которое так и не выпустил, хотя пальцы ей удалось высвободить. Роза же тем временем откинулась на спинку дивана и сама внимательно его рассматривала.

— И все же нельзя сказать, что вы выглядите по-мальчишески — или даже так уж свежо и молодо, — продолжала она, словно желая сама толком разобраться в своих впечатлениях.

— Свежо, моя дорогая девочка! — Деннис счастливо усмехнулся; затем поднес ее запястье к губам и держал так, не сводя с нее глаз, пока она не отнимала руку. — Вот это — самое юное, самое свежее из всего, что я знаю! — воскликнул он, когда Роза высвободила наконец запястье и сложила руки на коленях.

— Жизнь вас потрепала, но вы не сломлены, — заметила она в своей доброжелательной, но отстраненной манере. — Знаете, судя по вашей внешности, дела у вас совсем неплохи.

— Да, мои дела совсем неплохи, я знаю, — произнес он с едва заметной ноткой нетерпения. Затем добавил: — Ваш голос все это время звучал

у меня в ушах. Но вы вкладываете в свои слова что-то такое, чего никто другой — все это дурачье несмысленное — в свою речь вложить не может! Не смотрите на меня таким оценивающим взглядом, — продолжал он, улыбаясь. — Вы заставляете меня нервничать: я начинаю сомневаться в том, что меня ждет!

Поначалу оба стеснялись друг друга, но теперь Роза уже преодолела стеснение. Она по-прежнему сидела, откинувшись на спинку дивана, с руками, сложенными на коленях, и, повернув к нему голову, с очаровательной задумчивостью его рассматривала.

— Я всего лишь думаю, — сказала она, — что вы выглядите молодым подобно тому, как стальной инструмент высочайшего качества, сколько бы им ни работали, нередко выглядит новым.

— Ах, если вы имеете в виду, что я затачиваюсь во время работы… — рассмеялся молодой человек.

— Жизнь вас шлифует.

— Шлифует! Какое восхитительное слово вы нашли.

— Я не уверена, что вы теперь стали красивее, чем были, когда уезжали, и не знаю, стали ли вы богаче.

— Тогда позвольте сразу сказать, что да, стал! — перебил Деннис.

Выслушав это заявление, Роза с минуту молчала: эти паузы значили подчас гораздо больше, чем слова, произнесенные вслух.

— Я собиралась сказать, — тихо продолжила она, — что я ужасно довольна собой, когда вижу, что, во всяком случае, вы теперь — как это назвать? — человек состоявшийся.

Радостно взиравший на нее Деннис слегка нахмурился.

— Довольны собой? Неужели мной вы совсем не довольны?

Роза помедлила.

— Прежде всего — собой, поскольку в вас я была уверена с самого начала.

— То есть до того, как я преисполнился уверенности в вас? Я почему-то пока в вас не уверен! — заявил молодой человек.

Роза слегка покраснела, но весело рассмеялась.

— Тогда я опережаю вас во всем!

Чувствуя все более настоятельную потребность в близости, он склонился к ней, одной рукой держась за спинку дивана, а другой теребя ткань ее платья, будто надеялся, что так добьется большей отзывчивости.

— Вы всё еще далеки от меня, так же далеки, как те места, откуда я прибыл.

Он опустил глаза, рассматривая измятую им ткань ее платья, и в этот миг она сверху вниз посмотрела на него, склонившегося, и в глазах ее была какая-то небывалая мольба. Когда он снова поднял голову, это выражение уже исчезло.

— Что вы подразумеваете, говоря о состоявшемся человеке? — спросил он.

— О, не то, что понимают под этим обычно, а то, в чем заключен истинный смысл этих слов. Состоявшийся человек — это человек, о котором не нужно беспокоиться.

— Спасибо! Не беспокоятся о том, от кого нечего ждать.

— Это ужасное, себялюбивое утверждение, — сказала Роза Армиджер. — Я хотела вам сказать, какого успеха вы добьетесь — ибо вы его добьетесь, я это чувствую, — но, вижу, вы не заслуживаете моих похвал.

— Что ж, дорогая, — ответил Деннис, — это не так уж важно, ибо мне доподлинно известно, при каком условии я сам в полной мере почувствую, что добился успеха.

Роза пропустила мимо ушей его намеки и предпочла прямо перейти к изложению собственных

мыслей. Она с искренним дружелюбием положила руку ему на плечо. Он придвинулся ближе и вновь схватил ее за другую руку. Видя его невысокий рост и скромную наружность, видя, как он смотрит на Розу снизу вверх, видя его маленькую прилизанную голову, землистый цвет лица и простодушный взгляд, случайный зритель мог бы в этот миг решить, что он моложе и, пожалуй, слабее, чем статная, зрелая девушка, положившая руку ему на плечо этим оберегающим и даже слегка покровительственным жестом. Однако, исходя из своих представлений о нем, она тем не менее сочла, что имеет полное право вести с ним не тот разговор, какого он ожидал, а тот, какого хотелось ей самой — и желать которого у нее были веские причины, пусть даже причины эти сводились к тому, чтобы выиграть крайне незначительное время.

— Вы не великолепны, мой дорогой старина Деннис, не ослепительны, не опасны — и вовсе даже не выдающийся человек. Но в вас есть нечто маленькое и тихонькое, нечто такое, что под гнетом времени сделалось совершенным, и это — именно здесь, где вы, наконец, со мной встретились, — заставляет меня безмерно вами гордиться!

Высказавшись таким образом, она предоставила ему самому решать, в каких выражениях он сообщит ей о том, как глубоко тронуло его подобное заявление. Характер места, где он «наконец с ней встретился», был таков, что требовалось оглядеться и сориентироваться, и, начав расспрашивать Розу, он узнал, что прибыл в разгар кризиса. Он видел миссис Брим под крылышком Розы в дни девичества; но в своем стремлении поскорее встретиться с единственной женщиной, которая была для него действительно важна, он, судя по всему, вторгся в жизнь совсем другой особы решительнее, чем предполагал. Хотя Деннис снова выразил живейшую благодарность за доброту, проявленную к нему этими славными людьми, он не смог скрыть своего разочарования тем, что их гостья испытывает еще какие-то сильные чувства, помимо радости по поводу его приезда.

— Вы действительно думаете, что бедная леди омрачит нашу радость? — довольно обиженным тоном спросил он.

— Это будет зависеть от того, какого участия от нее может потребовать эта наша радость, — сказала Роза. — Если вы спросите меня, в опасности ли она, то я думаю, что скорее нет: в таком случае

я, конечно, должна была бы вас спровадить. Осмелюсь сказать, что сегодняшний день покажет обратное. Но она так много значит для меня — вы знаете, как много, — что я встревожена и быстро расстраиваюсь; и если вам кажется, что я возбуждена, не похожа на себя и мыслями нахожусь не с вами, прошу списать это на обстановку в доме.

Им еще немало надо было сказать друг другу и об этой ситуации, и о многом другом, поскольку оба стояли лицом к лицу над пучиной накопившегося и необсужденного. Не в силах соблюсти порядок, они еще пять минут беспомощно барахтались в потоке. Сначала Деннис приуныл, ибо то, с чем он здесь столкнулся, похоже, отнюдь не во всем способствовало его планам; затем в приливе вдохновения он заявил своей подруге, что как бы неприятно ни обернулось дело, им обоим следует исходить из того, что их-то счастье ныне гарантировано.

— Наше счастье? — переспросила Роза с большим интересом.

— Конечно. Нашему ожиданию конец.

Она снисходительно улыбнулась.

— Вы предлагаете, чтобы мы сию же минуту пошли и поженились?

— Ну… почти; только сперва я прочту вам одно

письмо. — С этими словами он достал записную книжку.

Роза смотрела, как он торопливо перелистывал книжку.

— Что за письмо?

— Лучшее письмо, какое я когда-либо получал. Куда же я его подевал?

Поднявшись на ноги, он продолжил поиски.

— От вашего начальства?

— От моего начальства. Я получил его в городе, оно открывает передо мной невиданные перспективы.

Роза ждала, пока он рылся в карманах; сложив руки на коленях, она сидела и смотрела на него снизу вверх.

— Тогда мне определенно следует узнать, что в нем написано.

— Но куда, черт возьми, я его засунул?

Смущенно глядя на нее, он сверху донизу охлопал ладонями сюртук и жилет в поисках места, куда мог засунуть письмо; заканчивая с этим занятием, он обнаружил, что рядом стоит дворецкий, не издавая ни звука и держась с надменной отстраненностью старшего слуги, всецело поглощенного задачей распаковки вещей.

— Могу я попросить у вас ключи, сэр?

Тут Денниса Видала осенило. Он ударил себя по лбу.

— Глупец! Оно у меня в чемодане!

— Тогда сходите за ним! — сказала Роза — и, пока говорила, заметила за расположенной напротив нее дверью Тони Брима, собиравшегося вновь к ним присоединиться.

Она встала, и Тони, явно взволнованный, но полностью владеющий собой, немедленно сообщил Деннису своим обычным приветливым тоном, что готов проводить его наверх. При этих словах Роза вмешалась:

— Пусть с ним идет Уокер, я хочу поговорить с вами.

Тони улыбнулся молодому человеку.

— Тогда вы меня извините?

Деннис снова выразил сожаление по поводу доставляемых им хлопот, и Уокер увел его. Роза подождала, пока их не станет ни видно, ни слышно и пока к ней не возвратится Тони, который, положив руку на плечо Видала, проводил обоих до двери.

— Он принес вам хорошие новости? — спросил хозяин Баундса.

— Очень хорошие. Его дела идут на лад; у него все хорошо.

Раскрасневшийся Тони встретил ее слова таким смехом, что можно было подумать, не пьян ли он часом.

— Хотите сказать, что он полностью вам верен?

Роза никогда не терялась перед смелой шуткой.

— Так же верен, как верна ему я! Но главное — что нового у вас?

— У меня?

Тони на мгновение закрыл глаза и стоял, почесывая в затылке, словно желая придать комический оттенок обуревавшим его чувствам.

— Джулия повторила свое заявление?

Тони молча смотрел на Розу.

— Она сделала нечто еще более из ряда вон выходящее, — ответил он наконец.

— Что именно?

Тони огляделся и, упав на стул, закрыл лицо руками.

— Мне нужно немного это переварить, прежде чем сказать вам!

## VII

Роза сочувственно ждала, пока пройдет его нервозность, а тем временем снова опустилась на диван, где только что сидела со своим гостем. Наконец, поскольку, несмотря на ее выжидающий взгляд, Тони продолжал молчать, она спросила:

— Во всяком случае, она по-прежнему утверждает, что не поправится?

Тони отнял руки от лица.

— С величайшей уверенностью — или скорее с величайшим спокойствием. Но сейчас она относится к этому как к несущественной мелочи.

Роза задумалась.

— Хотите сказать, она действительно убеждена, что уходит?

— Так она говорит.

— Но, Боже, действительно ли это так? Это вопрос фактов, а не мнений.

— Это не факт, — сказал Тони Брим. — Как это может быть, когда с первого взгляда видно, что силы ей не изменили? Она, конечно, говорит, что изменили, но выглядит дело совсем иначе. Горячность, с которой она высказывается, — разве это не признак прилива жизненных сил? Конечно,

это волнение — отчасти; но здесь видна также поразительная энергия.

— Волнение? — повторила Роза. — Мне показалось, вы только что сказали, что ей присуще спокойствие.

Тони поколебался, но уточнил:

— Она спокойно относится к тому, что покинет меня, как она это называет, благослови ее Господь; кажется, она приняла эту перспективу с непонятным смирением. Она беспокоится, она — и это еще труднее осознать — действительно мучается и раздражается совсем из-за другого.

— Понимаю — из-за того, о чем вы только что упомянули.

— Она проявляет интерес, — продолжал Тони, — задает вопросы, передает послания, говорит во весь голос. Она была рада узнать, что мистер Видал наконец-то приехал к вам, и просила меня передать вам это от нее и передать это ему — то есть сообщить вам обоим, как она рада, что то, чего вы так долго ждали, теперь так близко.

Роза слушала, потупившись.

— Как мило с ее стороны! — пробормотала она.

— Больше всего она расспрашивала меня о мистере Видале, — продолжал Тони. — Как он выглядит, какое впечатление произвел на меня,

как вы сейчас встретились. Она даже передала мне личное послание для него.

Роза слабо улыбнулась.

— Личное?

— О, только чтобы пощадить вашу скромность: пару слов о том, что она за вас ручается.

— В каком смысле? — спросила Роза.

— Ну, ручается, что вы будете самой очаровательной, самой умной, самой красивой и во всех отношениях самой замечательной женой, которая когда-либо была у любого мужчины.

— Она и впрямь взбудоражена! — рассмеялась Роза. Затем сказала: — А что тем временем думает сиделка? Не о том, конечно, — добавила она с той же легкой иронией, — сгожусь ли я для Денниса.

— О состоянии Джулии? Она хочет, чтобы Рэймидж вернулся.

Роза на мгновение задумалась.

— По-моему, она легко теряет голову. Сущая гусыня.

— Я взял на себя смелость сказать ей именно это. — Тони подался вперед, глядя в пол, уперев локти в колени и нервно потирая ладони друг о друга. Затем рывком поднялся. — Как вы думаете, чего она от меня хочет?

Роза попыталась предположить.

— Сиделка хочет, чтобы вы?..

— Нет, эта нелепая девочка.

Кивнув на комнату жены, Тони подошел к дивану и встал перед Розой.

Снова откинувшись на спинку, Роза размышляла, подняв на него глаза.

— Вы действительно имеете в виду что-то нелепое?

— В данных обстоятельствах — абсурдное.

— Ну, — предположила Роза с улыбкой, — она хочет, чтобы вы позволили ей назвать свою преемницу.

— Как раз напротив! — Тони уселся на то место, где перед тем сидел Деннис Видал. — Она хочет, чтобы я пообещал, что у нее не будет преемницы.

Собеседница пристально посмотрела на него; что-то в его тоне удивило ее и заставило заметно покраснеть.

— Понятно. — Она на мгновение растерялась. — Вы называете это абсурдным?

Тони сперва был явно поражен ее удивлением; затем, поняв его причину и тоже слегка покраснев, воскликнул:

— Не саму эту мысль, моя дорогая Роза, боже упаси! Я говорю о том, какую ошибку мы

совершаем, придавая такое значение ее настойчивости, — воспринимаем ее так, будто согласны с тем, как она видит свое положение, и действительно собираемся с ней проститься.

Роза, казалось, поняла и даже была впечатлена.

— Думаете, от этого ей станет хуже?

— Конечно, если изображать все так, как будто она и вправду вот-вот умрет!

Тони снова вскочил; его тревога была очевидна; он опять принялся беспокойно расхаживать взад-вперед, как делал уже все утро.

Роза наблюдала за его метаниями.

— А что, если вы ей подыграете, и она, напротив, сразу почувствует себя лучше?

Тони бродил по холлу, без конца почесывая в затылке.

— Из духа противоречия? Я сделаю все, что порадует ее или просто успокоит; буду считать ее требование весьма разумным, даже если на самом деле тут всего лишь много шума из ничего. Но у меня мурашки по коже от таких торжественных церемоний, словно и вправду у смертного одра. Боже, помилуй нас!

Наполовину раздраженный, наполовину встревоженный — в обоих случаях страдания его были

порождены нежностью к жене, — он рухнул на другой диван, засунув руки в карманы и вытянув длинные ноги.

— Она хочет, чтобы вы дали ей торжественный обет? — спросила Роза.

— Бедняжка совершенно серьезна. Она хочет, чтобы я поклялся ей честью — именно что дал торжественный обет.

Роза немного помолчала.

— И вы не дали ей эту клятву?

— Я отмахнулся — отказался воспринимать любой подобный разговор всерьез. Я сказал: «Дорогая, у меня с души воротит вести такие жуткие речи, и с какой стати? Подожди, пока не окажешься при смерти!» — На мгновение он растерялся, затем снова вскочил. — Как, черт возьми, она могла вообразить, что я способен…

У него не хватило духа даже закончить фразу.

Роза, однако, договорила за него.

— Жениться снова? Ах, это совсем другое дело! — печально воскликнула она. И добавила: — Тут мы ничего поделать не можем. Конечно, вы понимаете чувства бедной Джулии.

— Ее чувства? — Тони снова встал перед Розой.

— Откуда взялся ее страх перед тем, что вы женитесь снова.

— Конечно, понимаю! Разумеется, всему виной миссис Грэнтем. Она внушила Джулии мысль, что я могу дать нашему ребенку мачеху.

— Вот именно, — сказала Роза, — и, если бы вы знали о детстве Джулии то, что знаю я, вы бы поняли, откуда в ней такой ужас. Он владеет всем ее существом — она скорее предпочла бы, чтобы ребенок умер.

Тони Брим, размышляя, покачал головой с мрачной решимостью.

— Ну, я бы предпочел, чтобы ни Джулии, ни Эффи не пришлось умирать!

— Тогда проще всего дать ей слово.

— Моего слова недостаточно, — сказал Тони. — Она хочет мистических обрядов и заклинаний! Более того, именно к этому простому решению я и хотел прибегнуть. Мои возражения против представления, которого она требует, сводились к тому, что, мне кажется, без таких спектаклей как раз лучше обойтись.

— Попробуйте, — сказала Роза с улыбкой.

— Привести ее в чувство?

— До того, как вернется доктор. Сами знаете, что он, когда придет, вас к ней не пустит.

— Тогда я сейчас же и пойду, — сказал Тони, уже стоя у двери.

Роза поднялась с дивана.

— Будьте очень кратки — но очень убедительны.

— Я готов поклясться всеми богами — в этом или в любой другой чепухе.

Роза стояла напротив него и смотрела ему в глаза с такой проникновенной и упорной настойчивостью, что взгляд ее столько же поощрял его, сколько и удерживал.

— Я вижу, что вы правы, — заявил он. — Вы всегда правы, и я всегда перед вами в долгу. — Затем, открыв дверь, он спросил: — Что-нибудь еще?

— Еще?

— Какой-нибудь совет.

Роза на мгновение задумалась.

— Только один: покажите, что вы полностью прониклись ее идеей, дайте почувствовать, что понимаете ее предложение так, как она сама его понимает.

Тони растерялся.

— Как она сама его понимает?

— Покажите, что думаете про весь срок жизни вашей дочери. — Поскольку Тони, казалось, все еще недопонимал, Роза отважилась уточнить: — Если вы потеряете Эффи, причина исчезнет.

Услышав это, Тони покраснел и вскинул го-

лову.

— Моя дорогая Роза, вы же не думаете, что эта клятва настолько необходима…

— …что вы ее дадите? — перебила Роза. — Конечно, не думаю, так же как не предполагаю, что мы обсуждаем степень вашей верности. Но главное — убедить Джулию, и я сказала это только потому, что убедить ее будет легче, если вы покажете, что действительно собираетесь сделать то, под чем подписываетесь.

Тони издал свой нервный смешок.

— Разве вы не знаете, что я всегда подписываюсь — особенно под «обращениями» — самым безрассудным образом? — Затем отрезал другим тоном, словно испытывая страстную потребность дать разъяснение: — Я никогда, никогда, никогда даже не взгляну на другую женщину!

Девушка одобрила его слова нетерпеливым жестом.

— Вы поняли, мой дорогой Тони. Вот этими самыми словами ей об этом и скажите!

Но он уже исчез за дверью, и, обернувшись, она оказалась лицом к лицу со своим возлюбленным, возвратившимся, как раз когда она произносила эти последние фразы.

## VIII

Деннис Видал стоял с письмом в руке и улыбался ей.

— Что, скажите на милость, понял ваш дорогой Тони и что он должен сказать?

— Что он должен сказать? Должен сказать кое-что своей жене, у которой, похоже, нервы настолько разыгрались, что она довела себя до какого-то небывалого состояния.

Лицо молодого человека вытянулось.

— Что это за состояние?

— Странное неверие в саму себя. Она подавлена и напугана — ей кажется, что она угасает.

Деннис посерьезнел.

— Бедная маленькая леди, какое горе для нас! Я прекрасно ее помню.

— И она, конечно, вас помнит, — сказала Роза. — Она проявляет самый дружеский интерес к вашему пребыванию здесь.

— Это очень любезно с ее стороны, в ее-то состоянии.

— О, ее состояние, — возразила Роза, — не такое уж плохое, как она думает.

— Понятно. — Деннис поколебался. — И именно

это мистер Брим должен ей сказать.

— Не только. — Роза взглянула на документ, который он ей принес; бумага лежала в конверте, и Деннис чуть нетерпеливо постукивал по нему кончиками пальцев левой руки. Однако ее дальнейшие слова не имели к документу никакого отношения. — Ее гнетет болезненный страх из-за того, что он — подумать только — может еще раз жениться.

— Если она умрет? Она хочет, чтобы он этого не делал? — спросил Деннис.

— Она хочет, чтобы он этого не делал. — Роза немного помолчала. — Она хочет быть единственной.

Деннис задумался, слегка смущенный тем, что заглянул одним глазком в обстоятельства, которые лишь отдаленно касались его.

— Ну, я полагаю, такое желание не редкость среди женщин.

— Осмелюсь предположить, что так оно и есть. — Серьезность девушки уступила место мимолетной улыбке. — Осмелюсь предположить, что и я бы этого желала.

В ответ Деннис Видал просто схватил ее и поцеловал.

— Вам нечего бояться — вы будете единствен-

ной!

Его объятие продлилось всего несколько секунд, и Роза не сделала ни малейшей попытки вырваться, но посмотрела на него так, словно хотела дать понять, что крайне приподнятое настроение, о котором свидетельствовал этот жест, было, возможно, чуть-чуть не ко времени.

— Именно это, — обронила она, — я посоветовала ему сказать Джулии.

— Иного я и не ожидал! — Вскоре Деннис продолжил с некоторым удивлением: — Разве он этого не хочет?

— Хочет всей душой. Они оба — всё друг для друга. Но он, естественно, очень расстроен и сбит с толку.

— И он пришел к вам за советом?

— О, он приходит ко мне, — сказала Роза, — так, как мог бы прийти поговорить о ней с ее матерью, которой бедняжка, к несчастью, никогда не знала.

В молодом человеке снова взыграла жизнерадостность.

— Хотите сказать, что он обращается с вами как с тещей?

— Во многом да. Но я очень хорошо к нему отношусь. Люди, которые хорошо относятся к Джулии,

могут обращаться со мной как угодно.

Деннис с минуту молчал, а затем вынул письмо из конверта.

— Что ж, надеюсь, они благодарны вам за такую преданность.

— Благодарны мне, Деннис? Они меня просто обожают. — Затем, как бы желая напомнить ему о некоем обстоятельстве, в наличии которого и ему важно отдавать себе отчет: — Разве вы не видите, как много значит для бедной девушки иметь такой якорь — место, где ее уважают, где ей сочувствуют, место, где можно найти прибежище?

Приняв этот вызов, ее гость немного подумал и честно ответил:

— Конечно, я рад, что у вас такие славные друзья — сразу видно, что они очаровательные люди. В последнее время для меня было большим утешением знать, что вы с ними. — Он пристально оглядел светлый и красивый холл. — Это хорошая гавань, моя дорогая, и, должно быть, приятно жить среди таких прекрасных вещей. Мне отвели комнату, в которой их множество, — ужасно милую комнату. — Он взглянул на пару картин, впитывая общее ощущение. — У них полно денег?

— Как у всех банкиров, полагаю, — сказала

Роза. — Разве у банкиров не всегда полно денег?

— Да, они, по-видимому, купаются в деньгах. Какая жалость, что мы не банкиры, правда?

— Ах, деньги — меньшее из достоинств моих друзей, — ответила девушка. — Самое замечательное — их душевная доброта.

Деннис остановился перед столом, где на маленьком позолоченном мольберте стояла большая фотография в массивной рамке.

— Не говоря об их прекрасной наружности! Он чрезвычайно хорош собой.

Роза, снисходительно вздохнув, взглянула на изображение Тони Брима во всем его великолепии — в тонком белом жилете и высокой белой шляпе, с тростью, перчатками и сигарой, с его орхидеей в петлице, его фигурой и его улыбкой.

— Ах, этот вкус бедняжки Джулии!

— Да, — воскликнул Деннис, — теперь понятно, чем он ее взял!

— Я про стиль этой вещицы, — сказала Роза.

— Она безвкусна, да? Что ж, вам лучше знать. — Затем, отвернувшись от фотографии, молодой человек добавил: — Должно быть, у этого парня от них отбоя не будет!

Роза замялась.

— От тех, кого она боится?

— От женского пола — благослови его Господь, — если он потеряет ее.

— Осмелюсь предположить, что так, — сказала Роза. — Но он будет стоек.

— Он вам об этом сказал? — улыбнулся Деннис.

Роза улыбнулась в ответ с какой-то сознательной бравадой.

— Он много чего наговорил. Но он уверяет меня, что успокоит ее.

Деннис немного помолчал, затем развернул свое письмо и пробежал его глазами.

— Да уж, забавная тема для него!

— Вы хотите сказать, забавная тема для его разговоров со мной?

— И с вами, и с женой.

— Дорогой мой, — воскликнула Роза, — имейте в виду, что не он эти разговоры начал!

— То есть начали вы? — спросил ее собеседник.

Роза снова заколебалась, а затем ответила спокойно-насмешливо: «Да, тупица!», чем вызвала новое проявление нежности с его стороны. Эту попытку она пресекла — подняла руку, побуждая прислушаться, поскольку ей померещился какой-то звук.

— В чем дело?

Она навострила уши.

— Разве в комнате Джулии не кричали?

— Я ничего не слышал.

Роза испытала облегчение.

— Значит, это всего лишь моя нервозность.

Деннис Видал поднял письмо повыше.

— Надеюсь, она не настолько велика, чтобы помешать вам уделить вот этому минутку внимания?

— А, ваше письмо!

Взгляд Розы остановился на письме, как будто она впервые его заметила.

— Оно самым тесным образом связано с нашим будущим, — сказал ее гость. — Я специально сходил за ним наверх, так что вы должны оказать мне услугу и прочесть его.

Роза тут же с готовностью протянула руку.

— Тогда отдайте его мне — позвольте немного подержать его.

— Конечно; но, пожалуйста, помните, что от меня еще ждут ответа — я хочу сказать, по конкретным условиям. Я ждал встречи с вами, потому что письмо из резиденции губернатора и составлено от его собственного имени — там конкретно сказано, что он готов для меня сделать.

Роза держала письмо; ее большие светлые глаза расширились от удивления и симпатии.

Деннис со значением и вместе с тем не без игривости кивнул на письмо, указывая, куда ей следует направить свое любопытство.

— Прочтите — и увидите!

Роза опустила глаза, но через мгновение, прижав левую руку к сердцу, подняла их со странным, напряженным выражением.

— Я хотела спросить, достаточно ли все это хорошо?

— Именно это я хочу узнать от вас! — громко рассмеялся Деннис.

Судя по выражению его лица, ее поведение привело его в некоторое недоумение.

Роза заметила это, но тут вновь услышала посторонний звук, на этот раз объяснявшийся тем, что открылась дверь вестибюля. Вернулся доктор Рэймидж; Роза отложила письмо.

— Скажу вам, как только поговорю с доктором.

## IX

Доктор с ходу обратился к ней.

— Наш друг еще не вернулся?

— Мой — вернулся, — тактично сказала Роза. — Позвольте представить вам мистера Видала.

Доктор Рэймидж просиял в знак приветствия, и наша молодая леди со свойственной ей сдержанной веселостью обратилась к Деннису:

— Он тоже считает, что я какая-то из ряда вон.

— Ах, она просто чудо: она всегда знает, что делать! Но вы и сами в этом скоро убедитесь, — сказал доктор.

— Боюсь, вы сочтете, я тут не ко времени, — озабоченно ответил Деннис. — Скажете: у меня тут пациентка, а этот под ногами путается.

Доктор Рэймидж засмеялся.

— Вовсе нет — уверен, мисс Армиджер этого не допустит.

Потом, взглянув на часы, спросил у Розы:

— Брим сейчас не у нее?

— Он выходил, но вернулся к ней.

— Не стоило этого делать.

— Это я ему посоветовала, уверена, вы и сами скоро убедитесь, что там всё в порядке, — возра-

зила Роза. — Все-таки скажите ему, пусть идет сюда, к нам.

— Сию минуту. — И доктор удалился.

— Он чем-то озабочен? — заметил Деннис, когда тот ушел.

Роза засомневалась:

— С чего вы взяли?

— По нему видно. — И с чувством добавил: — Я же не такой дурак, за какого вы, похоже, меня держите.

Роза откровенно уставилась на него.

— За какого я вас держу? — Несколько секунд оба, покраснев, с раздражением смотрели друг на друга. — Милый мой Деннис, что вы имеете в виду?

Деннис, очевидно, почувствовал, что был слишком, почти до грубости, резок, но стороннему наблюдателю было бы столь же очевидно, что он человек хладнокровный и решительный.

— Я имею в виду, Роза, что не совсем понимаю, что с вами происходит. Как будто я нагрянул неожиданно и обнаружил, что кто-то или что-то стоит между нами.

Казалось, она испытала огромное облегчение.

— Ну разумеется, милый мой мальчик! Между нами бедняжка Джулия — а это немало. — Она

снова запнулась; потом взволнованно выпалила: — И могу признаться откровенно, я страшно встревожена. Боже правый, — нетерпеливо добавила она, — неужели вы сами этого не видите?

— Разумеется, я вижу, что вы чем-то взволнованы и озабочены — о чем вы только что меня и известили. Но вспомните, вы же сами уверяли меня, что состояние миссис Брим не внушает опасений.

Не выдержав, Роза сделала нетерпеливый жест.

— Я пыталась обмануть саму себя!

— Я понимаю, — мягко сказал Деннис. — И все-таки, — продолжил он, поразмыслив, — тут либо одно, либо другое. Либо несчастная леди при смерти, либо, сами понимаете, с ней все в порядке.

Подруга взглянула на него с укором, слишком тонким, чтобы высказать его вслух.

— Милый мой Деннис, как вы грубы!

На лице его отразилось смущение вкупе с убежденностью в собственной правоте.

— Я резок — может быть, даже жесток. Если и так, то это не нарочно.

— Подумайте, как много значат для меня эти люди, — сказала Роза.

Он немного помолчал.

— Разве я произнес что-то совсем уж необычайное? Ох, я знаю, — продолжал он, словно опасаясь, что она вновь обвинит его в бесчувственности. — Я прекрасно к ним отношусь — как они того и заслуживают. Пользуясь их гостеприимством, я сознаю все достоинства этих людей. — Письмо, которое она так и не прочла, все еще лежало на столе; он взял его и немного повертел в руках. — Я только хочу сказать, что тоже вам не чужой, прошу, не забывайте об этом.

Этот призыв заставил Розу смягчиться.

— Будьте чуть терпеливее со мной, — ласково сказала она.

Прежде чем Деннис успел возразить, она добавила:

— Вас ведь и самого удивило то, как доктор встревожен. Я старалась не думать об этом, но, должна признать, вы правы. Однако не только это меня беспокоит.

— В таком случае, чем сильнее ваше беспокойство, тем неотложнее наше дело. — Деннис говорил с искренней решимостью, в то время как Роза, отойдя от него, встала у двери, за которой скрылся доктор. Она стояла там и, казалось, внимательно его слушала, так что Деннис про-

должил: — Вы ведь знаете, что я тот, на кого вы теперь можете положиться.

Но она уже подняла руку, отчетливо произнесла «Тсс!» и смотрела не отрываясь на своего гостя, в то же время стараясь уловить хоть малейший звук.

— Доктор велел ему выйти. Но он не слушается.

— Тем лучше — у вас есть время, чтобы это прочесть. — Деннис протянул ей письмо.

Она отошла от двери.

— Если ему разрешили остаться, значит, что-то там неладно.

— Мне очень жаль; но почему бы вам не ознакомиться с тем, что и как тут написано?

— Ах, ваше письмо? — Вновь обратив внимание на документ, она взяла его у Денниса и опустилась на диван. — Voyons, voyons[1], что тут у нас! — произнесла она, будто уговаривая себя успокоиться.

Деннис с минуту постоял перед ней.

— Мне кажется, это наш шанс прочно встать на ноги.

Она перевернула листок, чтобы оценить раз-

---

**[1] Примечания: 1**
Посмотрим, посмотрим (*фр.*).

мер документа; там было три больших страницы, исписанных аккуратным убористым почерком.

— А он не слишком-то лаконичен, этот «губернатор»!

— Когда все так прекрасно, — засмеялся Деннис, — чем длиннее, тем лучше! Прочтите, дорогая, спокойно и вдумчиво; постарайтесь вникнуть в то, что написано, — на самом деле там все достаточно просто.

Он говорил нежно и успокаивающе, даже отвернулся, чтобы дать Розе время и не давить на нее. Тихонько насвистывая и вновь приглядываясь к картинам, Деннис медленно зашагал по залу; она же, когда он отошел, с минуту смотрела ему вслед. Потом перевела взгляд на дверь, у которой только что стояла, прислушиваясь, и вместо того, чтобы читать, принялась следить, не откроется ли она. Если бы в тот миг кто-то наблюдал за выражением ее лица, то увидел бы, как его исказила странная трагическая гримаса: казалось, она изо всех сил сдерживает всхлип или вскрик, какой-то подавленный всплеск страдания. Но едва Деннис пересек комнату и обернулся, лицо Розы чудесным образом преобразилось, и пока внушительных размеров часы тикали в благоуханной тишине, он видел только, как его подруга вни-

мательно изучает врученный им документ. Она читала его долго, читала в молчании — молчании столь полном, не нарушаемом ни единым вопросом или комментарием, что Деннис, хоть и не желал, чтобы ей показалось, будто он ее торопит, наконец опять подошел и встал рядом, будто ожидая какого-то знака.

— Вам не кажется, что оно выдержано в весьма дружественном тоне?

— Мне нужно перечитать, — не поднимая головы, ответила Роза.

Она вернулась к началу письма, и Деннис вновь зашагал по комнате. Роза дочитала до конца и, складывая письмо, сказала без особого выражения:

— Да; отсюда ясно, как к вам относятся.

Она положила письмо на прежнее место и, когда Деннис вновь подошел к ней, поднялась.

— Мне нравится и то, что в нем говорится, и то, как это сказано.

— Намного лучше, чем я ожидал. — Деннис взял письмо и, вложив его обратно в конверт, почти любовно сунул в верхний карман. — Думаю, это и впрямь доказывает, что они не хотят меня терять.

— Не такие они дураки! — Роза, в свою очередь,

отошла было в сторону, но теперь повернулась к нему лицом — оно оказалось до того бледным, что Деннис при виде его заметно вздрогнул; впечатление было тем сильнее, что трагическая гримаса на белом лице стала еще выразительней. — Милый мой мальчик, вас ждет блестящее будущее.

— Рад, что вас это так впечатляет! — рассмеялся он.

— Это ведь огромная радость: у вас все хорошо. Как я и сказала, теперь вы состоявшийся человек.

— Тогда, говоря вашими же словами, теперь вы — состоявшаяся женщина!

— Я очень, очень рада за вас, — с жаром согласилась она. — Но самое замечательное, что это только начало.

— Именно — только начало! — воскликнул Деннис. Он стоял, глядя на ее загадочную улыбку. — Осталось подождать.

— Я имела в виду, что за этим письмом скрывается многое — отношение к вам в целом. Читайте между строк!

— Полагаете, мисс, я этого не сделал? А ведь сам я не решился дать вам такой совет.

— Разве я нуждаюсь в таких подсказках и наставлениях? — спросила Роза. — Не думаю, что

вы разглядели все, что вижу я. Письмо полно намеков и неявных обещаний — мол, то ли еще будет, дайте только срок.

— О, я готов подождать! — заявил Деннис. — Но на самом деле письмо составлено в очень обтекаемых выражениях. Вы очень проницательны, раз столько всего в нем разглядели.

— Я и в самом деле проницательна.

Мгновение спустя, протянув руку, девушка сказала:

— Позвольте мне еще раз взглянуть на письмо.

Деннис охотно вынул его из кармана и подал Розе, которая вновь углубилась в чтение. Он снова отвернулся, чтобы не мешать; медленно прошелся по комнате, напевая себе под нос, — и опять через несколько минут ему показалось, что как-то уж слишком долго она читает. Но, когда Деннис вновь подошел к Розе, та успела закончить чтение и, судя по ее лицу, была совершенно удовлетворена. Она сложила письмо и вернула ему.

— О, вы далеко пойдете! — воскликнула Роза.

— Вас и впрямь все устраивает?

Она секунду помедлила.

— На сегодняшний день — абсолютно. — Ее взгляд был прикован к драгоценному документу,

который Деннис вертел в руках, и что-то в его манере вызвало в ней странную веселость. Аккуратно развернув письмо, он тут же услышал насмешливое:

— Вы обращаетесь с ним так, будто это банкнота в тысячу фунтов стерлингов!

Деннис бросил на нее быстрый взгляд.

— Подымайте выше. Посмотрите на приводимые здесь цифры и прикиньте итог с учетом капитализации.

— Капитализации?

— Обратите внимание на сумму инвестиций.

Роза на мгновение задумалась.

— Ох, ради вас я готова на все, за исключением счетоводства! Но ясно, что речь о миллионах.

Когда он спрятал письмо обратно в карман, она добавила:

— Вам следовало бы поместить его между стекол — с маленькой ручкой, знаете, как у щитка от солнца.

— Да уж, никакая рамка не будет слишком роскошной для нашей хартии вольностей — а ведь по сути это она и есть, — сказал Деннис. — Но готовы ли вы к таким переменам? — продолжал он.

— Переменам? — растерялась Роза.

Он снова пристально посмотрел на нее.

— Перед вами, моя дорогая, открываются самые головокружительные перспективы. Вспомните, о какой сумме мы говорим — об этой скромной, милой сумме. Пятьсот сорок фунтов, — игривым тоном, но уже без обиняков уточнил он. — Или около того.

— Как по мне, это славная кругленькая сумма, — сказала девушка. — Для такой, как я, — ничего не скажешь, это просто чудный доход! — Потом воскликнула: — Но подумайте о том, что может получиться в итоге!

— Да — но, конечно же, на ваши деньги я не покушаюсь.

Роза размышляла, как бы что-то взвешивая и стараясь выказать к его словам столько внимания, сколько ему хотелось бы видеть.

— Ну да, не о них речь. Но я об этом и не говорила, — добавила она.

— О, можете принять их в расчет, чисто теоретически — я всего лишь хотел сказать, что к ним не прикоснусь. А то, что придется уехать, вас не смущает?

Роза, казалось, мужественно встретила эту перспективу.

— Что ж, это же всего на пару лет.

Деннис внезапно вспыхнул, как если бы в чем-

то до сих пор сомневался и лишь сию минуту окончательно уверился, и заключил Розу в объятия — торжественно, будто обнимал воплощение своих самых заветных грез.

— Ах, вот теперь я узнаю свою девочку!

Она снова позволила себя обнять, но, когда высвободилась, оба каким-то образом оказались недалеко от двери, ведущей в комнату Джулии Брим. Роза стояла на том же месте, где и раньше, а он все продолжал сжимать ее ладонь; затем она произнесла фразу, откровенно лишенную какой бы то ни было связи с предшествующим разговором:

— Не понимаю, почему он не выпроводит его из комнаты?

Деннис Видал выпустил ее ладонь; потом сунул руки в карманы и пинком расправил загнувшийся уголок ковра.

— Вы о докторе и мистере Бриме? О, думаю, они знают, что делают!

— Доктор совсем не хотел пускать его туда. Что-то явно случилось, — заявила Роза, отходя от двери.

Ее гость какое-то время молчал.

— Хотите сказать, что бедняжка покинула нас? — спросил он в итоге.

— Покинула? — эхом отозвалась Роза.

— Полагаете, миссис Брим умерла?

Его вопрос заставил Розу в ужасе отшатнуться.

— Деннис, боже упаси!

— Конечно, боже упаси, не о том разговор. Но кто знает, что вы имеете в виду, ведь за ходом ваших мыслей так сложно уследить. Одного, в любом случае, вы не можете не учитывать: такой расклад возможен. И этого вполне достаточно, чтобы недвусмысленно напомнить вам, какие большие перемены произойдут в вашем положении, если ей будет суждено умереть.

— О чем же еще я, по-вашему, думаю, если не об этих переменах? — спросила Роза.

— Возможно, вы смотрите на это не совсем с той стороны, с какой смотрю я. Если миссис Брим не станет, не станет и «якоря» — употреблю ваше же слово, — который вас здесь удерживает.

— Я понимаю, о чем вы, — ослабевшим голосом произнесла, соглашаясь, Роза; из глаз ее брызнули слезы, и она отвернулась, чтобы их скрыть.

— Люди могут держаться самого высокого мнения о ее муже, но они вряд ли станут спокойно смотреть на то, что вы остаетесь тут, рядом с ним, как ни в чем не бывало.

Роза с достоинством помолчала.

— Вряд ли, — наконец промолвила она тем же тихим голосом.

— Чтобы подготовиться к любому повороту событий, как я уже говорил, следует сию же минуту выбрать день — как можно более близкий, — когда наш союз станет действительностью.

Она медленно подняла на него встревоженный взгляд.

— День, когда я выйду за вас замуж?

— Конечно! День, когда мы поженимся. — Он издал короткий, неловкий смешок. — Какой же еще!

Она вновь замолчала, и на ее лице отразился затаенный страх.

— Мне нужно решить прямо сейчас?

Деннис уставился на нее.

— Но, дорогая, когда, если не сейчас?

— Не могли бы вы дать мне чуть больше времени? — спросила она.

— Больше? — Изумление, которое он сдерживал до сих пор, разом вырвалось наружу. — Больше времени, говорите? Я дал вам годы!

— Ах, но здесь, сейчас — все эти события, вся эта спешка, все так внезапно навалилось…

— Внезапно! — повторил Деннис. — Разве вы не знали, что я приеду, и разве не догадывались

зачем?

И тут, сделав над собой усилие, она решительно посмотрела на него; он видел, как от этого усилия окаменело ее бледное лицо — будто в результате работы какого-то скрытого механизма в ее душе случилось нечто ужасное. Потом она проговорила с болезненной дрожью в голосе, которую не могли унять никакие попытки казаться естественной:

— Позвольте напомнить вам, Деннис, что я не просила вас приезжать. Да, вы приехали; но лишь потому, что сами того захотели, и сделали это вопреки моей воле.

У него перехватило дыхание; один лишь тон ее голоса ранил его до слез.

— Вы не хотели, чтобы я приезжал?

— Я рада вас видеть.

— Тогда, во имя всего святого, что вы имеете в виду? Что происходит между нами — и почему вы вот так вдруг со мной заговорили?

— Я всего лишь прошу вас, как уже просила раньше, проявить терпение: позвольте мне в этот решающий час немного оглядеться. Я всего лишь прошу вас потерпеть — я всего лишь прошу подождать.

— Подождать чего? — Он поймал ее на слове. —

Я здесь как раз потому, что уже достаточно ждал. Все, чего я от вас хочу, — всего каких-то три слова, которые вы можете произнести за какие-то три секунды. — Он огляделся в беспомощном смятении, будто призывая кого-то невидимого в свидетели. — А вы смóтрите на меня с каменным лицом. И между нами разверзается пропасть. И ничего, ничего не даете взамен. — Он сделал паузу, как бы ожидая возражений, но Роза не отвечала, она лишь опустила глаза и, опираясь на стол, стояла с видом черствым и безразличным. Деннис опустился в кресло и, не зная, куда деть руки, положил их на колени. — Что вы имели в виду, когда сказали, что я приехал вопреки вашей воле? Вы никогда не просили меня не приезжать — до сих пор все между нами было хорошо. Да, это была моя идея; но изначально вы были не против.

Деннис снова дал ей время согласиться с его словами или опровергнуть их, но Роза этим не воспользовалась, и он продолжил:

— Разве вы не знаете, какое чувство владело мной и жило во мне все это время? Разве не понимаете, что во все часы жизни моей я ни о чем другом и думать не мог? Я приехал сюда, так по вас истосковавшись, что словами не вы-

разить; а теперь вижу — хоть и не сразу в это поверил, — что вы с первых минут ведете себя со мной холодно и принужденно.

Пока он говорил, Роза вновь подняла на него глаза; казалось, она с мрачной покорностью следила за каждым его словом.

— Да, должно быть, я кажусь вам довольно странной.

— И не говорите опять, что это из-за вашего беспокойства! — Деннис вскочил и сделал предостерегающий жест. — Ваше беспокойство лишь подтверждает мою правоту.

Его собеседница медленно и неопределенно покачала головой.

— Я рада, что вы приехали.

— Чтобы иметь удовольствие не принять меня?

— Я приняла вас, — ответила Роза. — Каждое мое слово, вам сказанное, и все удовлетворение, мною выраженное, правдивы и исходят из глубины души. Я действительно восхищаюсь вами, действительно уважаю вас и горжусь дружбой с вами. Разве я не заверила вас в своей искренней радости по поводу ваших успехов и дальнейших перспектив?

— Что значит «заверили меня»? Вы ввели меня

в заблуждение на несколько странных мгновений; вы заморочили мне голову; думаю, можно сказать, что вы играли мною. Единственное заверение, к которому я готов, — заверение в том, что вы вложите свою руку в мою как моя жена. Во имя всего святого, — задыхаясь, произнес молодой человек, — что с вами случилось и что так сильно изменило вас?

— Я все вам расскажу, но завтра, — сказала Роза.

— Расскажете то, на чем я сейчас настаиваю?

Она огляделась по сторонам.

— То, чего сейчас не могу.

Он выслушал ее с видимым отчаянием.

— Вы нечестны со мной — вы увиливаете от ответа. Вам нечего мне сказать, и вы боитесь. Вы пытаетесь выиграть время и делали это с самого начала. Не знаю, для чего все это, — ваши мысли выше моего понимания; но если для того, чтобы мне отказать, то будь я проклят, если дам вам еще хоть минуту на размышления.

При этих его словах на бледном лице Розы появился легкий румянец — и ему показалось, что она теперь стала пятью годами старше, чем в тот момент, когда он сюда только вошел.

— Какие жестокие обвинения! Вы выбрали

странный способ удержать меня! — воскликнула девушка. — Но я не хочу говорить с вами, когда вы в таком состоянии, — продолжила она другим тоном. — Все прояснится, если мы подождем день или два. — И, заметив его нетерпеливое движение, она добавила: — Поймите, я возьму на размышление столько времени, сколько сочту нужным, хотите вы того или нет.

Теперь он и впрямь разгневался, как будто она оказалась не только увертливой, но и дерзкой; и еще сильнее разгневало его то, что она опять начала настаивать на своей просьбе, которая казалась ему бессмысленной.

— Нет, нет, вы обязаны дать ответ сейчас, — сказал он с жаром, — и, если вы в самом деле честны со мной, сделайте это. Я стремлюсь к вам всей душой, но вы должны принять решение: сейчас или никогда.

— Деннис! — слабо пробормотала она.

— Вы отказываетесь?

Она протянула ему руку.

— До свидания.

Он посмотрел на нее так, словно их разделял бурный поток; затем спрятал руку за спину и огляделся в поисках шляпы. Он двигался вслепую, как человек, которого внезапно выбросило

из плавно и быстро едущего экипажа и который пытается прийти в себя после сильного удара.

— До свидания.

# X

Вскоре он вспомнил, что не захватил с собой шляпу, а спустя еще мгновение осознал, что, даже если наденет ее, в сложившихся обстоятельствах у него нет права немедленно покинуть Баундс. Как раз в тот момент, когда до него дошло, что обязательство, которое он взял на себя, вынуждает его задержаться по крайней мере на день, появился хозяин имения; он поспешно вошел за спиной у Денниса и, оглядев комнату, сразу спросил:

— Миссис Бивер еще не вернулась? Джулия хочет ее видеть — Джулия непременно должна увидеться с ней!

Все пространство зала отделяло Денниса от девушки, с которой он только что получил долгожданную возможность воссоединиться, но ничто в тот момент не указывало на то, что Тони Брим, поглощенный более важным делом, заметил витающую между ними тень предательства. Однако на Денниса его появление произвело мгновенный эффект, напомнив ему о необходимости держать себя в рамках: сама природа Тони была такова, что, во-первых, едва взглянув на него,

нельзя было не отдать должное его внешности, а во-вторых, попав ненароком на любую сцену, какой бы на ней ни царил раздрай, он самим фактом своего появления поневоле восстанавливал поверхностную гармонию. Увидев Тони, его новый знакомец сделал резкое движение, будто пытаясь загородить собой какой-то предмет, тогда как Роза, зазвенев, как задетый колокольчик, тут же откликнулась на его возглас.

«Ах, — сказал про себя Деннис, — это из-за них она так волнуется!»

— Она еще не вернулась, но, если это срочно… — Роза так и рвалась услужить.

— Это срочно. Кто-то должен сходить за ней.

Деннис выбрал момент, чтобы, не откладывая, сказать то, что считал необходимым. Он заговорил прежде, чем Роза успела раскрыть рот.

— У вас и так полно забот, мистер Брим, и мне очень неловко обременять вас собой. Не лучше ли мне перебраться в гостиницу?

— В гостиницу — отсюда? Друг мой, вы с ума сошли? — Тони компанейски усмехнулся; он и слышать об этом не хотел. — Не бойтесь, вы нам еще пригодитесь — хотя бы для того, чтобы успокаивать эту юную леди.

— Он может пригодиться прямо сейчас. — Роза

посмотрела на своего поклонника так, будто никакая черная кошка между ними не пробегала. — Слуги готовят ланч. Вы не могли бы сходить за миссис Бивер?

— Ах, — смеясь, возразил Тони, — мы не должны превращать его в мальчика на побегушках!

Деннис на мгновение растерялся, а потом, терзаемый переживаниями, ухватился за возможность сбежать из усадьбы на вольный воздух.

— Прошу, поручите мне что-нибудь, — взмолился он. — Я хочу размять ноги и готов сделать что угодно.

— Воля ваша, раз уж вы так добры, к тому же это совсем недалеко, — ответил Тони. — Миссис Бивер — наш лучший друг, а стало быть, друг всех наших друзей, и живет она рядом — прямо за рекой.

— Всего шесть минут, — сказала Роза, — если коротким путем. Приведите ее.

— Коротким путем, — для пущей ясности объяснил Тони, — значит по моему саду, потом через калитку у реки.

— У реки свернете направо, увидите маленький мостик — это как раз ее мост, — продолжала Роза.

— За мостом пройдете мимо сторожки — она

пустая и закрытая, — и вы на месте, — сказал Тони.

— То есть у нее в саду — сад очень красивый. Скажите, что речь о миссис Брим и что это очень важно, — добавила Роза.

— Моя жена прямо-таки требует ее! — Тони, выдавив из себя смешок, положил руку на плечо молодого человека.

Деннис внимательно слушал, глядя по очереди то на него, то на Розу.

— Ничего, что она совсем меня не знает?

— Она прекрасно знает, кто вы, не стесняйтесь! — по-свойски воскликнула Роза.

Тони по-дружески хлопнул его по спине, и Деннис ушел.

— Джулия и вам хочет сказать что-то особенное! Она проявляет большой интерес к вашим с ним отношениям, — продолжал он, обращаясь к Розе, когда дверь за их гостем закрылась. Потом, видя по ее лицу, как нетерпеливо, чуть ли не с раздражением она выслушивает все, что не касается состояния Джулии, он, желая оправдать свой переход на постороннюю тему, добавил с тем же принужденным смешком: — Миссис Бивер осуждает идею и дальше откладывать ваш брак и считает, что у вас есть все необходимое, чтобы

встать на ноги. По ее мнению, ваших средств более чем достаточно.

— Что она знает о наших средствах? — холодно спросила Роза.

— Без сомнения, не больше, чем я, но это ее мнениям не помеха. Она верит во что хочет. Все потому, что она вообще очень к вам расположена.

— И вовсе она ко мне не расположена. Я ей не нравлюсь. — Роза говорила крайне сухим тоном, подчеркнуто выражая удивление тем, какой оборот приняли шутки ее друга. Теперь Тони был совершенно выбит из колеи; собственно, это относилось к ним обоим, хотя Роза в данную минуту успешнее скрывала свои чувства. Еще дрожа от непомерных усилий, которых потребовало от нее нынешнее утро и особенно последний час, она все же держала себя в руках и наблюдала за тем, что происходило с ее собеседником. Он пережил нечто такое, что привело его в крайнее нервное возбуждение, и его представление о том, в чем можно быть уверенным, — едва ли не о том, что можно счесть реальным, — сливалось теперь с ясным ощущением чего-то небывалого и невероятного. Именно очевидность того, что он через что-то такое прошел, помогала сгорающей

от любопытства девушке сохранять выжидательную позицию, окружив себя той непробиваемой оболочкой, которую она с триумфом демонстрировала всякому, с кем ей сегодня, начиная с раннего утра, довелось столкнуться. Но теперь у Тони был такой вид, будто он не собирался вознаграждать ее терпение новыми подробностями; будто в нем проснулась некая новая деликатность и он осознал, что был слишком откровенен. Было видно, что его удивило ее суждение о хозяйке Истмида.

— Моя дорогая Роза, — сказал он, — я думаю, вы сильно ошибаетесь. Миссис Бивер очень ценит вас.

Она немного помолчала; на лице ее читалась усталость от всей той изворотливости, какую ей пришлось проявить в ходе разговора с Деннисом Видалом, дабы суметь одно утаить, а другое выказать.

— Милый мой Тони, — чуть погодя мягко ответила она. — Я еще никогда не встречала человека, который, подобно вам, был бы напрочь лишен наблюдательности. Встречала тех, у кого ее очень мало, и это было жалкое зрелище. У вас ее нет ни капельки, и это прекрасно сочетается с вашим характером: он прекрасен и совершенен.

Ее слова развеселили Тони.

— Люблю, когда люди говорят то, что думают!

— Как бы сильно вам это ни нравилось, мне вы нравитесь еще больше, потому что вы такой, какой есть. Наблюдательность — штука второстепенная; это всего лишь мера предосторожности — прибежище маленьких и робких. Она защищает нас, когда мы смешны, и укрепляет нашу оборону. Вы можете быть смешным — я этого не отрицаю; но в вас нет ни подозрительности, ни страхов, ни сомнений; вы человек естественный, великодушный, искренний…

— И редкостный законченный болван! — прервал ее Тони. — «Естественный» — ну, спасибо! О, эти ужасные естественные люди! Вы хотите сказать — однако слишком милы, чтобы произнести это вслух, — что я настолько поглощен своими интересами и чувствами, что щебечу о них, как канарейка в клетке. Не обладать тем, о чем вы говорите, и прежде всего воображением, значит просто не обладать тактичностью, а нет ничего более непростительного и мерзкого, чем бестактность. Мог ли я — лицом к лицу — столкнуться с лучшим доказательством моего эгоизма — и я уже краснею из-за этого, — чем тот факт, что я вошел сюда некоторое время назад в разгар

важного для вас разговора, и у меня не хватило такта задать вам об этом хотя бы один вопрос?

— Вы имеете в виду мистера Видала — после того, как он ушел в свою комнату? Вы уже спрашивали меня о нем, — сказала Роза, — просто ваша тема для разговора была гораздо интереснее. — Помолчав секунду, она добавила: — Вы говорили о том, что не выходит у меня из головы. — Ее слова позволили Тони сослаться на то, что он уже выполнил обязательство, взятое им по ее настоянию; в качестве напоминания о нем Роза заметила: — На мистера Видала времени еще хватит.

— Я и правда надеюсь, что он останется. Он мне чрезвычайно симпатичен, — ответил Тони. — Мне нравится его типаж; совпадает с тем, что вы мне о нем рассказывали. Настоящий мужчина — надеюсь, он останется с нами. — При этих словах Роза издала слабый смущенный возглас, а хозяин имения продолжал: — Клянусь честью, я правда так думаю: я сразу узнаю́ джентльмена, стоит мне его увидеть. Как раз таким человеком я хотел бы быть.

— Хотите сказать, что вы не настоящий мужчина? — спросила Роза.

На вопросы такого рода Тони благодаря своему

природному добродушию, даже в трудный час проявлявшему себя с неизменным блеском, всегда отвечал, впадая в нелепые, но по существу благородные преувеличения.

— Какое там! Мне помогают всякие внешние обстоятельства и счастливые случайности. А ваш друг твердо стоит на ногах. — Такой взгляд на Денниса заставил Розу издать еще один невнятный звук; услышав его, Тони посмотрел на нее внимательнее. Но, судя по всему, не счел, что она усомнилась в его утверждении, и через мгновение порывисто вернулся к вопросу, с которым, очевидно, еще не закончил. — Вы и в самом деле должны, знаете ли, отдать справедливость миссис Бивер. Если ей кто-то не нравится, это не вопрос степеней и оттенков. Она не строит козни за спиной — она очень скоро прямо выказывает человеку свою неприязнь.

— Вы имеете в виду, что ее неприязнь открыто проявляется в словах или поступках?

Тони на мгновение задумался.

— Я имею в виду, что она объясняет, чем человек ей не нравится, — она в высшей степени прямолинейна. И я уверен, что она никогда и пальцем не шевельнула вам во вред.

— Может, и так. Но она это сделает, — сказала

Роза. — Вы сами только что дали этому доказательство.

Тони удивился.

— Какое?

— Вы ведь передали Деннису: она сообщила вам, что хочет сказать ему что-то особенное.

Тони припомнил, о чем речь, — это уже вылетело у него из головы.

— Она хочет сказать только то, что я сам уже сказал от лица остальных: она всем сердцем надеется, что теперь для его женитьбы не будет никаких преград.

— Ну и что может быть ужаснее этого?

— Ужаснее? — Тони уставился на нее.

— Какое ей дело до его женитьбы? Ее вмешательство отвратительно.

Тон девушки был настолько ошеломительным, что ее собеседник уже не знал, куда деваться от удивления; это было заметно по его заблестевшим глазам и вспыхнувшему румянцу.

— Моя дорогая Роза, разве подобные вещи в таком маленьком кругу, как наш, не являются позволительным поводом для шуток — в порядке дружеского пожелания? Мы все так за вас переживаем.

Роза отвернулась от него. Будто не слыша, она

продолжила с внезапной дрожью — дрожью глубокого возмущения:

— Почему она высказывает мнения, которых никто не хочет слышать и о которых ее никто не спрашивал? Что она знает о наших с ним отношениях или о том, в какие трудности и тайны она влезает? Почему она не может оставить нас в покое — хотя бы в первый час?

От смущения у Тони перехватило дыхание — такого он не ожидал. Роза отошла чуть в сторону, а он только и смог, что пробормотать ей вслед, заикаясь:

— Помилуй боже, милое дитя — вы же не хотите сказать, что к этому есть препятствия? Конечно, это не наше дело, но мы надеялись, что у вас все хорошо. — Пока он говорил, она обернулась и взглянула на него с некоторого расстояния, и одного этого взгляда хватило, чтобы он хлопнул себя по лбу покаянно и выразительно. — Какая же я свинья, раз не заметил, что вы не очень-то счастливы, и не заметил, что он… — Тони осекся; на лице Розы была гримаса страдания, которого она не обнаруживала при Деннисе Видале. Роза буквально впилась взглядом в Тони; она стояла, прижав обе руки к своей вздымающейся груди, и во всем ее облике было что-то похожее на первое

потрясение после большого несчастья. Сам не сознавая, он стал свидетелем того, что было финальным выплеском сильнейшего напряжения, концом ее чудесного фальшивого спокойствия. Видя, как это спокойствие исчезает у него на глазах, он неверно истолковал происходящее; он ухватился за мысль, что бедная девушка получила удар — удар, на фоне которого ее самообладание, сохранявшееся до этого момента, казалось еще более трогательным. Отсутствие Видала добавило штрих, и картина высветилась с совершенной ясностью.

— Его стремление покинуть вас удивило меня, — воскликнул он, — как и ваше стремление заставить его уйти! — Тони снова задумался и, прежде чем высказать свою мысль, казалось, прочел ее в блеснувших глазах Розы. — Неужели он принес вам дурные вести — неужели не оправдал наших надежд? — Он с состраданием и нежностью посмотрел на Розу. — Вы же не хотите сказать, моя бедная девочка, что он относится к вам не так, как вы ожидали?

Не успел он подойти, как Роза рухнула в кресло и разразилась страстными рыданиями. Она упала ничком на маленький столик, обхватив голову руками, и все то время, пока она всхлипывала,

Тони, полный любопытства и жалости, стоял над ней и чувствовал себя беспомощным. Казалось, она была сломлена своим несчастьем и дрожала от муки. Хозяин Баундса, которого терзали приступы собственной боли, едва мог это вынести: он испытывал острое желание заставить кого-нибудь поплатиться.

— Вы же не хотите сказать, что мистер Видал неверен вам?

— О боже, боже, боже! — простонала Роза Армиджер.

## XI

Тони отвернулся от нее, как бы признавая, что не может ни на что повлиять; он чувствовал себя неловко оттого, что слишком уж приблизился к горю, средства помочь которому не видел. Будучи в замешательстве, он мог только заверить Розу в том, что глубоко сожалеет о ее несчастье. Однако этот приступ крайней слабости был недолог; вслед за взрывом эмоций она очень скоро, хотя и с видимым усилием, постаралась восстановить душевное равновесие.

— Не обращайте на меня внимания, — сказала она сквозь слезы. — Я возьму себя в руки. Сейчас, сейчас, минутку, скоро я буду в порядке.

Тони задавался вопросом, не следует ли ему дать ей побыть одной; и все-таки счел невежливым оставлять ее в таком состоянии. Роза быстро пришла в себя, и свойственное ей беспокойство о том, что подумают люди, оттеснило боль на второй план.

— Только не говорите Джулии — это все, о чем я прошу. У каждого бывают мелкие огорчения — это сиюминутное. Просто дайте мне минутки три, и от них не останется и следа.

Она выпрямилась и даже улыбнулась, промокнув глаза скомканным носовым платком, в то время как Тони восхищался ее мужеством и умением сохранять положительный настрой.

— В одном вы должны быть уверены, Роза, — с чувством ответил он, — что бы ни случилось, сейчас или в будущем, в этом доме вас будут ждать друзья, которые готовы разделить с вами и радость, и горе.

— Ах, не говорите так! — воскликнула она. — Я едва могу это вынести! Разочарования каким-то образом еще можно принять; но как в этом мире достойно встретить великодушие? В свою очередь, и вы должны быть уверены в том, что никакие жизненные трудности не сделают меня докучной. Как раз по той причине, что ужасно боялась стать надоедливой особой, я и держала себя в узде — и это так нелепо привело меня к тому, что в конце концов я сама себя выставила дурой. Я знала, я однажды сорвусь — по крайней мере, чувствовала: что-то не так, — но надеялась, что все обойдется!

Она остановилась перед зеркалом и, будто актриса в гримерке, занялась своей внешностью, стала даже чуть подкрашиваться. Слегка подрумянила щеки и настояла на том, чтобы ее

собеседник не утруждал себя заботами о ней.

— Не жалейте меня, не обращайте на меня внимания и, главное, не задавайте никаких вопросов.

— Ах, — сказал Тони с дружеским упреком, — вы так мужественны — просто не знаешь, как вам и помочь!

— Не пытайтесь мне помочь — даже не думайте. И не говорите глупостей. Тише! — продолжила она уже другим тоном. — А вот и миссис Бивер!

Вошла хозяйка Истмида, предшествуемая дворецким; официально доложив о ее появлении, он тут же известил собравшихся, что ланч подан, причем сделал это таким вызывающим тоном, как будто все до сих пор не садились за стол только потому, что дожидались, когда она, наконец, явится. Слуги, как в Баундсе, так и в Истмиде, умели напомнить ей, что в другом доме они прислуживать не нанимались.

— Ланч — это очень хорошо, — сказал Тони, — но кто, скажите на милость, будет его есть? Прежде чем вы сядете за стол, — продолжал он, обращаясь к миссис Бивер, — я должен вас кое о чем спросить.

— У меня тоже есть к вам один вопрос, — добавила Роза, в то время как дворецкий удалился,

подобно добросовестному премьер-министру, уходящему в отставку, будучи не в силах отстоять в парламенте должный состав кабинета. Она обратилась к соседке по имению, и при этом на лице ее, к удивлению Тони, не было ни малейшего признака недавних волнений. — Разве мистер Видал не вернулся вместе с вами?

Миссис Бивер и бровью не повела.

— Именно так! — твердо ответила она. — Мистер Видал сейчас здесь, в саду.

— Тогда я позову его на ланч. — И Роза уплыла, оставив их обоих стоять друг против друга в молчании, прервавшемся только тогда — поскольку Тони утратил дар речи, изумленный проявленным Розой присутствием духа, — когда миссис Бивер убедилась, что ее никто не слышит.

— Она порвала с ним! — со всей ответственностью заявила эта леди.

Ее собеседник возразил.

— Она? Откуда вы знаете?

— Знаю, потому что он сам мне об этом сказал.

— Уже? За эти несколько минут?

Миссис Бивер помедлила.

— Конечно, я первая спросила его об этом. Мы встретились на мосту, я видела, что он потрясен.

— Это Роза пережила потрясение! — возразил

Тони. — Это он ее бросил.

Миссис Бивер уставилась на него.

— Это она так сказала?

Тони задумался.

— Практически — да.

И снова его гостья заколебалась, но только на мгновение.

— Значит, один из них лжет.

Тони посмеялся над ее проницательностью.

— И это точно не Роза Армиджер!

— И точно не Деннис Видал, милый вы мой; я ему верю, — сказала миссис Бивер.

Веселое изумление ее собеседника возросло.

— Вы делаете поспешные выводы.

— Хорошо, пусть так. Я пригласила его к себе.

Тони приподнял брови.

— К вам?

— Да, пока он не уедет — завтра, на поезде. Он не может здесь оставаться.

Тони взвесил ее слова.

— Я понимаю.

— Да господи ты боже мой — ничего-то вы, как всегда, не понимаете! Он мне нравится, он в моем вкусе. И что-то мне подсказывает, что я тоже пришлась ему по вкусу!

— Не сочтите за облеченное в учтивую форму

оскорбление, если я скажу, что вы приходитесь по вкусу всем и каждому, — заметил Тони. И мгновение спустя поинтересовался: — Он сильно страдает?

— Он в полном ошеломлении. Он ничего не понимает.

Тони снова задумался.

— И я понимаю не больше. Но вы сможете утешить его, — добавил он.

— Сначала я его покормлю, — сказала соседка. — Заберу его к себе на ланч.

— Не очень-то вежливо с вашей стороны, вы не находите?

— Не очень-то вежливо по отношению к вам? — перебила его миссис Бивер. — Это как раз то, о чем он меня спросил. Я сказала ему, что договорюсь об этом с вами.

— И вы, я вижу, уже «договариваетесь». Но как вы его заберете, если Роза ведет его сюда?

Миссис Бивер немного помолчала.

— Да не ведет она его. Она не за ним пошла. Она ушла из-за меня.

Тони удивленно посмотрел на нее.

— Вы снова делаете поспешные выводы, — повторил он. — Я застал ее в минуту явного потрясения.

— А я застала ее в точности такой, как обычно.

— Ну, это тоже было из-за вас, — сказал Тони. — Она держит свое разочарование в тайне.

— Тогда я очень признательна вам за то, что вы открыли мне глаза.

— Я сказал вам это, чтобы уберечь ее от вашего осуждения. Но все так запутанно, — добавил молодой человек с внезапной усталостью в голосе. — Я сдаюсь!

— А я нет… мне нужно все уладить. — Миссис Бивер говорила очень решительно. — Но сначала я должна увидеть вашу жену.

— Конечно! Она все это время только вас и ждет. — Он открыл дверь. Поравнявшись с ним, миссис Бивер остановилась. — Доктор у нее?

— Да, по ее просьбе.

— Как она?

— Совсем с ума спятила! — воскликнул Тони и, поскольку его гостья повторила за ним последнее слово, продолжил: — Я имею в виду ее ужасную навязчивую идею: именно из-за нее бедному Рэймиджу пришлось уступить свои позиции, именно она является прямой причиной обращения Джулии к вам.

Маленькие глазки миссис Бивер, казалось, видели больше того, что содержалось в его словах,

прозревали нечто поистине чудовищное.

— Что у нее за ужасная навязчивая идея?

— Она сама вам расскажет. — Он отстранился, чтобы дать миссис Бивер пройти, и она скрылась за дверью, но в следующее мгновение снова возникла на пороге.

— Да, хотела только сказать, что это дитя с минуты на минуту может подойти.

— Какое дитя? — Он уже обо всем забыл.

— Ох, ничего-то вы не помните!.. — Миссис Бивер с чисто женской непоследовательностью едва на него не обиделась.

Но Тони сумел быстро исправить свою оплошность.

— О, ваша племянница? Конечно, я помню… у нее такие чудесные волосы.

— Она мне не племянница, и волосы у нее отвратительные. Но если она все-таки придет, отправьте ее прямиком домой!

— Всенепременно, — сказал Тони.

На этот раз его гостья исчезла и уже не появлялась.

## XII

С минуту он походил по холлу, потом, чувствуя, что страшно утомлен и остро нуждается в отдыхе, опустился на диван и вытянулся, закрыв глаза. Он был рад, что остался один, а больше всего рад тому, что теперь сможет без помех полежать в тишине и покое. Тони старался убедить самого себя, что нисколько не нервничает; он имел твердое намерение не двигаться с места до возвращения миссис Бивер. Обстановка в доме сложилась странная, ланч накрыли, можно сказать, с помпой, а сесть за стол некому. У бедной Джулии одно горе, у бедной Розы — другое, а бедный мистер Видал, который сейчас натощак слоняется по саду, — в положении еще более горестном, чем они обе. Тони вздохнул, подумав об этих несчастных, рассеянных по разным уголкам имения, но еще решительней вытянулся на своем диване. Он не хотел садиться за стол в одиночестве, и общество, состоящее только из миссис Бивер, тоже не доставило бы ему удовольствия. Потом ему пришло в голову, что еще меньше он обрадовался бы обществу ее маленькой приятельницы, того самого «дитяти», каковое он обещал отослать

назад, как только оно здесь появится; по всему по этому Тони издал вздох, говоривший отчасти о его невзгодах, отчасти о готовности покорно их сносить, отчасти же о печальном осознании того факта, что за всю свою жизнь — жизнь человека, всегда наслаждавшегося отменным здоровьем, — он еще ни разу не ощущал столь полной потери аппетита. Тем временем, однако, попытка перестать слоняться по комнате увенчалась успехом: ему показалось, что, закрыв глаза, он сумел подавить пугающие мысли. Он остыл, успокоился, а кроме того, ему нравился запах цветов в полумраке. Забавно, что стоило ему расслабиться, как его одолела страшная усталость; навалилась на него ни с того ни с сего и показала, как внезапная тревога — а он ведь таки был встревожен — может за какой-нибудь час лишить человека половины жизненных сил. Тони пришло в голову, что, если его еще хотя бы несколько минут не станут беспокоить, это расслабленное состояние завершится блаженной потерей сознания.

Позднее он так и не мог сообразить, посреди ли этих блаженных предвкушений или уже за гранью овладевшей им дремоты услышал он чьи-то робкие приближающиеся шаги. Разомкнув веки, он увидел перед собой хорошенькую девушку

из другого дома и немного засмотрелся на нее, прежде чем пошевелиться. У Тони возникло четкое ощущение, что сон отлетел от него именно потому, что она, не издавая ни звука, в течение нескольких секунд смотрела ему прямо в лицо. Она ойкнула и залилась краской; возглас, говоривший о том, до чего ей неловко оттого, что тайное ее приближение возымело такой эффект, заставил Тони немедленно вскочить на ноги.

— Ах, доброе утро! Как поживаете? — Он сразу все вспомнил — все, кроме ее имени. — Простите мне мою позу; я не слышал, как вы вошли.

— Боюсь, я сама помешала лакею доложить о себе, как только увидела, что вы спите. — Джин Мартл была очень смущена, но оттого казалась еще оживленнее, а стало быть, еще краше, чем обычно. — Он сказал, что кузина Кейт здесь, вот я и вошла.

— О да, она здесь — она так и думала, что вы придете. Присаживайтесь, пожалуйста, — добавил Тони, которому инстинкт мгновенно подсказал, как в собственном доме должен себя вести мужчина, наделенный толикой самоуверенности, по отношению к девушке, напрочь ее лишенной. Инстинкт сработал прежде, чем в дело вступил разум, и Джин подчинилась Тони так же

покорно, как если бы он отдал ей приказ; но едва, повинуясь ему, она села в венецианское кресло с высокой спинкой и широкими подлокотниками, заключившее трепещущую девушку как бы в золоченую клетку, а Тони опять разместился на том же диване (хотя и не в той же позе) напротив нее, он тут же вспомнил о настоятельной просьбе миссис Бивер. Он должен был отправить ее прямиком домой; да, ему следовало велеть ей без обиняков: беги со всех ног обратно и сиди там, откуда пришла, задыхающаяся и розовая.

Между тем она держалась очень прямо и очень серьезно; казалось, ей очень хотелось все про себя объяснить.

— Подумала, будет лучше прийти сюда, раз уж там ее не застала. Я вышла, чтобы немного прогуляться вокруг усадьбы вместе с Маршами, — меня не было довольно долго; а когда я вернулась, ее уже дома не было — слуги сказали мне, что она должна быть здесь.

На столь логичные оправдания Тони мог откликнуться не иначе как с радушием гостеприимного хозяина.

— О, все в порядке, миссис Бивер сейчас беседует с миссис Брим. — Очевидно, все это было неправильно — он должен был сказать ей, что

она не может остаться; но дело осложнялось тем, что засело у него в памяти: он же сам тогда приглашал ее на ланч. — Я написал записку вашей кузине — надеялся, что вы придете. К сожалению, ей самой придется нас покинуть.

— Ах, тогда и я должна уйти! — Джин говорила ясно и логично, однако с кресла не вставала.

Тони заколебался.

— Она побудет тут еще немного — моей жене нужно кое-что ей сказать.

Девушка уставилась в пол; возможно, там ее глазам с отчетливостью печатного текста предстал тот факт, что сейчас, первый раз в жизни, она в разговоре сама обращается к джентльмену. И, поскольку это был такой исключительный, единственный в своем роде случай, ей, по крайней мере, следовало вести беседу должным образом. Ее поведение говорило о серьезном усилии, направленном на достижение этой цели, усилии, заметном даже в том, как боялась она допустить вольность, упомянув о миссис Брим в слишком фамильярном тоне. Джин ломала голову, как бы ей выразить свою симпатию, не показавшись при этом развязной, и в результате выдала следующую фразу:

— Я приходила час назад и встретила мисс

Армиджер. Она сказала, что принесет и покажет мне малышку.

— Но она этого не сделала?

— Нет, кузина Кейт посчитала, что этого делать не нужно.

Тони был радостно удивлен.

— Нужно, еще как нужно. Вы бы хотели ее увидеть?

— Думаю, мне это было бы очень приятно. Это очень любезно с вашей стороны.

Тони вскочил.

— Я сам покажу вам ее. — Он отошел, чтобы позвонить в колокольчик; потом, вернувшись, добавил: — Я с удовольствием вам ее покажу. Думаю, она — еще одно чудо света.

— Я тоже всегда так думаю о младенцах, — сказала Джин. — Наблюдать за ними так увлекательно.

— Увлекательно? — повторил он. — Вроде бы нелепость, не правда ли? Но подождите, вы еще не видели Эффи!

Оба совершенно серьезно, с многозначительными паузами обменивались этими замечаниями, в то время как Тони слонялся взад-вперед, ожидая, пока на его звонок кто-нибудь отзовется.

Его гостья некоторое время хранила молчание,

которое могло означать, что, памятуя о давешнем запрете, она теперь просто ждет, что из всего этого получится; однако, наконец, она сказала с прежней простотой:

— У моего интереса к ней есть особая причина.

— Вы имеете в виду болезнь ее бедной матери? — Он тут же понял, что ни тени претензий на то, чтобы взять на себя какие-то заботы, в ее словах не было, хотя при упоминании об этом несчастье ее лицо заметно вытянулось: она с трепетом выслушала сообщение о том, что совсем еще несмышленому ребенку грозит беда. — Это очень хорошая причина, — заявил он, чтобы успокоить ее. — Но было бы гораздо лучше, если бы у вас была еще и другая причина. Надеюсь, никогда не будет недостатка в людях, которые относились бы к ней с любовью.

Казалось, уверенности в себе у нее теперь прибыло.

— Именно таким человеком я всегда и буду.

— Именно таким человеком?.. — Тони чувствовал потребность разобраться, что же такое она имеет в виду. Однако теперь ее внимание было отвлечено пришедшим наконец лакеем, к которому он немедленно обратился. — Пожалуйста, попросите Горэм оказать нам любезность и при-

нести ребенка.

— Возможно, Горэм решит, что этого делать не следует, — предположила Джин, когда слуга ушел.

— О, она гордится ею так же, как и я! Но если она так решит, я отведу вас наверх. Потому что, как вы сказали, вы *именно такой человек*. Я ни капельки в этом не сомневаюсь, но вы собирались объяснить мне почему.

Джин отнеслась к этому так, будто речь шла о чем-то почти секретном.

— Потому что она родилась в мой день рождения.

— С вами в один день?

— Да, когда мне исполнилось двадцать четыре.

— О, я понял; это очаровательно — просто прелестно! — В этом обстоятельстве не было той таинственности, которой она его поначалу заинтриговала, но ее забавная вера в его значительность, приравнявшая половинку финика к сочной груше, странным образом внушила ему ощущение, что этого обстоятельства вполне достаточно для тайны; вместе с тем в нем крепло убеждение, что суждение миссис Бивер о ее волосах было чистейшей клеветой. — Это самое удивительное совпадение и порождает самую

интересную связь. Поэтому, прошу вас, всякий раз, как будете отмечать вашу очередную годовщину, празднуйте заодно чуть-чуть и ее день рождения.

— Как раз об этом я и думала, — сказала Джин. Потом добавила, все еще застенчиво, но уже едва ли не сияя: — Я всегда буду посылать ей что-нибудь в подарок!

— А она будет посылать вам! — Эта идея даже Тони показалась очаровательной, и он тут же совершенно искренне решил, что, по крайней мере, в первые годы возьмет это дело на себя. — Вы ее самый первый друг, — улыбнулся он.

— Неужели? — Джин сочла эту новость замечательной. — Ведь она меня еще даже не видела!

— О, таковы все первые друзья малыша. Можете считать, что вы официально объявлены ее другом, — сказал Тони, желая сделать ей приятное.

Однако она явно не одобряла любое умаление ее исключительности.

— Но я ведь даже не видела ее мать.

— Да, с ней вы не встречались. Но непременно еще познакомитесь. Тем более вы уже видели ее отца.

— Да, ее отца я видела. — Будто желая убедиться в сказанном, Джин посмотрела на Тони — и поз-

волила себе обменяться с ним таким открытым и пристальным взглядом, что мгновение спустя, ощутив себя как бы пойманной в ловушку, резко отвернулась.

В тот же миг Тони царапнула мысль о том, что ему следовало отослать ее домой; но теперь, отчасти из-за близости, установившейся между ними всего за несколько минут, а отчасти от осознания ее крайней молодости, его нежелание говорить с ней об этом пропало.

— Вы знаете, я дал миссис Бивер нечто вроде страшной клятвы. — Затем, когда Джин вновь удивленно посмотрела на него, добавил: — Она сказала, если вы придете, я должен тут же вас прогнать.

Джин уставилась на него с еще большим удивлением.

— Ах, мне не следовало оставаться!

— Вы этого не знали, и я не мог указать вам на дверь.

— Тогда мне следует сейчас же уйти.

— Ни в коем случае. Я бы не стал об этом упоминать, если б был с ней согласен. А упоминаю, напротив, только для того, чтобы задержать вас как можно дольше. Обещаю, я все улажу с кузиной Кейт, — продолжил Тони. — Я ее не

боюсь! — засмеялся он. — Вы хорошо на меня влияете — за это я особенно вам благодарен. — Она была очень ранима; несколько секунд у нее был такой вид, будто она засомневалась, не подшучивает ли он над ней. — Я имею в виду, что вы успокоили меня в тот момент, когда мне это действительно было нужно. — Тони произнес эти слова с мягкостью, которая, как он с удовольствием отметил, глядя на ее лицо, сразу произвела должное впечатление: выражение ее лица мгновенно преобразилось. — Я озабочен, я удручен, я метался в тревоге. Ваше присутствие помогло мне сохранить хладнокровие — вы как раз то, что мне нужно. — Он кивнул ей с явной симпатией. — Останьтесь со мной, прошу вас!

Джин не бросилась с ходу выражать сочувствие по поводу его домашних обстоятельств, но жалость, наполнившая ее взор в ответ на этот призыв, свидетельствовала о том, что нежная ее природа тут же взяла свое. Именно безмятежность юности послужила причиной тому, что на душе у него стало спокойней, но теперь, всем сердцем откликаясь на его слова, она будто бы сразу сделалась старше.

— Ах, если бы я могла вам помочь! — робко пробормотала она.

— Не вставайте, сядьте, сядьте! — Он обернулся. — А вот и наше чудо света! — воскликнул Тони в следующее мгновение, увидев Горэм с подопечной на руках. Однако его интерес к вновь пришедшим почти сразу же угас, ибо в двери напротив появилась миссис Бивер. Она вернулась, и вместе с ней Рэймидж; едва войдя, оба они замерли на месте; замер и Тони, уловив, как ему показалось, направление зоркого взгляда соседки. Вид у нее был необычайно напряженный; это особенно выразилось во взоре, который она, выпрямившись во весь рост, устремила куда-то мимо него; в суровом этом взоре читалось осуждение, и Тони оглянулся, чтобы посмотреть на побледневшую Джин Мартл. Однако увидел он вовсе не Джин Мартл, а совсем другую персону, Розу Армиджер, которая, по странному совпадению, в этот самый момент, бок о бок с Деннисом Видалом, появилась в дверях, ведущих в холл из передней. Именно на Розу уставилась миссис Бивер — уставилась весьма многозначительно, что, без сомнения, было вызвано той фальсификацией, какой эта молодая леди подвергла историю своего отказа мистеру Видалу, в результате чего в адрес последнего были высказаны столь облыжные обвинения. Она даже не обратила внимания на Джин, которая,

в то время как остальные стояли, подтверждала заведомое согласие со всем, что скажет Тони, уже одним тем, что единственная из всей компании сидела в кресле. Выражение лица миссис Бивер, казалось, настолько ее поразило, что она была не в силах подняться на ноги. Тони заметил все это в мгновение ока, равно как то, сколь мало взгляд Горгоны был способен обратить в камень Розу Армиджер, которая с бурным энтузиазмом, внезапно в ней пробудившимся и глубоко его изумившим, обратилась к присутствующим, весьма разумно напомнив им о давно накрытом ланче. Все было уже на столе — все портилось — все уже стало почти несъедобным! Тони почувствовал, что должен галантно поддержать ее.

— Пойдемте же наконец, — сказал он миссис Бивер. — Пойдемте, — повторил он, обращаясь к Джин и Деннису Видалу. — Доктор, вы присоединитесь?

Одним прикосновением он разрушил чары, сковывающие Джин; она встала на ноги; но Доктор, как бы желая сделать адресованное всем присутствующим объявление, поднял сдерживающую, властную руку.

— Пожалуйста, Брим, — никакого банкета. — Он посмотрел на Джин, на Розу, на Видала, на

Горэм. — Я беру этот дом в свои руки. Немедленно все успокойтесь и ведите себя тише.

Тони бросился к нему.

— Джулии стало хуже?

— Нет, с ней все по-старому.

— Тогда я могу к ней зайти?

— Ни в коем случае. — Доктор Рэймидж схватил его за рукав, взял под руку и не отпускал. — Если вы не будете хорошим мальчиком, я запру вас в вашей комнате. Немедленно все успокаиваемся, — повторил он, обращаясь к остальным, — идем каждый по своим делам и ведем себя очень тихо. Я требую, чтобы в доме была фактически полная тишина. Но прежде чем она наступит, миссис Бивер имеет вам кое-что сообщить.

Миссис Бивер стояла по другую сторону от Тони, который чувствовал себя между нею и доктором как пленник. Она оглядела свою маленькую аудиторию, состоявшую из Джин, Розы, мистера Видала и почтенной Горэм. На могучих руках Горэм возлежало нечто большое, белое, закутанное в муслин и приводившее на ум приношение богам, доставленное к началу жертвенной церемонии.

— Я должна вам кое-что сказать, потому что доктор Рэймидж согласился, чтобы сообщение прозвучало из моих уст, и потому что мы оба взя-

ли перед миссис Брим обязательство, что доведем его до общего сведения. Мне никогда не приходилось делать таких необычных объявлений, но я только что клятвенно заверила Джулию, что оно будет сделано всем, кого это может касаться, прежде чем я выйду из этого дома, а затем при случае будет повторено и в других местах. — Она сделала паузу, и у Тони, стоявшего рядом, мурашки пошли по коже от ее торжественного тона. Ей самой были не по душе неловкость и принуждение, а он жалел ее, ибо к тому времени уже четко представлял, что далее последует. Он догадывался, что за всем этим кроется свойственная его жене тяга к сугубой предусмотрительности, которая была бы почти гротескной, не будь она такой бесконечно трогательной. Ему казалось, он заранее настроился с полной снисходительностью отнестись к этой ее причуде, решив не придавать значения ране, нанесенной его чувствительности оглаской, на которой она настояла. Он готов был, издав нежный вздох, смириться — в надежде, что это поспособствует ее скорейшему выздоровлению. — Она хочет, чтобы стало как можно шире известно, — заявила миссис Бивер, — что мистер Брим, дабы доставить ей радость в этот критический момент — критичность которого,

я убеждена, она преувеличивает, — честью ей поклялся, что в случае ее смерти он больше не женится.

— То есть при жизни ее дочери, — поспешил добавить доктор Рэймидж.

— При жизни ее дочери, — так же отчетливо повторила миссис Бивер.

— При жизни ее дочери! — подхватил Тони с преувеличенной патетичностью, желая юмористической нотой смягчить, при необходимости, эффект, произведенный этой декларацией на смущенную молодежь, чьи ошарашенные взоры ясно говорили о том неодобрении, какое вызвало у них своевольство Джулии. И как бы в духе еще более яростного протеста в этот миг в недрах одушевленного свертка заверещала маленькая пронзительная дудочка: видимо, Горэм, на которую распространилось общее оцепенение, обошлась несколько бесцеремонно. Этот забавный звук разрядил напряженность; Тони бросился к ребенку. — Это же просто скандал, детка моя, — воскликнул он, — толковать про какое-то «при жизни»! — Он отнял ее у перепуганной нянечки и страстно приник к ней лицом. Она перестала плакать, и он крепко ее обхватил; что-то как будто вырвалось на поверхность из са-

мой глубины его души, и в наступившей тишине он с минуту, спрятав голову под покрывальцем, прижимался щекой к маленькой щечке. Когда наконец он оторвался от нее, отдал ребенка няньке и огляделся по сторонам, в холле уже никого не было, кроме доктора, который повелительным жестом тут же приказал Горэм удалиться. Тони остался стоять и, встретившись глазами с доктором, мгновение спустя уловил в его взгляде нечто такое, что заставило его воскликнуть: — Как ужасно она, должно быть, больна, Рэймидж, если ей в голову пришла подобная идея!

Старый друг усадил его на диван, похлопывая по спине, успокаивая, поддерживая.

— Вы должны вынести это, мой дорогой мальчик, вы должны все это вынести. — Доктор Рэймидж запнулся. — Ваша жена очень серьезно больна.

# Книга вторая

## XIII

Сколько ни размышляла хозяйка Истмида, она из года в год приходила к одному и тому же выводу: если по части обивки мебели скрепя сердце приходилось признать превосходство другого дома, то стоило только подуть ветерку из ее сада, и другому дому крыть было нечем. Что касается внутреннего убранства, Тони побивал ее по всем пунктам, но, заняв позицию у себя на лужайке, она могла бросить вызов не только Баундсу, но и всему Уилверли. Именно там, на ногах, а еще чаще сидя, она по преимуществу проводила летние дни — в этом мы без сомнения убедимся при виде той цитадели, где застанем ее при следующей встрече. С мая по октябрь она пребывала на вольном воздухе — как она выражалась, на травке, — неизменно приходя в итоге этого времяпрепровождения к приятному выводу, что по сравнению с достоинствами сего места всем нововведениям, к которым так привержен ее молодой друг, грош цена. Он может обновлять свой обеденный сервиз сколько ему заблагорассудится; она торжествовала как раз потому, что ее деревья и кустарники оставались прежними.

Он не мог развесить на своих стенах ничего даже близко похожего на ее лианы и гроздья; его ковры не были столь же бархатисты, сколь бархатист ее дерн. У нее было все или почти все — у нее было пространство, время и река. Ни у кого в Уилверли не было такой реки, как у нее; люди, конечно, могли сказать, что обладать рекой значит по сути обладать ничем, но она в полной мере владела всеми ее дарами. Река служила границей ее земель, украшала ее угодья и радовала взоры ее гостей; она всегда считала, что свободный доступ к реке компенсирует то, что, как говорили, она живет «не на том берегу». Не будь она «не на том берегу», у нее не было бы маленького каменного пешеходного мостика, которым она особенно гордилась, который венчал всю картину и который как-то при ней сравнили — она потом любила невзначай об этом упомянуть — с подобным сооружением в Кембридже, в прославленном районе Бэкс. Другой берег принадлежал другому дому, на него открывался вид — вид, которому она лишь в известной мере отдавала должное; так, когда схлынет первый прилив вдохновения, относимся мы к таинственным порождениям нашего собственного творческого гения. Миссис Бивер была создательницей этого вида, и другой

дом был любезно приглашен к участию в нем, особенно в тех его фрагментах, какие открывались очарованному взору сквозь редкие просветы в листве аллеи, протянувшейся между двумя усадьбами. Со стороны Тони имелась калитка, которую он называл речной, но, пока из нее не выйдешь и еще сколько-то не пройдешь, нельзя было даже заподозрить, что она и правда выходит на реку. С противоположной стороны от его имения было уже совсем близко до города, а вот ее со всех сторон окружала чисто сельская местность. Она добиралась до города длинным путем через большой мост и всякий раз с приятным чувством без остановки следовала мимо красного квадратного дома доктора. Она не любила бывать у него, не любила так же сильно, как любила, когда сам он бывал в Истмиде: в первом случае она вроде как советовалась с ним, во втором же сама давала советы, что служило подтверждением ее мудрости, и ей это нравилось решительно больше. Спешу добавить, что все эти сравнительные степени и расстояния играли какую-то роль только там, где дело шло о незначительных мелочах и отношениях в очень узком кругу, но как раз такая малая шкала оценок и обеспечивала нашей доброй леди единство ее маленького мирка. Истина в том,

что при сильном сжатии все элементы драмы начинают резонировать, и бывают условия, когда зрителю требуется не театральный бинокль, а скорее микроскоп.

Вероятно, никогда еще миссис Бивер так ясно не ощущала своих преимуществ или, по крайней мере, не была так довольна своим уютным окружением, как в тот прекрасный июньский день, когда мы вновь с ней встречаемся. Воплощением этой отрадной атмосферы отчасти служили чайные принадлежности, расторопно и во множестве расставленные в укромном уголке садовой лужайки; с таким хозяйством под руками она вполне могла бы, ожидая посетителей, сидеть во главе чайного заведения на какой-нибудь ярмарке. С каждой минутой вид другого дома раздражал ее все сильнее и сильнее, и она сожалела только о том, что не может, будучи связана заранее назначенным часом, нарушить собственные традиции и переместиться из этой точки куда-нибудь в другое место. Во всяком случае, дожидаясь этого часа, миссис Бивер сидела теперь в обществе большого красного ковра и большой белой скатерти, а также множества плетеных кресел и гамака, который покачивался на мягком западном ветру; пока время еще позволяло, она

занималась разборкой свертков и картонных коробок, сваленных в кучу на скамейке. Один из этих свертков — нечто, замотанное в несколько слоев папиросной бумаги, — она только что впервые увидела и, сидя за чайным столиком, собиралась развернуть. В этот момент миссис Бивер почувствовала, что кто-то приближается к ней со спины; оглянувшись и увидев доктора Рэймиджа, она тут же оставила сверток в покое. Эти старые друзья за время многолетнего знакомства уже столько раз друг друга приветствовали, что обходиться без лишних формальностей постепенно вошло у них в привычку, равно как и разговор их редко начинался с каких-то сногсшибательных новостей. Но в данном случае доктор, присев, начал разговор, против обыкновения, отнюдь не с того, на чем остановился в прошлый раз.

— Угадайте, кого я только что встретил у вас на пороге? Молодого человека, с которым вы познакомились четыре года назад, — мистера Видала, возлюбленного мисс Армиджер!

Миссис Бивер от удивления вздрогнула, хотя вздрагивать миссис Бивер случалось редко.

— Он снова объявился? — В глазах миссис Бивер роились вопросы, на которые ее другу нечего было ответить. — Для чего, скажите на милость?..

— Чтобы иметь удовольствие видеть вас. Очевидно, он бесконечно признателен вам за то, что вы для него сделали.

— Я ничего не сделала, дорогой вы мой; я в их дела не лезла.

— Состояние Тони — конечно, я все это помню — в очередной раз потребовало тогда вашего вмешательства. Но вы приютили его, — сказал доктор, — в тот ужасный день и в ту ночь, и он почувствовал (очевидно, для него это было очень важно), что касательно причин его разрыва с молоденькой пассией чутье вас не подвело, и вы встали на его сторону.

— Я приютила его всего на несколько часов — и вовремя избавила от неловкости, которую он испытывал от того, что оказался в доме, где витала смерть. Но на другой день он ушел с утра пораньше, оставив мне на прощание только маленькую записку.

— Маленькую записку, которую, помнится, вы мне потом показали и которая являлась образчиком благоразумия и хорошего вкуса. Мне кажется, — продолжал доктор, — что он не изменяет этим добродетелям, считая, что вы дали ему право вновь с вами увидеться.

— В тот самый момент — и единственный раз

за столь долгое время, — когда его молоденькая пассия, как вы ее называете, тоже оказалась на передовой!

— Это совпадение, — ответил доктор, — слишком необычное, чтобы мистер Видал мог его предвидеть.

— И вы ничего ему не сказали?

— Я ничего ему не сказал, кроме того, что вы, вероятно, находитесь там, где я вас сейчас встретил, и еще, что, раз уж Мэннинг занята своими чайными делами, я сам пойду доложить вам, что он ждет вас там.

Ощущение надвигающихся проблем становилось у миссис Бивер все острее по мере того, как она осмысливала сказанное.

— Под «там» вы имеете в виду на пороге?

— Отнюдь. В самом безопасном на свете месте — по крайней мере, когда вас там нет.

— В моей собственной комнате? — спросила миссис Бивер.

— В этом суровом мемориале Домашнего Порядка, который вам иногда нравится называть своим будуаром. Я взял на себя смелость проводить его туда и закрыть за ним дверь. Подумал, что вы, возможно, хотели бы увидеть его раньше других.

Миссис Бивер с признательностью посмотрела

на своего гостя.

— А вы, мой милый, неплохо соображаете!

— Если, конечно, — добавил доктор, — им за все эти годы уже не довелось как-нибудь встретиться.

— Она только вчера сказала мне, что нет.

— Вот оно что. Но поскольку, как вы и сами знаете, она никогда не говорит правды, это не считается.

— Я, напротив, полагаю, что ложь засчитывается вдвойне, — решительно ответила миссис Бивер.

Доктор Рэймидж рассмеялся.

— Тогда почему вы ни разу в жизни никому не солгали? И еще я никак не возьму в толк, — продолжал он, — почему — особенно учитывая, что здесь находится Джин, — вы пригласили сюда мисс Армиджер.

— Я пригласила ее ради Тони.

— Потому что он сам это предложил? Понимаю, понимаю.

— Думаю, — сказала миссис Бивер, — вы неправильно поняли, что я имела в виду, говоря «ради Тони». — Она мгновение смотрела на него, но то ли мысль ее была слишком глубока, то ли его осторожность слишком велика, а потому

он предпочел подождать, что она скажет дальше. Миссис Бивер умела быстро преодолевать подобные затруднения, при этом всякий раз не допуская опрометчивости. — Я пригласила ее как раз из-за Джин.

Доктор задумчиво помолчал, но, похоже, ее глубокая мысль стала для него еще темнее.

— Оставим это. Больше всего меня удивляет то, что вы так опасаетесь всех девушек, на которых смотрит Пол.

Выражение лица миссис Бивер было серьезным.

— Да, я всегда их опасалась; но они не так опасны, как те, на кого смотрит Тони.

Ее собеседник вздрогнул.

— Он заглядывается на Джин?

Миссис Бивер некоторое время молчала.

— Не в первый раз!

Ее гость тоже помедлил.

— И вы думаете, что мисс Армиджер?..

Миссис Бивер договорила за него:

— Мисс Армиджер подходит ему куда больше — раз уж у него должен кто-то быть!

— Полагаете, она вышла бы за него замуж?

— Она безумно в него влюблена.

Доктор вздернул подбородок и с чувством про-

изнес:

— Эх! Бедняжка, что и говорить! Поскольку вы так откровенно упомянули об этом, я так же откровенно с вами соглашусь, что никогда еще не видел ничего подобного. А ведь на свете чудовищно мало такого, чего я не видал. Но Тони тоже хорош: в своем ли он уме?..

— Такое увлечение, стоит дать ему волю, затягивает все сильнее. И он не может об этом не размышлять.

— Не знаю, что вы имеете в виду, говоря о «размышлениях»! Думаете, наш милый друг, судя по тому, что нам известно, готов... — Доктор не мог подыскать нужных слов.

Однако его приятельница имела больше мужества.

— Нарушить свою клятву и снова жениться? — Она немного подумала, но в конце концов уверенно изрекла: — Ни за что на свете.

— Так какова вероятность того, что его размышления о Розе помогут ей?

— Я не говорю, что это ей поможет. Я просто хочу сказать, что это успокоит бедное мое сердце.

Доктор Рэймидж все еще был озадачен.

— Но раз они не смогут пожениться?..

— Мне все равно, поженятся они или нет!

Она отважно взглянула ему в лицо, и он разразился веселым смехом.

— Не знаю, чем сильнее восхищаться — силой вашего воображения или вашими моральными принципами.

— Я защищаю свою девочку, — невозмутимо заявила она.

Доктор Рэймидж определился.

— О, стало быть, все-таки вашими моральными принципами!

— Поступая таким образом, — продолжала она, — я также защищаю своего мальчика. Я не знаю морали выше, чем эта. Я готова встретиться с мистером Видалом здесь, — добавила она.

— Чтобы легче было от него избавиться?

— То, как и когда я от него избавлюсь, будет зависеть от того, чего он хочет. В конце концов, — продолжала миссис Бивер, — он должен рискнуть и попытать судьбу. А если, сунувшись на авось, вляпается, куда не думал…

— Понимаю, это его личное дело, — сказал доктор. Он видел, что дипломатия его приятельницы страдает от нежданных помех. Мистер Видал — новое звено в ее расчетах, и если раньше он ей нравился, она жалела его, то теперь он совершенно перестал ее заботить. Собеседник

миссис Бивер, у которого свободное время было рассчитано по минутам, позволил себе бросить очередной взгляд на часы. — Тогда я передам молодому человеку — в более учтивых, чем ваши, выражениях, — что вы примете его здесь.

— Буду вам очень признательна.

— Но прежде чем я уйду — где же все наши друзья? — поинтересовался доктор Рэймидж.

— Не имею ни малейшего понятия. Единственные, на кого я рассчитываю, — это Эффи и Джин.

Доктор сделал вид, будто что-то припоминает.

— Конечно — из-за этого парня у меня совсем выпало из головы: у них же нынче их общий день рождения. Ребенка должны привести к вам на чай, и я как раз затем к вам и заглянул…

— Чтобы узнать, получила ли я вашу куклу? — закончила за него миссис Бивер и подняла сверток, лежавший у нее на коленях. Она сняла многослойную упаковку. — Позвольте представить вам эту юную леди.

Юная леди была в пышном наряде и имела весьма внушительные размеры; он с благоговением взял ее на руки.

— Она великолепна — почти как человек! Я чувствую себя турецким пашой, который выложил немалую сумму за прекрасную черкешенку.

Еще я чувствую, — продолжал доктор, — что был как никогда прав, полагаясь в отсутствие миссис Рэймидж на ваш безукоризненный вкус. — Затем, возвращая приятельнице монументальную даму, добавил: — Будьте добры, скажите, сколько я вам должен.

— Заплатите в магазине, — сказала миссис Бивер. — Они там верят мне на слово.

— Верят в вашу надежность так же, как и я! — Доктор встал. — Тогда, пожалуйста, вручите ей сей предмет, поцелуйте от моего имени и передайте, как я ее люблю.

— Разве вы сами не можете вернуться и сделать все это лично?

— Что я вообще делаю «сам», милая леди, кроме врачевания?

— Очень хорошо, — сказала миссис Бивер. — Вручим и поздравим со всеми формальностями. Но должна предупредить, что ваша прекрасная черкешенка будет уже четвертой. — Она взглянула на свертки, лежащие на скамье. — Я имею в виду, это будет четвертая кукла, которую малышка сегодня получит.

Доктор проследил за направлением ее взгляда.

— Да это же настоящий невольничий рынок — идеальный гарем!

— Каждый из нас подарил ей по одной. То есть все, кроме Розы.

— А что же Роза ей подарила?

— Вообще ничего.

Доктор на мгновение задумался.

— Она что же, ее не любит?

— Кажется, она хочет, чтобы все знали, что она не имеет к ней никакого отношения.

Доктор Рэймидж снова задумался.

— Понимаю — это очень умно.

Миссис Бивер, сидя в кресле, посмотрела на него снизу вверх.

— В каком смысле «умно»?

— Скажу вам как-нибудь в другой раз. — Он все еще стоял у скамьи. — А для бедняжки Джин нет подарков?

— О, Джин уже много чего получила.

— Но ничего от меня. — Доктору это только что пришло в голову; он печально отвернулся. — Мне очень стыдно!

— Не переживайте, — сказала миссис Бивер. — От Тони она тоже ничего не получила.

Он казался удивленным.

— В самом деле? По той же причине, что и в случае с мисс Армиджер? — Его приятельница промолчала, и доктор продолжил: — Он рассчи-

тывает этим подчеркнуть, что не имеет к ней никакого отношения?

Миссис Бивер с минуту не отвечала, потом воскликнула:

— Да ничего он не рассчитывает!

— Это плохо для банкира! — Доктор Рэймидж рассмеялся. — Что же тогда она получила от Пола?

— Тоже ничего — пока. Он вручит ей свой подарок сегодня вечером.

— И что же это будет?

Миссис Бивер помедлила.

— Не имею понятия.

— А вы умеете заинтриговать! — пошутил ее гость на прощание.

## XIV

По пути ему встретилась высокая горничная: она вышла из дома с подносом, который мгновение спустя поставила на стол перед хозяйкой. Тони Брим имел обыкновение говорить, что со времен гренадеров Фридриха Великого никто не мог сравниться с горничными королевы-матери, которые в дни сражений и ростом, и униформой, и точностью исполнения воинских приемов могли бы посрамить эту грозную фалангу. Они одновременно отличались и более атлетическим сложением, и более сдержанным поведением, чем Тони хотелось бы видеть у представительниц женского пола, и он всегда был убежден, что чрезмерная длина их форменных платьев определялась длиной их ног. Во всяком случае, молодая женщина, попавшаяся навстречу доктору, — девица с крупным носом и безукоризненной осанкой, в чепчике с туго накрахмаленными кружевными лентами, в еще туже накрахмаленных нижних юбках и с чопорными, под стать наряду, манерами — явно была капралом в команде здешних горничных. Все вокруг нее жужжало и щебетало, но она сновала вокруг чайного стола с

шуршанием, заглушавшим голоса лета. Это, однако, ничуть не мешало размышлениям миссис Бивер, которая в эту минуту с задумчивым видом вновь заворачивала в бумагу куклу доктора Рэймиджа.

— Мэннинг, вы не знаете, куда подевалась мисс Армиджер? — наконец спросила она.

— Она ушла в кондитерскую, мэм, около часа назад.

— В кондитерскую?

— Она мне сказала, что слышала, как вы удивились, что праздничный торт для юных леди еще не привезли.

— И она решила сама с этим разобраться? Необычайно любезно с ее стороны! — воскликнула миссис Бивер.

— Да, мэм, необычайно мило.

— Значит, его уже доставили?

— Еще нет, мэм.

— И мисс Армиджер еще не вернулась?

— Думаю, нет, мэм.

Миссис Бивер снова задумалась.

— Возможно, она ждет, когда торт будет готов, чтобы тут же его привезти.

Мэннинг выдержала соразмерную значительности вопроса паузу.

— Возможно, мэм в повозке. Когда торт привезут, мэм, мне сразу доставить его сюда?

— Тоже в повозке? Боюсь, — сказала миссис Бивер, — что, судя по тому, сколько времени потребовалось на его изготовление, она и впрямь понадобится. — Через мгновение добавила: — Сначала я схожу посмотрю на него. — Когда служанка, зашелестев накрахмаленными одеяниями, уже собиралась удалиться, она снова задержала ее: — Мистер Брим еще не приходил?

— Еще нет, мэм.

Миссис Бивер взглянула на часы.

— Значит, он все еще в банке.

— Должно быть, так и есть, мэм.

Столь быстрое согласие с ее предположением, казалось, заставило компаньонку Тони слегка призадуматься; затем она спросила:

— Вы не видели мисс Джин?

Мэннинг в свою очередь немного подумала.

— Полагаю, мэм, мисс Джин наряжается.

— О, в честь… — Но мысль ускользнула от миссис Бивер прежде, чем она закончила фразу.

Мэннинг рискнула поймать беглянку за хвост.

— В честь ее дня рождения, мэм.

— Понимаю… конечно. И вы, случаем, не слышали, мисс Эффи задерживается по той же

причине — она наряжается в честь своего дня рождения?

Мэннинг помедлила в нерешительности.

— Я слышала, мэм, сегодня утром, что мисс Эффи слегка простудилась.

Ее хозяйка, похоже, была удивлена.

— Но не настолько же, чтобы ее оставили дома?

— Они там прилагают все старания, мэм, чтобы с ней все было в порядке и она могла прийти сюда.

Миссис Бивер была не в силах скрыть недовольство.

— Прилагают старания? Тогда почему они не послали за доктором?

И снова Мэннинг замешкалась.

— Они послали за мисс Джин, мэм.

— Хотят, чтобы она пришла и присмотрела за ней?

— Вы ведь знаете, мэм, они часто так делают. Мне передали эту просьбу сегодня утром.

— И мисс Джин послушалась?

— Она пробыла там час, мэм.

Миссис Бивер завершила упаковку куклы в бумагу и напоследок пришлепнула обертку жестом, пожалуй, даже слишком энергичным.

— И ни слова не сказала мне об этом.

Мэннинг опять согласилась.

— Ни слова, мэм. — Слова эти прозвучали внушительно, как и подобает словам особы шести футов ростом. Она выдержала небольшую паузу, а затем, как бы желая с размаху захлопнуть последнюю дверь, куда еще могло устремиться хозяйкино любопытство, доложила:

— Мистер Пол, мэм, если желаете знать, сейчас по реке на лодке катается.

Миссис Бивер бросила сверток обратно на скамейку.

— Ну, конечно, где же еще быть мистеру Полу?!

— Нигде, мэм, — неумолимым тоном подтвердила Мэннинг. В следующее мгновение она обернулась, и глазам ее предстал незнакомец, только что вышедший из дома. — Джентльмен, мэм, — объявила она и, в то время как миссис Бивер поднялась, чтобы поприветствовать гостя, удалилась, волоча по траве накрахмаленный шлейф и производя при этом шум, подобный треску газонокосилки.

Деннис Видал, сняв шляпу, обнажил перед хозяйкой дома голову, на которой прошедшие годы, казалось, не оставили ни следа. Он был

все так же молод, остролиц и тщедушен на вид, и ей вспомнилось, что и в прошлый раз он был одет в двубортный синий костюм, скроенный на моряцкий манер. Только при более пристальном рассмотрении она заметила, что все характерные особенности его внешности теперь были выражены еще чуть сильнее. Он стал смуглее, худощавее, крепче, изящнее; ей даже показалось, что меньше ростом. Однако все это не помешало ей отметить факт еще более поразительный: судя по выражению его лица, он был искренне рад пожать ей руку. Это мгновенно на нее подействовало: она, скромная матрона, просияла от удовольствия при намеке на то, что спустя столько лет впечатление, произведенное ею в течение всего нескольких часов на умного молодого человека, пришедшегося ей по душе, все еще в нем не изгладилось. В этом внезапном озарении он снова ей полюбился; как будто, разом перешагнув через бездну времени, дружба их укрепилась пуще прежнего. И при всем при этом — она ясно это чувствовала — на самом деле поводов для жалости к нему стало еще больше: ей отчетливо представилось, какими безотрадными были для него эти прошедшие годы, до чего они были пустыми, ежели все это время так много места оставалось в его душе для

уродливой старухи из Уилверли. Миссис Бивер жестом пригласила его сесть рядом, но тут же отметила, что, прежде чем задавать ему какие-либо вопросы, ей самой нужно сообщить ему один важный факт. Она и так, пока он ждал там, в доме, слишком долго держала его в неведении о том, что Роза Армиджер находится в Истмиде. А сообщив об этом, миссис Бивер сразу поняла, что до сей минуты он пребывал на этот счет в полном неведении. Выражение тревоги на его лице было едва заметно, однако он покраснел и помрачнел; затем, одолев минутную нерешительность, он поинтересовался точным местонахождением мисс Армиджер.

— Она вышла, но может вернуться в любой момент, — сказала миссис Бивер.

— А когда вернется, придет сюда?

— Полагаю, сначала она переоденется. Это займет немного времени.

— Значит, я могу посидеть с вами минут десять?

— Сколько угодно, дорогой мистер Видал. Станете ли вы избегать ее, зависит только от вас.

— Я не люблю увиливать, не люблю прятаться, — возразил Деннис, — но должен сказать: если бы я знал, что она здесь, я бы сюда не приехал.

— Страшно неприятно это вам говорить, но вы сами виноваты, решив действовать вслепую. И самое абсурдное, — продолжала миссис Бивер, — что вы столкнетесь с ней теперь, когда она в первый раз с тех самых пор у меня гостит.

Молодой человек выказал удивление, которое дало ей понять, как глубока окутывающая его тьма.

— В первый раз за все четыре года?

— За все четыре. Она впервые приехала в Истмид.

Деннис помедлил.

— А в другом доме она часто бывала?

Миссис Бивер улыбнулась.

— Ни разу. — Затем улыбка ее разрешилась короткой сухой усмешкой, и она заявила: — Я вам за это ручаюсь!

Деннис пристально посмотрел на нее.

— Вы это точно знаете?

— Знаю несомненно и совершенно точно. — Разговор продолжался в том же обоюдно откровенном духе, и вскоре она спросила: — Но вы… откуда вы приехали?

— Издалека — я был за пределами Англии. Побывав здесь в прошлый раз, я вернулся к прежней работе — и на прежнем месте.

— А теперь возвратились в Англию с полными карманами счастья?

Он улыбнулся в ответ, и в этой дружеской улыбке был заметен оттенок горечи.

— Скорее несчастья! — Несмотря на это печальное заявление, своего рода профессиональное чутье внушало миссис Бивер приятную уверенность, что он теперь, судя по всему, обладает такой независимостью, какая сделала бы его желанным клиентом их с Тони банка. С другой стороны, она уловила нотку усталой мрачности в том, как он добавил: — Я привез его с собой. Оно прилипло ко мне!

На мгновение ее охватило чувство острой жалости.

— Вы любите ее так же сильно, как и прежде?

Во взгляде его читалось полное — и горестное — согласие с этой оценкой его душевного состояния.

— Так же, как и прежде. Упрямство у меня в крови!

— И то, как она обошлась с вами, нисколько не ослабило ваших чувств?

— Не ослабило? Напротив, это, как ничто другое, только их укрепило.

— Несмотря на особое обстоятельство?.. — В

этот момент, при всей своей прямолинейности, миссис Бивер не смогла закончить фразу.

Однако прямолинейность ее гостя осечки не дала.

— Вы имеете в виду, что она бросила меня из-за внезапного проблеска надежды, которую ей внушило тяжелое состояние миссис Брим, надежды на гораздо лучшую партию? — Он рассмеялся еще суше, чем только что смеялась она, и в смехе этом звенела ирония, которую долгие напряженные размышления лишили последних капель пикантности. — В этом «особом обстоятельстве», дорогая мадам, и заключена вся суть того, что со мной происходит!

— Вы относитесь к этому с необычайным хладнокровием, но я позволила себе намекнуть…

— Потому что, — без обиняков прервал ее Деннис, — я и сам не постеснялся заговорить об этом в тот единственный раз, когда мы с вами виделись?

— Тот факт, что мы с вами одинаково видели происходящее и одинаково о нем судили, — ответила миссис Бивер, — это единственное, что, по недостатку времени, нас тогда связало. Это очень тонкая связь, и я тем более польщена, что благодаря ей вы снова захотели меня увидеть.

— Я всегда хотел повидаться с вами, с вашего позволения, при первой же представившейся возможности. Нынешняя возможность, — продолжал молодой человек, — представилась случайным образом. Я только на прошлой неделе вернулся в Англию и два дня назад был вынужден приехать по делам в Саутгемптон. Там я понял, что мне по тому же делу придется отправиться еще и в Маррингтон. Потом выяснилось, что до Маррингтона можно добраться только с пересадкой в Пламбери…

— И Пламбери, — сказала миссис Бивер, — напомнил вам, что вы уже бывали на этой станции, что в тот ужасный воскресный день как раз оттуда вы и уезжали.

— Да, и мне пришло в голову, что вот он, удобный случай. Не телеграфируя и не написав вам, не прощупав почву, не сделав ничего из того, что надо было сделать, я просто этим случаем воспользовался. Добрался до места час назад и отправился в гостиницу.

Она печально посмотрела на него.

— Бедный, милый мой мальчик!

Он попытался возразить.

— Со мной все в порядке. Вспомните, из каких мест я прибыл.

— Совершенно неважно, откуда вы прибыли! Не будь здесь Розы, я бы отлично вас у себя устроила.

— Ну, теперь, когда я знаю, что она тут, — сказал Деннис через мгновение, — думаю, я даже рад. Еще один факт, который надо принять к сведению.

— Значит, вы хотите встретиться с ней?

Какое-то время он сидел с остановившимся взором, тщательно взвешивая услышанное.

— Сперва ответьте на два-три моих вопроса. Тогда я пойму, что делать, — и приму решение.

Обернувшись к чайнику, в котором настаивалась заварка, и собираясь между разговором подать гостю чашку, она ждала, когда тот огласит свои вопросы. Но в течение нескольких минут, взяв чашку и помешивая в ней ложечкой, он все с тем же неподвижным взором продолжал размышлять, как если бы вопросов, его интересующих, было великое множество, и он не мог решить, с которого начать. Наконец миссис Бивер благодаря своей женской интуиции направила его в нужную сторону.

— Скажу вам откровенно, если четыре года назад она была девушкой, которой большинство людей восхищались…

Он с ходу подхватил:

— Теперь она стала еще восхитительнее?

Миссис Бивер пожелала выразиться точнее.

— Не знаю, как насчет «восхитительнее», но выглядит она и впрямь очень хорошо. Годы сказались на ней почти так же мало, как на вас, а голова у нее устроена лучше, чем у любой другой из известных мне девушек. Как-то получается, что возраст ей даже к лицу. Глядя на нее, все прямо диву даются. Единственное, что ей нужно, — это получить то, чего она хочет. Короче говоря, должна признать, она очень обаятельна.

Нарисованный ею словесный портрет гость воспринял, как воспринимают живописное полотно, заключенное в раму, и отсвет красок этой картины озарил его лицо.

— И это говорите мне вы, которой, насколько я помню, она не нравится.

Хозяйка Истмида слегка помешкала в нерешительности, но затем присущее ей мужество взяло верх.

— Да; она мне не нравится.

— Понятно, — задумчиво произнес Деннис. — Тогда могу я спросить, зачем вы ее пригласили?

— По самой очевидной причине на свете. Меня попросил об этом мистер Брим.

Деннис холодно улыбнулся.

— Вы делаете все, о чем вас просит мистер Брим?

— Он просит о столь малом!

— Ага, — согласился Деннис, — и это как раз тот редкий случай! Она ему все еще нравится? — спросил он.

— Ровно как и прежде.

Молодой человек немного помолчал.

— Хотите сказать, он влюблен в нее?

— Влюблен в нее он никогда не был — нисколечко.

На лице Денниса отразилось сомнение.

— Вы совершенно уверены?

— Ну, — сказала хозяйка имения, — что касается нынешнего времени, я уверена совершенно. Этого вполне достаточно. Сейчас он в нее не влюблен — у меня есть тому доказательства.

— Доказательства?

Миссис Бивер немного помолчала.

— Сама просьба пригласить ее уже говорит о многом. Если бы он был в нее влюблен, то ни за что не попросил бы меня об этом.

На мгновение показалось, что ее гость счел этот довод слишком уж тонким; но вскоре он сказал:

— Вы имеете в виду, что он честно придержива-

ется клятвы, которую дал своей покойной жене?

— Именно.

— И нет никакой вероятности, что он ее нарушит?

— Ни малейшей.

Деннис издал тихий, протяжный вздох, очевидно свидетельствовавший об испытанном им облегчении.

— Вы слишком хорошо судите о людях, но я уважаю ваше мнение. — Он на мгновение задумался, потом резко продолжил: — Почему он захотел, чтобы вы ее пригласили?

— Причины, которые он назвал, показались мне вполне естественными. Ради старого знакомства — в память о покойной жене.

— Значит, он не считает, что одержимость миссис Брим, как вы это называете, была как-то связана с ее опасениями по поводу Розы?

— С какой стати ему так считать? — спросила миссис Бивер. — Ради бедняжки Джулии Роза была близка к тому, чтобы выйти за вас.

— А! Ради того, чтобы хоть как-то попытаться предотвратить то, что произошло! — печально воскликнул Деннис.

— Это мало что смогло бы предотвратить, но Джулия даже представить себе не могла, на-

сколько мало. Месяц назад Тони спросил меня, не думаю ли я, что он мог бы, не вызвав осуждения, пригласить мисс Армиджер погостить в другом доме. Я сказала: нет, глупый мальчик! — и он отказался от этой идеи, но неделю спустя снова к ней вернулся. Он признался, что ему стыдно за то, что за все эти годы он так мало для нее сделал; и ведь Роза в трудный час вела себя с такой осмотрительностью и деликатностью, что «беззастенчиво отталкивать» ее — так он выразился — было бы в некотором роде оскорблением той любви, какую питала к ней Джулия, и злостным неуважением чувств Розы к его жене. Я ответила: если это хоть немного его успокоит, я могу сама попросить ее о том, чтобы она почтила меня своим присутствием. Он ухватился за мое предложение, и я ей написала. И вот она здесь.

Бедный Деннис при этих словах даже подскочил, как будто молодая леди появилась прямо перед ним. Миссис Бивер успокоила его, но он уже поднялся на ноги и стоял перед нею.

— Значит, с тех самых пор это их первая встреча?

— Нет, милый мой! Они встречались в Лондоне. Он часто туда ездит.

— Как часто?

— О, время от времени. Бывает, раза два в месяц.

— И он каждый раз с ней встречается?

Миссис Бивер задумалась.

— Каждый раз? Дайте подумать… Нет, вряд ли.

— Тогда через раз?

— Не имею ни малейшего понятия.

Деннис окинул взглядом сад.

— По вашим словам, вы убеждены, что, памятуя о собственной клятве, он не питает к ней особого интереса. Однако вы, конечно, имеете в виду только то, что касается брачных отношений.

— Я имею в виду, — сказала миссис Бивер, — любые возможные отношения. — Она тоже поднялась на ноги и выложила все как есть. — Он влюблен в другую.

— А, — пробормотал Деннис, — вот это уже не мое дело! — Тем не менее на миг он закрыл глаза, чувствуя, как эта новость целительным бальзамом растекается по его сердцу. — Но это многое меняет.

Она ласково положила ладонь ему на руку.

— Настолько многое, что вы теперь, надеюсь, присоединитесь к нашей маленькой компании? — Он снова в нерешительности огляделся, и взгляд его упал на сложенные в кучу свертки,

природу которых выдавали льняные локоны и восковые ножки. Она сразу же его просветила: — Готовимся ко дню рождения маленькой девочки из другого дома. Она придет и получит все это в подарок.

Он снова опустился в кресло и посмотрел на нее снизу вверх.

— Наконец-то мы перешли к делу! Я именно за тем и приехал, чтобы расспросить о ней.

— И о чем же вы хотите спросить?

— Как у нее дела — имею в виду, как здоровье.

— По-моему, сегодня не очень хорошо! — Миссис Бивер рассмеялась.

— Только сегодня?

— Говорят, она слегка простудилась. Но не пугайтесь. В целом все у нее прекрасно.

Он помедлил.

— То есть вы хотите сказать, все в ее детской жизни идет чудесно?

— Я хочу сказать, что она просто прелесть!

— Я имею в виду, внезапная смерть ей не грозит?

— Тут я никаких гарантий дать не могу, — сказала миссис Бивер. — Но пока этого не случилось…

— Пока этого не случилось? — переспросил он, когда она замолчала.

Миссис Бивер помолчала еще мгновение.

— Что ж, поглядеть на нее — чистое удовольствие. Вы сами сможете в этом убедиться.

— Я сам смогу в этом убедиться, — повторил Деннис. И через мгновение продолжил: — Если быть до конца откровенным, я ради этого и приехал.

— Не ради того, чтобы увидеться со мной? Ну спасибо! Но я могу вас понять, — сказала миссис Бивер. — Вы надеетесь, что я вас ей представлю. Посидите смирно, никуда не уходите, и я это сделаю.

— Есть еще кое-что, о чем я должен вас спросить. Вы всё видите; всё понимаете; вы можете мне рассказать. — Всего с минуту посидев, как она велела, смирно на месте, он снова нервно вскочил. — Мисс Армиджер влюблена в мистера Брима?

Хозяйка имения отвернулась.

— Это единственный вопрос, на который я не могу вам ответить. — Потом она снова взглянула ему в лицо. — Вы сами должны это выяснить.

Он стоял, глядя на нее.

— Но как?

— Понаблюдайте за ней.

— О, я приехал не за этим! — Деннис, в свою оче-

редь, тоже отвернулся; он был явно раздосадован. Но сдержался; перед ним возник человек в фланелевых брюках для катания на лодке, который, судя по всему, только что вернулся с реки и бесшумно пересек лужайку и которого миссис Бивер без церемоний представила как своего «мальчика». Ее «мальчик», моргая, воззрился на Денниса, не получив от матери никаких разъяснений касательно личности гостя, тогда как гость, видимо, принял решение относительно своих дальнейших действий. — Могу я подумать над тем, что вы мне сообщили, и затем вернуться?

— Я буду очень рада снова вас видеть. Но что вы будете делать в этой скромной усадьбе?

Деннис посмотрел на реку; потом обратился к молодому человеку.

— Не могли бы вы одолжить мне лодку?

— Лодка принадлежит мне, — решительно заявила миссис Бивер. — Добро пожаловать на борт.

— Я немного покатаюсь. — Приподняв шляпу, Деннис быстро спустился к речке.

Пол Бивер следил за ним взглядом.

— Не лучше ли мне показать ему?.. — спросил он у матери.

— Присядь-ка лучше и посиди тут. — Она пове-

лительным жестом указала на кресло, в котором еще недавно сидел Деннис, и сын покорно в нем обосновался.

## XV

Пол Бивер был высоким и тучным молодым человеком с маленькими, как и у его матери, глазками; но как ей, так и ему — причем ему даже в большей степени — природа с лихвой компенсировала этот недостаток шириной лица в целом. У него были большие голые щеки без намека на бороду или бакенбарды и широкий рот с ровной, почти детской линией губ; из-за особенно длинной и гладкой верхней губы рот этот казался таким же беззащитным, как лысая голова. Толстая мясистая складка украшала его юную, вечно обнаженную шею, а ноги в белых фланелевых брюках были у него одинаковой толщины от бедра до лодыжки. Он обещал довольно рано стать массивным и достаточно внушительным в обхвате. Питая большое пристрастие к сигаретам и тишине, он, однако, несмотря на свое сложение, не был ленивым увальнем. За фигурой он не следил, но и еде не уделял особого внимания, играл в крикет со своими ровесниками и танцевал до упаду с их женами и сестрами. Жители Уилверли любили его, а Тони Брим высоко ценил, и только его мать пока не определилась

в своем к нему отношении. В Оксфорде он преуспел в том, чтобы не натворить дел, и дальше покатился по жизни в той же колее, которую она для него проложила. Но именно своим послушанием он ее слегка и разочаровывал: она так его от всего оберегала, что эта его жизнь в привычной безопасности ей самой стала казаться пресной и вялой. Она не задавалась вопросом, достаточно ли он умен, — ее беспокоило, не слишком ли он глуп. Тони говорил, что Пол — человек определенно глубокий, но он вполне мог говорить так лишь для того, чтобы в своей витиеватой манере изобразить таковым себя самого. Миссис Бивер не считала нужным посвящать сына в суть разговора с мистером Видалом; Пол же, не имея ни малейшего представления о ее делах и не желая совать в них нос, вопросов не задавал, и она, все еще несколько взволнованная, не стала ничего ему выговаривать. Упустив, однако, эту возможность, она успокоила себя тем, что ее время придет. Пол приступил к поеданию булочки — гребля пробудила в нем аппетит, — и миссис Бивер налила ему чаю. Передавая ему чашку, она с вызовом бросила:

— Скажи на милость, когда ты, наконец, соберешься вручить ей подарок?

Он медленно жевал, глядя на мать.

— Когда, как вы думаете, будет лучше?

— До обеда — определенно. Кто знает, что потом может случиться.

— Вы полагаете, что-то должно случиться? — безмятежно спросил он.

Его мать ответила не сразу.

— Не случится ничего, если ты так и будешь ждать у моря погоды.

Он явно не вполне уяснил, что она хотела этим сказать, поэтому после паузы она продолжила:

— Ты, похоже, никак не возьмешь в толк, что я уже сделала для тебя все, что могла, теперь все зависит только от тебя.

— Ну что вы, маменька, я понимаю, — ответил он без тени раздражения. Потом еще раз откусил от булочки и добавил: — Мисс Армиджер говорит мне ровно то же самое.

— Мисс Армиджер? — удивленно воззрилась на него миссис Бивер, чувствуя в этом возможность уколоть его, наверстав упущенное. — Она-то какое имеет к этому отношение?

— Я много говорил с ней об этом.

— Думаю, ты хотел сказать, что это она много с тобой говорила. Это вполне в ее духе.

— Это в духе моей дорогой маменьки — вот в

чьем это духе, — ответил Пол. — Она вполне разделяет ваши взгляды. Я имею в виду, она согласна с вами в том, что это прекрасная возможность для меня и я должен сделать все, что в моих силах.

— А ты сам этого не понимаешь? Тебе нужно, чтобы две женщины открыли тебе глаза? — спросила миссис Бивер.

Пол с серьезным видом непредвзято обдумал ее вопрос, помешивая чай.

— Нет, я бы так не сказал. Но мисс Армиджер так складно все объясняет.

— Да уж, в этом деле она иногда и правда мастерица. И все же я бы предпочла, чтобы ты сам сообразил, как себя подать, чтобы Джин приняла твое предложение, чем следовал советам другой женщины, какой бы прекрасной советчицей она ни была.

Молодой человек вновь задумался, и его матери пришло в голову, как приходило уже не раз, что его невозмутимость, возможно, скорее достоинство, чем недостаток.

— Я сам и сообразил, — ответил он наконец. — Просто я с ней поговорю, и мне становится понятно, что именно я чувствую.

Миссис Бивер удивилась.

— Ты, конечно, хочешь сказать, что это с Джин

тебе становится понятно.

— Да нет же! С мисс Армиджер!

Хозяйка Истмида, потеряв терпение, рассмеялась.

— Как я счастлива слышать, что ты хоть что-то чувствуешь. Мне казалось, это нечасто с тобой случается.

— Я чувствую, что Джин весьма очаровательна.

Она снова рассмеялась — уже над тем, как он это сказал.

— В таких выражениях ты планируешь сообщить ей об этом?

— Думаю, она верно поймет меня, как бы я ни выразился, — ответил Пол. — Она всегда была исключительно добра ко мне; она мой близкий друг, и ей прекрасно известно, чего я хочу.

— Тогда ей известно больше, чем мне, дорогой мой! Ты говорил мне то же самое полгода тому назад, — ты тогда нравился ей так сильно, что она попросила тебя оставить ее в покое.

— Она попросила дать ей полгода, чтобы все хорошо обдумать и потом дать мне окончательный ответ; и я стал нравиться ей еще больше, потому что уступил ее просьбе, — возразил Пол. — Те полгода, что я прождал, только улучшили наши

отношения.

— Что ж, значит, теперь они должны были достичь совершенства. В таком случае ты получишь от нее окончательный ответ сегодня же.

— Когда преподнесу ей украшение?

— Когда преподнесешь ей украшение. С ним все в порядке, я надеюсь?

Пол задумался над ответом и взял еще одну булочку.

— Думаю, да.

— Только «думаешь»? Оно стоит таких денег! Что ты с ним сделал?

Молодой человек снова замялся.

— Я отдал его мисс Армиджер. Она боялась, что я его потеряю.

— А ты не побоялся, что его потеряет она?! — вскричала его мать.

— Нисколько. Она придет сюда и вернет его мне. Слишком уж она хочет, чтобы у меня все получилось.

Миссис Бивер помолчала.

— А как сильно ты хочешь, чтобы у нее получилось?

На лице Пола отразилось недоумение.

— Получилось что?

— Выставить тебя дураком. — Миссис Бивер

взяла себя в руки. — Ты влюблен в Розу Армиджер, Пол?

Вопрос заставил его крепко задуматься.

— Ни в коей мере. Я не говорю с ней ни о чем и ни о ком, кроме Джин.

— А с Джин ты не говоришь ни о чем и ни о ком, кроме Розы?

Пол с видимым усилием стал вспоминать.

— Да я вообще с ней почти не разговариваю. Мы такие давние друзья, что нам уже почти нечего друг другу сказать.

— А сказать тебе, мой дорогой, необходимо вот что: ты слишком многое принимаешь за должное!

— Именно это мне и втолковывает мисс Армиджер. Налейте мне, пожалуйста, еще чаю.

Миссис Бивер забрала у него чашку, но посмотрела на него строго и испытующе. Пол задумчиво разглядывал угощения на столе, не поднимая на нее глаз.

— Если я и принимаю слишком многое за должное, — добавил он, — то не забывайте, что вы сами приучили меня так думать.

Миссис Бивер нашлась с ответом не сразу, но возразила с торжествующим видом:

— Может, я и приучила тебя так думать, но

Джин-то я ни к чему такому не приучала!

— Так я и не о ней говорю, — добродушно заметил Пол. — Хотя осмелюсь напомнить вам, что она приезжала сюда снова и снова, из месяца в месяц, и вы все время приучали ее к мысли — приучали, как могли, и так, и эдак, — что я ее неминуемая судьба. Есть ли у вас какие-либо реальные основания сомневаться в том, что она сознает — и сознает в благоприятном для нас смысле: настало время дать ответ?

Теперь миссис Бивер принялась пристально изучать глубины чайника.

— Нет! — ответила она, помолчав.

— Так в чем же дело?

— Дело в том, что я беспокоюсь, и беспокоиться меня заставляет твоя невозмутимость. Я хочу, чтобы ты вел себя так, будто исход дела тебя волнует, а самое главное, хочу, чтобы ты вел так себя при ней.

Пол заерзал в кресле; его собеседница решила, что он недоволен оказываемым на него давлением, и сочла это знаком, что ее худшие опасения сбываются.

— О, только не говори мне, что тебе и впрямь нет до этого никакого дела! Посмей только, и я не знаю, что с тобой сделаю!

Он посмотрел на нее так, как иногда уже смотрел прежде, и взглядом этим каждый раз только подливал масла в огонь ее раздражения — с веселым изумлением, переходящим в любопытство, будто поражался тому, что в мире есть существа, способные так распаляться. Она всю жизнь благодарила небеса за свое хладнокровие, но теперь пред нею явила лик Немезиды роковая истина: по сравнению со своим сыном она была настоящим вулканом. Теперь к нему перешло то преимущество, каким миссис Бивер так долго владела безраздельно: в любой ситуации и при любом разговоре взирать на противную сторону как на действующее лицо в каком-то спектакле; самой же, откинувшись в театральном кресле, неизменно сохранять позицию зрителя или даже критика. Ей претило выступать перед Полом так, как она обычно заставляла других выступать перед собой; но она тут же решила, что раз уж она вынуждена это делать, то извлечет из этого пользу. Ей придется прыгнуть через кольцо, но потом она вновь окажется на спине скакуна. И в следующий миг она принялась исполнять перед Полом свой жонглерский номер.

— За одно, дорогой мой, могу я тебе поручиться: если тебя случаем морочит и парализует некое

мечтание, будто, двинувшись в каком-то другом направлении, ты набредешь на что-то иное, то наискорейшее избавление от этой фантазии поспособствует не только твоему счастью, но и сохранению твоего достоинства. Если ты тешишь себя — пусть и не без угрызений совести — пустой надеждой на призрачный шанс произвести на кого-то еще хоть какое-то впечатление, я могу сказать только, что тем самым ты готовишь себе большое разочарование, а к тому же навлечешь на себя гнев твоей матери.

Она ненадолго умолкла; перед изумленным взглядом своего сына она чувствовала себя гимнасткой в розовом трико.

— Хотела бы я знать, насколько мисс Армиджер уязвима для твоих чар?

Пол проявил к ней уважение: он не стал аплодировать после ее выступления — то есть не позволил себе улыбнуться. Но что-то он все же почувствовал, и выразилось это, как и всегда, в его особом прищуре: на его широком открытом лице глаза подчас сужались до того, что превращались в маленькие живые бусинки, и взор этих бусинок был теперь устремлен в сторону дома.

— Что ж, маменька, — ответил он тихо, — если вам так хочется это знать, не лучше ли вам спро-

сить у нее самой?

В поле зрения показалась Роза Армиджер. Обернувшись, миссис Бивер увидела, как та с непокрытой головой, в ослепительно белом платье приближается к ним под ярко-красной парасолькой. Пока она шла, Пол встал с кресла, добрел до гамака и сразу же в него рухнул. Он вытянулся, заставив гамак просесть, а крепления — заскрипеть под его весом, и так же спокойно и терпеливо добавил:

— Она пришла, чтобы вернуть мне украшение.

## XVI

— Дорогая миссис Бивер, торт наконец прибыл! — весело объявила Роза.

Миссис Бивер ответила не сразу, чем дала сыну понять, что, возможно, сейчас воспользуется его советом. Но после этой паузы она, однако, заставила себя сказать нечто совершенно иное:

— Я весьма признательна вам за то, что вы взяли на себя труд за этим проследить.

— Кто-то должен был это сделать. Нельзя было допустить, чтобы хоть что-то омрачило нашей милой Джин такой знаменательный день, — сказала Роза.

— Не говоря о нашей милой Эффи, — тут же добавила миссис Бивер.

— Где одна, там и другая — ведь это их общий праздник. Торт их объединяет: инициалы переплетены, и свечи расставлены для обеих. Их столько, что каждой хватит, — рассмеялась Роза, — возраст одной сложили с возрастом другой. Красивое число получилось!

— Должно быть, и торт немаленький, — заметила миссис Бивер.

— Огромный.

— Такой огромный, что не проходил в двери?

Роза задумалась.

— Будь это наши с вами свечи, он был бы куда огромнее! — лукаво улыбнулась она.

Затем, показывая Полу пресловутое «украшение», сказала:

— Возвращаю вам то, что вы отдали мне на хранение. Ловите! — решительно добавила она и, размахнувшись, бросила ему сафьяновый футляр, который он в следующий миг поймал на лету одной рукой, не вставая с гамака.

Острое недоверие миссис Бивер притупилось при виде вольной выходки Розы: что-то ощутимо незаурядное, даже исключительное было в девице, с ходу так умно отреагировавшей на подозрения, о которых она знала наверняка и которые всеми силами стремилась развеять. Хозяйка Истмида строго поглядела на нее, читая это стремление в ответном взгляде.

«Доверьтесь же мне, поверьте мне, — казалось, умоляли ее глаза, — ни в коем случае не думайте, будто я способна на глупое или жалкое своекорыстие. Я могу быть опасна для самой себя, но я не представляю угрозы для других, и уж точно не для вас».

Она обладала определенным обаянием, схожим

с обаянием Тони Брима: все вопросы, возникавшие по отношению к ее личности, это обаяние снимало просто и непосредственно. Под его воздействием миссис Бивер, несмотря ни на что, вдруг почувствовала, что могла бы избавить Розу от своих подозрений, если бы только при этом могла положиться на Пола. Она взглянула на развалившегося в гамаке сына и заметила, что, несмотря на непринужденность его позы — каковую он вполне мог принять с целью ввести кое-кого в заблуждение, — у его прищуренных глаз, которых он не сводил с гостьи, все еще было то самое выражение, с каким он глядел на нее, свою родительницу, во время их недавнего разговора. Она медлила; но тем временем Роза подошла прямо к ней и поцеловала ее. Такого прежде не случалось, и миссис Бивер покраснела так, будто кто-то застал ее врасплох за неким тайным делом. В объяснение своего поступка Роза только улыбнулась; но в улыбке ее ясно читалось: «Я его наставлю на путь истинный!»

Так что ответ, слетевший с уст матери наставляемого, всего лишь гласил:

— Пойду посмотрю, что это за торт!

Миссис Бивер двинулась к дому, и стоило ей отвернуться, как сын ее выбрался из гамака.

Сторонний наблюдатель не ошибся бы, предположив, что со стороны Пола имел место глубокий расчет: он укрылся в гамаке в порядке немого протеста против любых попыток не дать ему переговорить с Розой. Сама молодая леди рассмеялась, увидев, как он встает, и тот же сторонний наблюдатель понял бы, что смехом своим она воздавала должное природной хитрости, сочетавшейся в нем с явным простодушием. Пол и сам это понял и, подойдя к чайному столику, тихо возразил в ответ на ее легкую насмешку:

— Я боялся, что моя дражайшая маменька сейчас меня куда-нибудь отошлет.

— Напротив, ведь она официально сдала вас мне с рук на руки.

— Тогда вы должны позволить мне взять на себя ее обязанности и налить вам чаю, — сказал он с неуклюжей учтивостью, не лишенной тем не менее своеобразного изящества.

Роза, укрытая густой тенью зонтика, который она то и дело вертела на плече, рассеянно посмотрела на стол.

— Благодарю, я сама налью себе чаю; а вы можете снова устроиться в гамаке.

— Я покинул его не просто так, — заметил молодой человек. — Лежа в нем, я находился бы в

невыгодном положении во время нашей с вами беседы.

— Потому я и попросила вас об этом. Я хочу уложить вас на лопатки и лишить всякой возможности возражать мне.

Пол тут же вернулся, но перед тем как снова вытянуться в гамаке, он с прежней чрезвычайной серьезностью спросил, где она в таком случае будет сидеть.

— Я намерена не садиться вовсе, — ответила она, — я подойду к вам, встану у вас над душой и примусь вас изводить.

Он неловко уселся в гамаке, стараясь держаться прямо и не решаясь лечь, как лежал до этого; Роза, приблизившись к нему, протянула руку.

— Дайте мне еще раз взглянуть на этот предмет.

Маленький футляр, только что полученный от нее, лежал у него на коленях; теперь он вновь отдал его Розе. Она открыла его, нажав на пружину, и, склонив голову к плечу, свежим взглядом окинула камень в оправе, покоившийся на белом бархате. Затем, громко захлопнув футляр, возвратила его Полу.

— Да, прекрасная вещь; камень чудесный, она оценит. Но, дорогой мой, этого недостаточно. —

Роза наклонилась к нему, и он, вжимаясь спиной в жесткие веревки гамака, поднял на нее глаза. — Вы слишком многое принимаете за должное.

Пол помолчал немного, но в конце концов признался:

— Моя мать сказала мне то же самое, и я тогда ей сказал, что вы мне это уже говорили.

Роза с минуту непонимающе смотрела на него, а потом снова улыбнулась.

— Вы путано изъясняетесь, но я вас поняла! Она пыталась открыть вам глаза.

— Ей известно, — повторил он, — что вы советуете мне то же, что и она.

— Она наконец поверила в это! И то, что она оставила нас вдвоем, тому подтверждение. Я всем сердцем надеюсь в полной мере оправдать ее доверие, поскольку прежде она была так слепа к собственным интересам, что полагала, будто вам так тут надоело за эти три недели, что вы со скуки влюбились в меня.

— Я ей конкретно объяснил, что вовсе в вас не влюблялся.

Тон Пола в те моменты, когда он стремился к предельной серьезности, был способен развеселить почти любого собеседника.

— Надеюсь, когда вам придется конкретно объ-

яснять кому-либо, что вы очень даже влюбились, вы будете убедительнее! — воскликнула Роза.

Она слегка толкнула гамак, отворачиваясь, и Пол еще с минуту мягко покачивался в нем.

— Боюсь, вам не стоит требовать от меня слишком многого, — наконец произнес он, глядя, как она возвращается к столу и наливает себе чашку чая.

Она отпила немного, вновь поставила чашку на стол и вернулась к нему.

— Я бы требовала от вас слишком многого, если бы вы требовали слишком многого от нее. Но вы от этого далеки, а ваше положение безупречно. То, что вы предлагаете, слишком прекрасно, чтобы в ответ вы услышали отказ.

— Я знаю, что могу предложить, а чего не могу, — ответил Пол, — и особе, о которой мы с вами говорим, тоже все это прекрасно известно. Я ничего от нее не скрываю, и если мое положение и впрямь так безупречно, то ей это должно быть так же очевидно, как и вам. Я согласен, что я порядочный человек и что на данный момент мое дело процветает, а мои перспективы и гарантии любого рода довольно значительны. Но все эти достоинства годами доводились до нее, и ничего к этому списку нельзя добавить,

не рискуя смертельно ей наскучить. Вы и моя маменька говорите, что я слишком многое принимаю за должное, но я принимаю за должное это и только это.

Это была необычайно длинная речь для нашего молодого человека, а благодаря отсутствию интонаций и невыразительным паузам она казалась еще длиннее. Она произвела явное впечатление на Розу Армиджер, глаза которой распахивались все шире по мере того, как он говорил. На лице ее читались умиление и живое сочувствие, и, когда Пол умолк, Роза продолжала смотреть на него с напряженным ожиданием, как бы побуждая говорить дальше. Но он единственно добавил:

— Я хочу сказать лишь, что, если я достаточно хорош для нее, ей осталось только принять мое предложение.

— Вы достаточно хороши для лучшей девушки в мире. Вы честны и добры, щедры и мудры, — сказала Роза с дрожью искренности в голосе.

Она смотрела на него с понимающей приязнью, свойственной умам настолько чутким, что их трогает любое проявление красоты, пусть даже самой сокровенной.

— Вы так надежны, с вами так спокойно, что любые отношения с вами — настоящий подарок,

за который нужно быть благодарным.

Она осыпала его дружескими комплиментами, расхваливала, как добротный товар, говорила так, будто речь шла о каком-то совсем другом человеке.

— Источником радости и гордости для меня всегда будет то, что вы, пусть на краткий час, были моим другом!

Пол ответил на эти восторги тем, что медленно, с видимым усилием, поднялся.

— Вы думаете, мне нравится то, как вы со мной поступаете? — вдруг резко спросил он.

Таким тоном он заговорил с ней впервые, но Роза не замедлила с ответом:

— Мне нет дела до того, нравится вам это или нет! Таков мой долг и ваш долг тоже; мы оба поступаем правильно.

Он стоял перед ней, рослый, громоздкий, настоящий верзила, и продолжал говорить так, будто пропустил мимо ушей ее последние слова.

— Так странно слышать все это от вас.

— Все странно, а правда страннее всего. К тому же это вовсе не так немыслимо, как кажется. Разве вы имеете что-то против нее; разве она не красива и благонравна — прекрасно воспитана и во всех отношениях мила? Разве с тех пор, как

я впервые увидела ее здесь, она не расцвела самым чудесным образом, а смерть отца не дала ей доход в три тысячи в год и возможность, с этими ее огненно-золотыми волосами, выглядеть в глубочайшем, изысканнейшем первоначальном трауре куда миловиднее, дорогой мой мальчик, чем любая другая девушка, которой когда-либо случалось или когда-нибудь случится заглянуть в любой банк Уилверли, при всем моем к ним, то есть девушкам, уважении? И разве, ежели допустить, что вы и впрямь ко мне неравнодушны, был хоть малейший шанс, что, зайди вы в своем неравнодушии слишком далеко, я не ограничилась бы тем, что выслушала вас с сочувствием, сказала «о, дорогой мой!», ласково похлопала вас по спине и тут же выставила за дверь?

Пол Бивер, как только она начала высказывать ему все это, вылез из гамака и принялся медленно бродить, огибая по кругу широко расставленные на лужайке садовые кресла, тогда как Роза, оставаясь в этом круге, поворачивалась вслед за ним, давя на него всей полнотой своей откровенности. Он остановился за одним из кресел, положив руки на его высокую спинку, и поднял на нее глаза.

— Если я и впрямь вам небезразлична, — продолжала она с теплотой в голосе, — есть прекрас-

ный способ это продемонстрировать. Вложите в ваше предложение, обращенное к мисс Мартл, что-то такое, чему она не сможет противостоять.

— И чему же такому она не сможет противостоять? — спросил Пол ровным голосом, но при этом слегка потряхивая кресло, за спинку которого держался.

— Да вам же и не сможет, разумеется! Если только вы проявите чуть больше личного отношения, больше страстности, если по вам будет видно, что вы никогда и ничего не желали так, как желаете ее, что от нее действительно зависит ваше счастье.

Пол смотрел так, будто стремился усвоить урок, и она с возросшей уверенностью этот урок продолжила:

— Проявите нежность, задействуйте красноречие, позвольте себе пару прикосновений из тех, что попадают прямо в цель. Скажите ей, ради всего святого, те слова, что так нравятся женщинам. Всем нам они нравятся, всех нас они трогают, и вам ничего без них не добиться. И не забывайте, что главное — угодить ей.

Взгляд маленьких глазок Пола, казалось, сосредоточился на этой отдаленной цели.

— Угодить ей и угодить вам.

— Звучит странно, не спорю, — объединять нас с ней таким образом. Но это неважно, — сделала оговорку Роза. — Ваш успех несказанно поможет мне и доставит радость. Мне трудно говорить об этом, но у меня есть на то серьезные, важные причины.

Она помедлила, озираясь по сторонам, не будучи уверена в том, как далеко может зайти в своей откровенности. Затем на ее побледневшем лице отразилась решимость.

— Меня захватила одна идея. Есть то, что я считаю хорошим и правильным, и хочу, чтобы это свершилось, и есть дурное и ошибочное, и его я должна предотвратить. Есть верность, которую я должна пестовать, — и память, которую я должна защитить. Большего я сказать не могу. — Она вещала с истовым пылом, подобно жрице, алтарь которой оказался под угрозой. — Если эта девушка станет вашей женой, я наконец обрету покой!

— Мой успех будет значить, что вы получите свое, я понял. Но, позвольте, что получу я? — внезапно спросил Пол.

— Вы? — Она побагровела от возмущения, услышав этот вопрос. — Как что? Вы получите Джин Мартл!

Он отвернулся, не сказав ни слова, а она в тот

же самый момент увидела, как в отдалении особа, чье имя только что было произнесено, спускается по широким массивным ступеням. Роза тут же выскользнула за пределы круга кресел и торопливо подошла к своему собеседнику, который замер как вкопанный при ее приближении. Роза посмотрела ему прямо в глаза.

— Если вы подарите мне покой, на который я так уповаю, я все для вас сделаю!

И он остался смотреть, как она спускается к реке, с маленького мостика через которую махал ей шляпой Тони Брим, шедший к ним со стороны другого дома.

# XVII

Тони вскоре присоединился к Розе Армиджер, и они вместе поднялись по лужайке туда, где уже стояла, беседуя с Полом, Джин Мартл. Когда хозяин Баундса приблизился, молодая леди встревоженно спросила, неужели Эффи так сильно нездоровилось, что он не смог взять ее с собой. Она ожидала встретиться с ней тут, а не найдя ее, решила, что Тони придет вместе с ней.

— Я оставил окончательное решение на усмотрение няни, дорогая моя Джин, — ответил Тони. — Ее нарядили как куклу от макушки до пяточек, а потом, при первом же признаке легкого недомогания, всю красоту разобрали и оставили ее раздетой и разочарованной. Бедный, безвинно страдающий ягненочек. Когда я уходил, к ней снова приступили с лентами и веночками; но такие дела быстро не делаются, и я бы не поручился, что, стоит ей один раз чихнуть, все снова не вернется в исходную точку. На то воля божья. Я не мог больше ждать.

— Вам не терпелось оказаться наконец в нашем милом, приятном обществе, — подсказала Роза.

Тони с лету подхватил этот тон легкой комедии,

улыбнулся и сделал поклон.

— Мне не терпелось оказаться в вашем обществе, мисс Армиджер.

По истечении четырех лет он все еще носил траур, который стал уже таким привычным, что даже не казался неуместным в этом сельском уголке в летний послеполуденный час. Но этот же траур допускал прежнюю непринужденность в общении с женщинами, явно врожденную и безотчетную, удачно сочетавшую изящество лести без избитых фраз и легкой насмешливости без наглости. Он стал чуть старше, но не стал скучнее; утратил былой лоск, но не потерял шарма. Его присутствие всегда и везде оказывалось к месту, как бой часов в нужную минуту. Маленькие глазки Пола Бивера после появления Тони остановились на Розе с тем выражением, с каким пристально следят за кругами, расходящимися по воде после падения в нее тяжелого предмета. Никакая рябь на глади прекрасного лица его второй, более юной дамы, судя по всему, его не волновала.

— Я рада, что эти слова обращены не ко мне, — весело сказала Джин, — ведь, боюсь, я должна немедленно лишить вас моего блистательного общества.

— Кого же вы тогда им осчастливите?

— Сейчас — вашу дочь. Я должна сама пойти и узнать, как она себя чувствует.

Тони посмотрел на нее уже с большей серьезностью.

— Если вы так беспокоитесь за нее, я пойду с вами. Вы исключительно добры; мне сказали, что вы уже были у нее этим утром.

— Ах, вы были с ней этим утром? — спросила Роза у Джин, явно стремясь, чтобы вопрос этот прозвучал как можно более буднично, но было в ее тоне что-то, заставившее особу, к которой она обратилась, повернуться к ней с легким недоумением. Джин стояла на лужайке в черном платье, исполненная прелести и чистоты; удивление не омрачило несравненного сияния ее молодости.

— Я никогда с ней надолго не расстаюсь. Разве вы не знали, что я сделала ее предметом моего особого всеобъемлющего попечения?

— Под предлогом, что тем самым спасаете ее от грядущих адских мук, — добавил Тони. — Считается, что я рискую разбаловать ее, но Джин балует ее ничуть не меньше, и в результате наносимый ей вред удваивается.

— Как бы там ни было, прошу вас, не уходите, — принялась Роза мягко его уговаривать. — Вы же

знаете, я и так вас почти не вижу, и как раз сейчас мне очень нужно поговорить с вами.

Тони тут же уступил ее просьбе, и Роза, провожая взглядом Джин, которая после этих слов молча развернулась, чтобы двинуться в сторону моста, напомнила Полу Биверу, что, как он сам ей только что сказал, у него также есть настоятельная необходимость о чем-то особенном переговорить с мисс Мартл.

Услышав это, Пол залился густой краской.

— О да, я бы очень хотел поговорить с вами, пожалуйста, — сказал он Джин.

Она остановилась на полдороге к реке и посмотрела на него; взгляд ее был ясным и теплым.

— Прямо сейчас?

— Как только у вас будет время.

— Я освобожусь, как только схожу к Эффи, — ответила Джин. — Я хочу привести ее с собой. Ее здесь ждут четыре куклы.

— Милое дитя, — бесцеремонно воскликнула Роза, — дома у нее все сорок! Разве вы не дарите ей новую каждый день — или через день? — обратилась она к Тони.

Но тот не слышал ее вопроса, заинтересованный договоренностью между Полом и Джин, с которой не сводил глаз.

— Ну что ж, тогда идите да возвращайтесь поскорее к нам. И приведите малышку! — весело воскликнул он.

— Я пойду переоденусь и, вероятно, в недолгом времени встречусь с вами здесь же, — вставил Пол.

— Мы без сомнения встретимся, дорогой Пол. Я мигом! — отозвалась девушка и легкой походкой двинулась дальше, тогда как Пол зашагал к дому, а двое, оставшиеся на лужайке, еще какое-то время смотрели вслед Джин. Несмотря на черное платье, тонкую и пышную ткань которого развевал летний ветерок, она, казалось, сияла в свете послеполуденного солнца. Они видели, как она дошла до середины моста, обернулась и помахала им платком, после чего спустилась на другую сторону и исчезла из виду.

— Налить вам чаю? — спросила Роза. Она кивком головы указала на столик, являвший собой яркую демонстрацию гостеприимства миссис Бивер. Тони с благодарностью принял ее предложение, и они бок о бок неспешно направились к нему. — Почему вы перестали называть меня Розой? — вдруг спросила она.

Тони вздрогнул и резко замедлил шаг; Роза тут же остановилась.

— В самом деле, моя дорогая? Я не замечал…

Он посмотрел на нее и, не отводя глаз, густо покраснел: он выглядел как человек, чьим глазам предстало нечто, заключающее в себе явное предостережение. А предстало глазам Тони Брима обстоятельство, которое он до сих пор если и замечал, то лишь мельком. Однако по какой-то причине сейчас оно явилось ему с такой наглядностью и вещало о себе так назойливо, будто перед ним красовался печатный плакат во всю стену. Он как будто смотрел на большое ярко-желтое рекламное объявление, создатели которого не поскупились ни на какие типографские уловки, чтобы привлечь как можно больше внимания к своему посланию. Этим посланием было само лицо Розы Армиджер, прелестное и трагическое в своей мольбе, отмеченное печатью чувствительности почти жалкой и нежности почти неистовой. На какое-то мгновение мольба эта зазвучала с особенной силой, и в том, что Тони почувствовал, внимая ей, не было ни тупого самодовольства, ни тщеславия. Она породила в нем только чистейшее сострадание. Тони казался сбитым с толку, но не ожесточившимся, и глаза его спутницы загорелись от ощущения, что, наконец, пусть даже из одной только жалости, он

как-то откликнулся на ее призыв. Роза будто давала ему понять, что все время с момента своего нынешнего приезда в Истмид она тщетно ждала хотя бы такого отклика.

— Когда я гостила в Баундсе четыре года тому назад, — сказала она, — вы звали меня по имени, а эту нашу приятельницу, — она указала в сторону, куда ушла Джин, — не звали никак. Теперь вы зовете по имени ее, а меня не зовете никак.

Тони не на шутку задумался над ее словами.

— Разве я не зову вас «мисс Армиджер»?

— Какие могут быть сравнения? — продолжала настаивать Роза. — Вы же сами понимаете: разница просто огромная.

Тони поколебался и двинулся вперед.

— Между вами и Джин?

— О разнице между мной и Джин и говорить нечего. Я имею в виду свое пребывание в Уилверли тогда и сейчас.

Они подошли к чайному столику, и Тони, опустившись в кресло, снял шляпу.

— А как я обращался к вам, когда мы встречались в Лондоне?

Остановившись перед ним, она сложила парасольку.

— Вы даже не помните? Вы никак ко мне не

обращались.

Она принялась наливать ему чай, умело управляясь с замечательными приспособлениями, служившими в хозяйстве миссис Бивер для поддержания температуры.

— А вы хоть раз, случайно, заметили, как я обращаюсь к вам? — спросила она.

Тони, не вставая с места, принял чашку из ее рук.

— Разве не все в целом свете зовут меня не иначе как «Тони»? Это ужасное имя — во всяком случае, для банкира; оно должно было помешать мне строить карьеру. Оно губительно для чувства собственного достоинства. Впрочем, у меня, разумеется, и нет никакого чувства собственного достоинства.

— Думаю, его у вас немного, — ответила Роза. — Но я никогда не встречала человека, который бы так прекрасно без него обходился; и потом, его оказалось достаточно для того, чтобы мисс Мартл считала, что оно у вас имеется.

Тони удивился.

— Называя меня «мистером Бримом»? Я для нее старик, и я обращаюсь к ней так же, как обращался, когда она была еще ребенком. Но, конечно, я признаю, — добавил он, чувствуя смутную

потребность высказаться в примирительном духе, — что она уже совсем не ребенок.

— Она прелестна, — сказала Роза, передавая ему нечто чудовищно холодное и намазанное маслом.

Он взял предложенное и покорно принялся угощаться.

— Очаровательное создание. И так мила с вашей малышкой.

— Да, Джин очень ей предана, не правда ли? И давно питает к ней особые чувства.

Роза помолчала, а потом ответила:

— Конечно! Эту маленькую жизнь нужно оберегать и защищать.

— Да, и она так за нее переживает, что явно сомневается, в безопасности ли девочка даже рядом с папашей, который любит ее без памяти!

Все еще продолжая стоять у столика, за которым он сидел, она снова раскрыла зонтик и посмотрела из-под него на Тони. Глаза их встретились, и он вновь ощутил на себе воздействие чего-то глубинного, острого, сильного — того, что он уже уловил в ее взоре, когда она смотрела на него всего несколько минут тому назад. Это было как бы свечение, упорное, долго не гаснущее, — мощный белый луч, непрерывно вращающийся.

Порой она могла направить его в другую сторону, но он всегда был куда-то устремлен; и сейчас он залил Тони ярким холодным светом, в котором все на мгновение предстало грубым, жестоким, уродливым. У Тони возникло знобкое чувство, что ему предстоят осложнения, о каких он не имел понятия и каких до сих пор не брал в расчет. В его жизни хватало трудностей, но он знал и немало способов, как с ними справляться, — способов ловких, изящных, виртуозных и зачастую весьма приятных. Занервничав, он поднялся на ноги: похоже, как ни пытайся справиться с этой трудностью, приятного будет мало.

# XVIII

Сознавая, насколько важно, чтобы его нервозность осталась незамеченной, Тони поднялся на ноги только для того, чтобы пересесть в другое кресло. Он пропустил мимо ушей вопрос о безопасности Эффи, помня, что перед тем ему был задан другой, по поводу которого еще предстояло объясниться. Вернувшись к предыдущей теме, он заговорил легкомысленно-снисходительным тоном, нарочитость которого была, однако, слишком явной.

— Я с радостью буду звать вас, моя дорогая Роза, так, как вы пожелаете, но, прошу вас, не думайте, будто я непостоянен и вероломен. Прежде я обращался к вам так, как мне казалось наиболее естественным обращаться к столь близкому другу моей жены. Но теперь я думаю о вас скорее как о своем собственном друге.

— И это делает меня гораздо менее близкой вам? — спросила Роза, вращая парасольку.

Тони, чье объяснение было, в сущности, только что наскоро сымпровизировано, пришел в легкое замешательство. Он засмеялся, желая скрыть смущение, но это плохо ему удалось.

— Может показаться, что я произнес какую-то bêtise[2], но это не так. Я лишь хотел сказать, что другое обращение в некотором роде относится к другой роли, которую вы теперь играете.

— Я не сказала бы, что играю теперь другую роль, — возразила Роза. — Разве что играю прежнюю с еще большей отдачей. Прежде я гостила здесь как подруга Джулии, и сейчас я здесь именно потому, что я самый верный ее друг.

Тони искренне задумался, а затем горячо, хоть и несколько нелогично, согласился:

— Ну конечно, вы здесь именно поэтому — с вашей собственной точки зрения. — Он, очевидно, намеревался соглашаться с ней во всем, лишь бы как можно дольше избегать любых столкновений. — Наша милая Джулия! — воскликнул он, но тут же сам вновь почувствовал, до чего ненатурально прозвучали его слова, и, чтобы сгладить впечатление, снова поднялся на ноги.

— Наша милая Джулия! — эхом откликнулась Роза, но говорила она четче и громче Тони, и чувство, с каким она это сказала, в отличие от возгласа Тони, не оставило бы у постороннего слушателя сомнений в том, что речь идет об

---

**[2] Примечания: 2**
Глупость (*фр.*).

умершей, которая все еще жива в любящих ее сердцах.

Тони побрел к гамаку.

— Вы не будете против, если я закурю?

Она выразила свое согласие почти нетерпеливым жестом. Он же, закуривая, продолжил с добродушной веселостью:

— Я не позволю вам сделать вид, будто вы не верите, что я годами мечтал об удовольствии снова видеть вас здесь — и проявил дьявольскую изобретательность, стремясь обставить ваш визит как можно комфортнее для нас обоих. Вы утверждали прежде, что королева-мать вас недолюбливает. Теперь вы сами видите, так ли это!

— В конце концов она сочла меня полезной, — ответила Роза. — И это подводит меня именно к тому, о чем, как я только что сказала, я хотела с вами поговорить.

Тони собрал сеть гамака в один толстый жгут и, не выпуская сигареты изо рта, опустился на него, как на качели. Он казался удивленным и даже слегка обескураженным, как клиент, которого попросили дважды заплатить за одно и то же.

— Так, значит, вы хотели поговорить не о?..

— Не о моем имени? Нет, совсем о другом.

Роза помолчала; она стояла перед ним в той

же позе, что и перед своим предыдущим собеседником.

— Я хотела, чтобы вы знали, что у меня свой интерес в отношении Пола Бивера. И довольно сильный.

— Вот как? — одобрительно откликнулся Тони. — Не худший выбор объекта интереса!

Его веселый тон не подразумевал двусмысленности; но она повторила вслед за Тони так, будто искала в его словах двойное дно.

— Выбор?..

Ее тон представил сказанное им в таком свете, вложил в его слова то значение, какого Тони им не придавал. Эта новая идея показалась ему заманчивой, его лицо засветилось оживлением, и в своей неуемной непоседливости он, проникшись энтузиазмом, уже в третий раз вскочил на ноги. Он улыбнулся как можно доброжелательнее и, не подумав о том, как это прозвучит, выпалил:

— Ведь стоит вам только пожелать, милая Роза!

И тут же увидел, как глаза Розы наполнились слезами, будто он ударил ее по лицу. Шутка оставила дурное послевкусие.

— Вы изволите намекать на то, что мне стоит умыкнуть мистера Бивера? — спросила она.

— Только не у меня, милая моя, — ни в коем случае! — Тони покраснел и отчетливо ощутил, до чего необдуманными бывают иногда его порывы. — Я очень ценю его и не хотел бы с ним расставаться. Но я всегда искренне говорю о нем как о редком сокровище и хотел бы, чтобы в будущем его ждало все самое лучшее. Вернее, в настоящем, — поспешил он добавить со смехом, — ведь если он вам по сердцу, то чего же лучше!

Он смягчил свои слова, но уже проговорился и понимал, что Роза, проявив болезненное упорство, намерена теперь извлечь всю возможную пользу из своей обиды, какой бы показной она ни была. Она быстро постаралась вернуть себе видимость самообладания.

— Значит, вы полагаете, что он человек надежный, серьезный и не так глуп, как кажется на первый взгляд?

— Глуп? Вовсе нет! Он статуя из цельного куска мрамора, дремлющий великан. Деликатная рука пробудит его к жизни, вызволит из камня.

— И вот сейчас, в минуту неожиданного просветления, вы решили, что эта рука — моя?

Тони затянулся сигаретой, храбро улыбаясь Розе сквозь полупрозрачный дым.

— Вы несправедливо судите о том, как я к вам отношусь. Не проходит и дня, чтобы я не вознес хвалу одному из ваших бесчисленных достоинств.

И вновь на лице девушки появилось странное противоречивое выражение — будто она так привыкла к боли, которую ей причиняла скрываемая страсть, что даже во время острых приступов страдания могла оставаться великодушной. Роза кротко и печально покачала головой.

— Бедный Тони! — сказала она и добавила уже другим тоном: — И вас не смущает наша разница в возрасте?

— Между вами и Полом? Тут и говорить не о чем!

— Как это мило с вашей стороны — ему ведь всего двадцать два. Однако мне еще нет тридцати, — продолжала она, — и, конечно, чтобы выиграть время, другая на моем месте могла бы поторопить события.

Она снова нерешительно помолчала и после продолжила:

— Ужасно вульгарно вот так расставлять точки над «i», но поскольку не я, а вы первым заговорили об этом, я бы хотела спросить: вы действительно полагаете, что, если бы кому-то

нужно было приложить немного усилий?..

Тут она замолчала, предлагая ему самому закончить фразу, всю щекотливость которой она явственно ощущала.

Посвященный в отношения этих двоих наблюдатель заметил бы по лицу Тони, что тот насторожился, ожидая ловушки, но после секундного размышления решил, что ему все равно, угодит он в нее или нет.

— Если вы так неравнодушны к Полу, — ответил он все тем же подчеркнуто шутливым тоном, — вы лучше меня можете предсказать последствия промедления в таком деле. Но могу вас уверить: ничто не доставит мне большего удовольствия, чем сознание того, что вы, как говорится, прекрасно «устроены», что вы счастливы в достойном браке и окружены любовью и заботой.

— И все это здесь, у вас на глазах? — воскликнула Роза.

Тони поколебался, но ответил:

— Ведь именно то, что вы будете рядом, «у меня на глазах», позволит мне видеться с вами.

— Это позволит мне видеться с вами, вот в чем будет истинное счастье, — сказала Роза. — Но я принимаю участие в судьбе мистера Бивера

вовсе не с целью самой воспользоваться этой возможностью. Вы и сами понимаете, как в таком случае я была бы далека от мысли говорить об этом с вами. Изъян вашей идиллической картины в том, — тут же пояснила она, — что в ней не хватает важного персонажа.

— Важного персонажа?

— Джин Мартл.

Тони посмотрел на кончик своей сигареты.

— Потому что одно время идея, что она должна составить партию для Пола, породила множество планов и подковерных замыслов?

— «Одно время», Тони, дорогой? — воскликнула Роза. — Эти планы по-прежнему в силе, и даже я — пробыв здесь каких-то три недели — стала принимать в этой кампании непосредственное участие! Неужели вы думали, что все об этом забыли? — спросила она.

Тони встретил эти слова с невозмутимым видом — отчасти потому, что чувствовал, как важно сейчас не терять самообладания.

— Я просто не слышал, чтобы об этом особенно говорили. Миссис Бивер когда-то что-то упоминала. Но в последнее время я ничего не слышал от нее на эту тему.

— Дорогой мой, она говорила об этом не далее

как полчаса тому назад! — возразила Роза.

Тони поморщился, но мужественно вынес этот удар; сигареты придали ему храбрости.

— В самом деле? И что же она вам сказала?

— Мне она ничего не сказала, — она все сказала своему сыну. А именно, что никогда не простит ему, если в течение пары часов не услышит, что для него, как и для мисс Мартл, этот чудесный день не прошел зря и что он преподнес ей ради такого случая некую замечательно красивую вещь.

Тони слушал с подчеркнутым вниманием, но глаз на собеседницу не поднимал. Он снова опустился в гамак, но не лег, а сел, не отрывая ног от земли, и, запрокинув голову, не переставая курил, попеременно держа сигарету то в одной руке, то в другой.

— И что же он должен ей подарить? — спросил он через мгновение.

Роза отвернулась, механически передвигая что-то на столе.

— Вы не думаете, что она сама вам все покажет? — бросила она через плечо.

Глядя на это плечо, от которого вдруг ощутимо повеяло холодом, он ответил:

— Пожалуй — если примет подарок.

Роза снова повернулась к нему лицом.

— А разве она не примет его?

— Только — должен заметить — если примет его предложение.

— А она этого не сделает?

Тони пустил дым колечком.

— Зависит от того, сумеет ли он ее убедить.

— Именно этого, — сказала Роза, — я от вас и жду.

— От меня? — Он пораженно уставился на нее. — Как я могу на это повлиять?

— Не стану говорить вам, как именно, — это я оставлю на откуп вашей изобретательности. Но ведь речь идет об уже существующих отношениях — быть может, о небольшом их развитии? Вы только что видели, как он попросил ее дать ему шанс и как она согласилась этот шанс ему дать. И я хочу вам сказать: я считаю, вам важно понять, что для него нет ничего важнее этого шанса, и я знаю: вы с чистой совестью употребите все свое влияние, чтобы склонить чашу весов на его сторону.

— Мое влияние на молодую леди? Не преувеличиваете ли вы его? — спросил Тони.

— Ответ на этот вопрос мы узнаем, только если вы сделаете попытку. Ведь нельзя сказать, что в этой ситуации ваш долг — не вмешиваться, —

сказала Роза.

Тони сумел выдавить улыбку — по его собственным ощущениям, довольно бледную, но, когда он протестующе и вместе с тем преувеличенно-высокопарно проворчал: «Ах, мой *долг*!..», тон его все еще оставался юмористическим.

— Разумеется; если вы не видите никаких препятствий к тому, чтобы бедная миссис Бивер вкусила, наконец, плодов древа, которое она так долго выращивала с любовью и заботой. Конечно, если вы не видите чего-то такого, чего я не знаю, и откровенно мне об этом не расскажете!.. — Она смотрела доверчиво, но твердо. — Не известно ли вам случаем о чем-то в этом роде?

— Нет, ни о чем подобном мне не известно. Не припомню случая, чтобы плоды трудов миссис Бивер не оказались сладкими.

— Что ж, в данный момент — сладкие они или горькие! — они уже созрели. К этому все шло долгие годы. Вы высоко цените Пола…

Тони подхватил:

— И я высоко ценю Джин, и потому я должен помочь им пожениться? Я вас понял. Но не думали ли вы, что в таком деле — со всеми его щекотливыми моментами — вмешательство постороннего может быть опасным?

— Думала, и немало. — Даже теперь тревога отразилась на лице Розы. — Но еще больше я думала об осторожности и такте, которые этот посторонний может проявить.

Тони помолчал; он встал с гамака и принялся вышагивать по лужайке. Провожая его обеспокоенным взглядом, Роза нетерпеливо спросила:

— Вы и впрямь думали, будто они отказались от этой затеи?

Тони молчал. Но потом резко остановился и спросил так, будто вернулся после долгого отсутствия:

— Будто кто отказался от какой затеи?

— Будто миссис Бивер и Пол отказались от того, о чем мы с вами сейчас говорим, — от идеи женить его на Джин.

Тони замялся.

— Я вообще ничего не думал!

Роза впервые различила в его словах, обращенных к ней, слабую тень раздражения и не сумела скрыть, что сразу почувствовала: это не позволит ей о них забыть. Взгляд, который бросил на нее Тони, говорил о том, что и он понял, какой эффект они на нее произвели. Но он не сделал ничего, чтобы этот эффект сгладить. Он постоял немного, глядя на реку, и тихо заметил:

— А вот и она — на мосту.

Он двинулся к реке, а Роза вернулась к чайному столику, откуда мост не был виден.

— Девочка с ней? — спросила она.

— Не вижу. Может, она ведет ее за руку. — Он снова подошел к Розе и спросил: — Вы считаете, что мне следует поговорить с ней прямо сейчас?

— Прежде чем она увидится с Полом? — Роза подняла на него глаза; на секунду всем ее существом завладело мучительное беспокойство. — Я оставлю это решение за вами — ведь это вы не уверены в том, не опасно ли будет ваше вмешательство. Я полагаюсь в этом на ваше здравомыслие, — сказала Роза. — Я полагаюсь на ваше чувство чести.

— На мое чувство чести? — Тони тряхнул головой, недоумевая: какое, черт возьми, отношение имела ко всему этому его честь?

Роза продолжала говорить, не обращая на него внимания.

— Только я думаю, что, поговорите вы с ней или нет, она примет его предложение. Боже правый, она должна принять его! — воскликнула Роза с чувством.

— Как вас волнует ее ответ! — рассмеялся Тони.

— Поволнуйтесь и вы, и тогда все получится!

Они постояли с минуту, глядя друг на друга, и за это время каждый прочел во взгляде другого больше, чем когда-либо прежде. Но когда Роза вновь заговорила, накал страстей в ее голосе вдруг сменился чарующей мягкостью.

— Тони Брим, я доверяю вам.

Она произнесла эти слова так, что Тони залился краской.

Однако ответил он миролюбивым тоном, вновь засмеявшись:

— Уж я надеюсь, моя дорогая Роза! — И спустя мгновение добавил: — Я с ней поговорю. — Он снова бросил взгляд на петляющую тропинку, которая вела к мосту, но Джин еще не показалась из зелени кустарника, обрамлявшего дорожку. — Если Эффи с ней, вы заберете малышку?

На лице Розы появилось недоброе выражение; по некотором размышлении она заявила:

— Боюсь, я не могу этого сделать.

Тони не скрыл раздражения.

— Боже правый, вы бежите от бедного ребенка как от огня!

В этот момент на тропинке показалась Джин; Эффи с ней не было.

— Я никогда не заберу ее у нее!

И Роза Армиджер отвернулась.

# XIX

Тони пошел навстречу своей вестнице, которая, заметив, как Роза покидает сад, торопливо окликнула ее.

— Мисс Армиджер, не будете ли вы так любезны сходить за Эффи? Она была не готова, — объяснила она, поднимаясь по склону вместе с Тони, — и я не стала дожидаться, потому что обещала Полу встретиться с ним.

— А его, как видите, здесь нет, — заметил Тони, — это он так некрасиво заставляет вас ждать. Но ничего страшного; вы подождете со мной. — Он посмотрел на Розу, когда они поравнялись с ней. — А вы сходите и приведете ребенка, как наша Джин просит, или такой поступок тоже, и даже больше, чем прочие, идет вразрез с вашими загадочными принципами?

— Вы должны извинить меня, — обратилась Роза напрямую к Джин. — Мне необходимо написать письмо. Сейчас или никогда: мне нужно успеть отправить его со следующей почтой.

— В таком случае не смеем вас задерживать, — откликнулся Тони. — Я сам схожу, как только вернется Пол.

— Я тотчас же отправлю его к вам.

И Роза Армиджер чинно удалилась.

Тони проводил ее взглядом и воскликнул:

— Ей-богу, она как будто сама себе не доверяет!..

Он оборвал свою фразу щелчком пальцев, и Джин удивленно переспросила:

— Не доверяет в чем?

Тони замялся.

— Да так, ни в чем! Малышка в порядке?

— В полном. Но великая и ужасная Горэм постановила, что сначала ей надлежит съесть свой обычный полдник, и Эффи в огромном слюнявчике поверх всех своих лент и оборок только приступила к этой чрезвычайно торжественной трапезе.

Тони не сдержал удивления.

— Почему ей было не съесть свой полдник тут?

— Этот вопрос вам стоит задать великой и ужасной Горэм!

— А вы сами ее не спросили?

— Я поступила умнее: я угадала ответ, — сказала Джин. — Она не доверяет нашей кухне.

Тони рассмеялся.

— Она опасается ядов?

— Она опасается «конфет и пирожных».

— «И сластей всевозможных»? Да, здесь и впрямь довольно всевозможных сластей! Что ж, предоставьте тогда бедную малышку — вы ведь все делаете из нее маленькую принцессу — ее кухарке и «дегустатору», как того требует строгий королевский протокол, и погуляйте со мной, пока Пол не придет за вами. — Тони взглянул на часы и окинул взором раскинувшийся перед ними сад, где неподвижно темнели тени деревьев и долгий летний день наливался зноем. — Здесь так спокойно, а у нас еще полно времени.

Джин согласилась так тихо, что ее шепот был похож на дуновение ветерка.

— Полным-полно. — В ее словах звучала такая умиротворенность, будто в этот чудный день само время остановилось, чтобы угодить Тони Бриму.

Тони и Джин прошли несколько шагов, но он снова остановился, чтобы задать ей вопрос:

— Вам известно, чего Пол хочет от вас?

Джин на мгновение опустила глаза на траву у себя под ногами.

— Думаю, да. — Она без стеснения, с неожиданной серьезностью посмотрела на него. — А вам, мистер Брим, это известно? — спросила она.

— Да, мне только что об этом поведали.

— Мисс Армиджер?

— Мисс Армиджер. А ей, судя по всему, сказал об этом сам Пол.

Девушка не скрыла легкого недоумения.

— Почему он сказал ей?

Тони замялся.

— Потому что она так располагает к себе, что с ней хочется делиться сокровенным.

— С ней хочется делиться сокровенным, потому что она тут же делится этим с кем-то еще? — спросила Джин, слабо улыбнувшись.

От этой слабой улыбки у Тони защемило сердце; даже после четырех лет знакомства он так и не смог к ней привыкнуть — каждый раз щемило, как впервые. Они познакомились одним незабываемым днем, и началось с того, что, не успел он открыть глаза и увидеть ее, как ему сразу страшно захотелось забыть, в каком положении находился он при этой первой встрече, а именно лежа на софе у себя в холле. Судя по тому, как он иной раз глядел на нее, он до сих пор все никак не мог на нее насмотреться, до конца ее разглядеть: процесс постепенного завороженного узнавания пока так и не уступил места уверенному знанию и привычке. А привыкнуть к объекту своего изучения он не мог

потому, что сам объект этот постоянно менялся. Тони и по сей день порой казалось, что он все еще лежит на той софе, ибо он боялся резким движением прервать метаморфозы, происходившие в предмете его наблюдений, нарушить непредсказуемое чередование, в ходе которого то в ребенке вдруг проступала женщина, то во взрослой женщине проглядывал сущий ребенок. Эти метаморфозы не имели ни начала, ни конца, и наблюдать за ними можно было с неустанным любопытством. Пугливый ребенок становился высокой стройной нимфой, будто плывущей на облаке, но уловить явственный момент этого преображения никак не получалось. Будь это возможно, он бы ответил на него каким-нибудь своим соответствующим превращением, хотя и тешил себя приятной надеждой — до сих пор ничем не омраченной, — что, будучи свидетелем этих занятнейших в своей текучести перемен, он как раз волен не меняться, оставаться прежним и продолжать испытывать к ней банальную и вполне невинную симпатию. Ему казалось, что ни к кому из тех, кто прежде ему нравился, он не испытывал таких приятных, необременительных чувств — а у мужчины его возраста не раз и не два бывали, как он их небрежно именовал,

«заурядные» вспышки любовной лихорадки. Его не волновало, какое пламя может разгореться от этой конкретной искры; он никогда не задавался вопросом, к чему может привести его симпатия к мисс Мартл. Она не могла привести ни к чему — так было предрешено. В силу удачного стечения обстоятельств возникло удобное положение, которое позволяло удерживать все в рамках, делало их близкие отношения приемлемыми и публичными, так что их можно было не прятать за закрытыми дверями, не делать из них тайны — положение это ограничивало их арену, если можно так выразиться, преддверием храма дружбы, которое открыто ветрам и залито солнцем, и запрещало даже мечтать о том, чтобы проникнуть в его сумрачное и тесное нутро. Тони сурово говорил себе, что достичь какой-то цели можно, только если к ней проложен реальный путь. Он и сейчас помнил так, будто это случилось вчера, о жестокой просьбе — столь странной и удручающей, но вместе с тем трогательной, — одним махом отрезавшей ему все пути и превратившей его жизнь в тупик, что, не ищи он для нее скорее философской, чем сатирической аналогии, он сравнил бы ее с пустыней. Он ответил на вопрос своей спутницы о надежности Розы как доверен-

ного лица, успокоив себя тем, что эта ее особенная улыбка — всего лишь еще одно свидетельство ее превосходного природного чутья. И это чутье, благодаря которому разговор с нею никогда не становился пошлым и поверхностным, подсказывало ей, что сейчас вернее всего будет занять среднюю позицию между обеспокоенностью и смирением.

— Если бы мисс Армиджер не сказала мне, — заметил он, — я бы ничего и не узнал. А знать о таком деле мне, конечно, хотелось бы.

— Но почему мисс Армиджер хотела, чтобы вы об этом знали? — спросила Джин.

Тони снова двинулся вперед.

— У нее были на то причины. Одна из них — ее симпатия к Полу, которая и побуждает ее желать ему наивысшего возможного счастья. Она подумала, что, поскольку и я питаю симпатию к одной юной леди, то, вполне естественно, должен желать ей того же и что, намекнув ей о такой возможности, — рассмеялся Тони, — я, быть может, смогу заодно замолвить словечко за этого славного юношу, чтобы облегчить ему задачу.

Джин шла рядом с ним, задумчиво глядя перед собой.

— А откуда она знает, к кому вы «питаете сим-

патию»? — спросила она.

Этот вопрос заставил его замедлить шаг, но он подавил не утихавшее в нем желание вновь остановиться и встать с Джин лицом к лицу. Он снова рассмеялся, а затем ответил:

— Должно быть, я рассказал ей об этом.

— А кому еще она об этом расскажет?

— Это меня не волнует, — ответил Тони, — и вас, на мой взгляд, не должно волновать тоже. Все, кроме нее, — просто потому, что мы все время у них на глазах, — и так знают, что мы с вами добрые друзья, и как раз потому, что нашей чудесной дружбе уже не первый год, мне кажется, я могу откровенно сказать вам, что думаю.

— О том, что Пол хочет мне сказать?

— Как только вы предоставите ему такую возможность.

Тони собирался продолжить, но Джин его перебила:

— И давно ли вы об этом думаете?

Вызов в ее голосе заставил его несколько смутиться.

— Как давно?

— Ведь вы узнали, что что-то готовится, только тогда, когда мисс Армиджер просветила вас.

Эти расспросы так озадачили Тони, что он сна-

чала посмеялся над словами Джин, а потом задал ей встречный вопрос.

— Вы заставляете меня чувствовать себя таким глупцом! Но, если позволите, я спрошу: как давно вы сами узнали, что то, что прежде витало в воздухе, должно скоро воплотиться в жизнь?

— В тот момент, когда Пол заговорил со мной.

— Только что? Перед тем, как вы отправились в Баундс? — удивился Тони. — И вы тут же догадались, о чем именно он хочет говорить?

— Чего еще он может хотеть от меня? У него не так много желаний, чтобы можно было теряться в догадках, — ответила Джин.

— Смотря что для вас «много»! — снова поразился Тони. — И это оставляет вас такой равнодушной?..

— Какой я кажусь вам сейчас? — спросила Джин. — Вы считаете меня бессердечной?

— Нет, ведь я знаю, что в большинстве случаев то, что написано у вас на лице, — далеко не все, что вы чувствуете. Вы та еще загадка. И все же, — мягко продолжил Тони, — вы кажетесь мне сейчас слишком уж спокойной — слишком невозмутимой — для юной леди, судьба которой вот-вот должна решиться. Конечно, — добавил он, — если только вы не считали свою судьбу

решенной задолго до этого.

Они уже довольно далеко зашли в выбранном ими направлении и должны были остановиться, чтобы повернуть назад. Не обращая внимания на его последние слова, Джин стояла перед Тони и, как ему показалось, была втайне рада тому, что ее намеренное спокойствие не осталось им незамеченным.

— Вы не ответили на мой вопрос, — заметила она. — Вы так и не сказали мне, давно ли вам пришло в голову, что вы должны сказать мне то, о чем собираетесь сейчас сообщить.

— Почему вам так важно, чтобы я ответил на этот вопрос?

— Только потому, что, судя по вашим словам, время, на протяжении которого вы вынашивали эту идею, было весьма и весьма непродолжительным. В случае совета, если вы, конечно, действительно хотите именно посоветовать что-то…

— Я действительно хочу именно этого, — перебил ее Тони. — Каким бы странным ни казалось вам, что в подобном вопросе кто-то решается взять на себя такую ответственность. Время не имеет значения — только искренность. Признаюсь, я находился под впечатлением, что

перспектива, с которой, как я полагал, вы давно сжились, — как бы это сказать? — с какого-то момента отошла на задний план. — Тони взмахом руки пригласил Джин продолжить прогулку. — Но я все же надеялся, что однажды ко всеобщему удовольствию об этом снова зайдет речь.

Джин шла рядом и говорила с ним неизменно ровным благожелательным тоном, в котором не чувствовалось стремления загнать его в угол или допросить с пристрастием, но виден был лишь вдумчивый интерес ко всему, о чем шла речь и что Тони, как она надеялась, откровенно ей расскажет, и ее искреннее желание добиться во всем этом полной ясности. В том, как она говорила, можно было уловить даже явный оттенок уверенности, что он скажет ей чистую правду и ничего не утаит.

— Понятно. Вы надеялись, что об этом ко всеобщему удовольствию снова зайдет речь.

— Так что теперь, когда я узнал, что об этом и впрямь зашла речь, сами видите, — рассмеялся Тони, — меня так переполняет радостное волнение, что я не могу держать это в себе. Я хочу без промедления поведать вам о том, какого высокого мнения я о нашем дорогом Поле. Это точно не повредит, а, может быть, даже немного поспо-

собствует его успеху, если я скажу, что мне всегда казалось: нам нужно только дать ему немного времени. Вы, разумеется, понимаете: я имею в виду, — добавил он, — чтобы он мог в полной мере проявить себя.

Джин помолчала немного, будто тщательно обдумывала его слова.

— Проявить себя в чем? — спросила она с прежней безмятежностью.

— Да во всем, — не поскупился Тони. — У него масса достоинств — их даже слишком много, чтобы можно было разглядеть всё и сразу. Вы, конечно, знаете, каков он, вы же знакомы с ним полжизни! Но я вижу его в особом, ярком свете, в том свете, в котором он едва ли представал перед вами и который действительно позволяет разглядеть его во всех подробностях. У него есть способности, есть мысли; он абсолютно честен, и вы всегда найдете в нем надежную опору. Он человек и ума, и сердца. Одним словом, он чистый бриллиант.

— Чистый бриллиант, — слово в слово повторила Джин, но так, будто гораздо важнее было, каково по этому поводу мнение Тони, а каково ее собственное мнение — уже не столь важно. — Было бы странно, — добавила она, — говорить с

вами на столь личную для меня тему, если бы я не чувствовала, что намерения Пола в течение столь долгого времени воспринимались всеми как нечто само собой разумеющееся. Я думаю, он тоже это чувствовал, бедный, и, к счастью или к несчастью, эта наша ситуация почти ни для кого не была тайной и даже, пожалуй, нескромно выставлялась напоказ.

— Да и к чему ложная скромность, когда и в непритворной не было никакой необходимости? Вы и Пол — прекрасная пара; он — законный наследник, вы — самая достойная принцесса в Готском альманахе. Вам нельзя прятаться за оконной портьерой — вы должны выйти на балкон на всеобщее обозрение. Ваши личные дела — дела государственной важности. И одной-единственной причины из тех, что я только что назвал, довольно, чтобы даже такой старый остолоп, как я, понял, почему намерения Пола именно таковы. Но я хотел поговорить немного о другом. Я подумал, что вы, может быть, позволите мне коснуться ваших собственных намерений. — Тони поколебался; что-то в том безмолвии, которое она упорно хранила, хотя и шла с ним все время бок о бок, говорило о пристальном внимании и напряженном ожидании, с какими она внимала

его словам, и заставляло его чувствовать себя не в своей тарелке. Ему показалось, что его просьба была ею ожидаема, и он задумался. Он снова резко остановился и с беспокойством спросил: — Могу я выкурить еще одну? — Она согласилась, одарив его еще одной слабой улыбкой, и, раскуривая сигарету, он все отчетливее понимал, что она ждет дальнейших его слов. Он встретил ее взгляд, светившийся неизбывной добротой, и уже не в первый раз подумал, что, хоть она и была всегда прекрасна, но прекрасна в разное время по-разному. Что же делало ее прекрасной в его глазах сейчас, как не это утонченное терпеливое ожидание — она, казалось, даже затаила дыхание? — На самом деле, — сказал он, выбросив спичку, — я уже говорил об этом. Я имею в виду, мы все очень надеемся, что вы найдете возможным ответить вашему другу так, как он того заслуживает.

— Вы «все» надеетесь? — мягко спросила Джин.

Тони снова замялся.

— Я убежден, что могу говорить об этом от лица всего Уилверли. Все в городке желают Полу счастья, и не мне напоминать вам о том, что все там без ума от вас. Но, повторюсь, я более всего хотел выразить свою твердую уверенность в том,

что вы примете верное решение. Теперь, когда мне обо всем известно, одна мысль, что вы, мой дорогой друг, сможете остаться рядом со мной и жить по соседству, — тут Тони решительно улыбнулся, — заставляет меня чувствовать приятное нетерпение. Я хочу быть уверен в вас!

Джин выслушала это так же, как остальное, и просто ответила:

— В таком случае, я думаю, мне стоит сообщить вам, что я не собираюсь отвечать Полу в согласии с предположениями, которыми вы так любезно со мной поделились.

Тони произносил немало речей как на публику, так и в тесном кругу, и ему, разумеется, приходилось слышать немало весьма и весьма резких отповедей. Но ни один поворот беседы прежде не ошеломлял его так, как это краткое и миролюбивое заявление.

— Вы не ответите ему согласием?..

— Я никогда не выйду за него замуж.

Тони так и ахнул.

— Несмотря на все доводы?..

— Разумеется, я все обдумала, не раз и не два. Но есть и доводы в пользу другого решения. Я никогда за него не выйду, — повторила она.

## XX

Странно, что, хотя еще полчаса тому назад Тони не чувствовал никакой нужды в заверениях, которых только что просил у Джин, тем не менее сейчас, когда ему в них было окончательно и бесповоротно отказано, заверения эти вдруг приобрели значимость — так же внезапно, как в зеркале появляется отражение.

— Даже зная, что этим вы, — он чуть-чуть помедлил, — всех разочаруете?

— Я знаю, кого разочарую; но придется это пережить. Я разочарую кузину Кейт.

— Чудовищно разочаруете, — сказал Тони.

— Да, чудовищно.

— И бедного Пола. Вы разобьете ему сердце.

— Вот уж нет, мистер Брим; бедный Пол нисколько не будет разочарован, — сказала Джин. В ее тоне не было слышно ни намека на вызов, ни тени бравады, только правдивость и ясность — раз уж пришлось говорить начистоту. — Я точно знаю. С бедным Полом все будет в порядке, — заявила она с улыбкой.

Он слышал в ее голосе и видел в ее взгляде такую беззаветную искренность, что возражать

ей было бы страшной пошлостью. Он попытался прибегнуть к другим аргументам — хотя и сознавал, насколько неуклюже будет выглядеть эта попытка.

— Вы страшно разочаруете и своих домашних.

— Да, и мама, и бабушка хотели бы этого для меня. Но я никогда ничего им не обещала.

Тони помолчал.

— А миссис Бивер? Как насчет нее?

— Обещала ли я ей? Никогда. Я знала, как сильно она этого хочет. Но и только.

— Но ведь это уже так много, — возразил Тони. — Зная, как она хочет этого, вы возвращались снова и снова, разве это не равноценно обещанию?

Джин подумала.

— Больше я не вернусь.

— Ах, милое дитя, зачем же вы так поступаете с нами?! — воскликнул ее друг.

Не обратив внимания на его возглас, Джин продолжала:

— Много месяцев назад — когда я была здесь в прошлый раз — меня попросили о гарантии — в некотором роде. Но даже тогда я воздержалась.

— И все это время ваши намерения были неизменны?

Он потребовал у нее ответа необычайно серьезным, чуть ли не суровым тоном, но она откликнулась мгновенно, с какой-то даже трогательной готовностью.

— У меня не было никаких намерений. Я хотела только подождать, чтобы все продумать, все прочувствовать, все взвесить. Мне казалось важным убедиться, что я не была к Полу несправедлива. И я не была: я отдавала ему должное тогда — и отдаю теперь. Он никогда не скажет, что я была несправедлива к нему; я в этом уверена. Я должна радоваться возможности стать его женой. Но я не могу.

— И все же вы давали надежду, — сказал Тони. — Не кажется ли вам, что стоит еще раз серьезно подумать? — Смущение и острый, как приступ физической боли, шок от столь неожиданного оборота событий так его ошеломили, что он забылся и перестал скрывать свои чувства; он продолжал говорить, даже когда по ее глазам стало понятно, что чувства эти были теперь перед ней как на ладони. — Если вы изначально не собирались этого не делать, следовательно, вы имели в виду нечто прямо противоположное. Значит, что-то заставило вас перемениться.

Джин помедлила.

— Все заставило меня перемениться.

— Что ж, — сказал Тони с улыбкой до того натянутой, что ему самому она казалась почти жалкой, — мы поговорили о том, каким разочарованием это станет для всех остальных, и, я полагаю, будет уже излишне пытаться говорить о том, каким разочарованием это будет лично для меня. Это уж, во всяком случае, не может иметь для вас большого значения.

Джин снова помедлила; Тони заметил, как сильно она побледнела.

— Правильно ли я понимаю: вы хотите сказать, что и в самом деле желаете, чтобы я вышла замуж?

Если бы откровение о том, до чего ему это желательно, еще не снизошло на него, глубокая тайна ее красоты в сей критический момент дала бы свершиться озарению: любование ею настолько его захватило, что он не нашелся с ответом, пока она снова не заговорила.

— Правильно ли я понимаю, что вы буквально просите меня об этом?

— Я прошу вас — я прошу вас об этом, — сказал Тони Брим.

Они стояли, глядя друг на друга так, будто шли по замерзшему озеру и вдруг услышали, как

громко затрещал лед.

— И почему вы делаете это?

— Я скажу вам, почему делаю это, если вы скажете мне, почему вы переменились.

— Я не менялась, — сказала Джин.

Казалось, они оба не в силах оторвать глаз друг от друга. Именно так он очень давно смотрел в глаза другой женщины, но в этот миг он думал о том, до чего не похожи глаза Джин на те, что остались в прошлом. Он покачал головой; его переполняли печаль и нежность, и он чувствовал, что в первый и последний раз может позволить себе не скрывать ни то, ни другое.

— Вы изменились… Вы изменились.

Она сдалась.

— Неужели вы не предпочли бы, чтобы я больше не возвращалась?

— Я предпочел бы. Но вы вернетесь, — сказал Тони.

Она наконец отвела от него взор — окинула глазами место, где до сих пор имела дело лишь с дозволенными эмоциями, которые не было нужды таить, и снова сдалась перед лицом опасной правды.

— Так вы считаете, что мне лучше вернуться — и чтобы я была совсем иной?

Его нежность выплеснулась в улыбке.

— Совсем иной — иной, насколько возможно. Ведь тогда и все остальное изменится, — добавил он.

Отвернувшись, она, казалось, усиленно раздумывала над тем, сколько — и чего именно — в таком случае вмещает в себя это «всё». Но вслух сказала только:

— А вот и он.

Вдали показался Пол Бивер, разодетый в пух и прах: уже издали весь его наряд, от галстука до ботинок, вопил о том, каким торжественным счел он этот случай. Разряженная, несомненно, как никогда прежде, его крупная, но лишенная хотя бы одной выразительной черты фигура важно плыла по лужайке.

— Так выходите же за него, выходите! — сказал Тони Брим.

Джин, крайне серьезная, но не дающая воли волнению, снова окинула его взглядом — настолько безмятежным, что, отвернувшись от нее при приближении Пола, Тони был уверен, что уходит, добившись ее согласия с предложенным им решением. Ее лицо светилось теперь откровенным сочувствием, адресованным ему, Тони, и чем еще могло быть это сочувствие, как не за-

логом уступки, обещания? Поэтому он спустился к реке торопливым радостным шагом; и радость его была тем полнее, что он шел не оборачиваясь и не мог видеть во взгляде, которым Джин его проводила, трагического осознания, вспыхнувшего по его вине; глядя на его так хорошо ей знакомую летящую походку с ее бодрым ритмом, она поняла, что он действительно надеется, будто его мнимая исповедь будет более чем щедро вознаграждена исполнением его просьбы.

Пол Бивер держал в руке маленький сафьяновый футляр, но и его глаза провожали прямую раскачивающуюся на ходу спину Тони, пока та не скрылась из виду.

— Из-за меня ему пришлось уйти, — сказал он.

— Да уж и пора, — возразила Джин. — Эффи была еще не готова, когда я хотела забрать ее, но теперь ей уж надо наконец появиться. — А затем, даже не пытаясь сделать непонимающий вид, посмотрела прямо на маленький футляр в руках Пола.

Заметив направление ее взгляда, он тоже опустил глаза на футляр, не переставая вертеть его в руках и явно стараясь понять, как лучше его презентовать — открытым или закрытым.

— Надеюсь, вы не отнесетесь так же равно-

душно, как, наверное, отнеслась бы Эффи, к той симпатичной безделице, которую мне захотелось преподнести вам в честь дня рождения. — Он решил открыть футляр и с поднятой крышкой протянул его ей. — Мне доставит большое удовольствие, если вы великодушно примете это скромное украшение.

Джин взяла его в руки и с минуту изучала.

— О, Пол, милый Пол! — Ее протест был нежен, как ласка тыльной стороной руки.

— Я подумал, что камень должен понравиться вам, — сказал он.

— Безупречный, редкий, — он великолепен.

— Да, мисс Армиджер сказала мне, что вы оцените. — В тоне Пола проскользнул намек на то, что томившее его до сих пор напряжение теперь слегка спало.

Все еще держа в руках футляр, собеседница Пола подняла на него глаза.

— Она сама любезно выбрала его?

Он замешкался, слегка покраснев.

— Нет; выбирали мы с маменькой. Ездили за ним в Лондон, где по нашему заказу изготавливали оправу. Ушло два месяца. Но я показал его мисс Армиджер, и она сказала, что, будь там какой-то изъян, вы бы его заметили.

— Вы хотите сказать, — сказала девушка с улыбкой, — что, если бы она за это не поручилась, вы попытались бы подарить мне что-то менее совершенное?

Пол ответил с предельной серьезностью.

— Вы ведь прекрасно знаете, что я хочу сказать.

Так и не взглянув больше на содержимое футляра, она мягко закрыла его и сжала в руке.

— Да, Пол, я прекрасно знаю, что вы хотите сказать. — Она оглянулась, а затем, будто их отношения вдруг стали еще более близкими и душевными, сказала: — Идите сюда, сядьте рядом со мной. — Она повела его к садовой скамье в некотором отдалении от чайного столика миссис Бивер — старой зеленой деревянной скамье, стоявшей там круглый год. — Если мисс Армиджер знает, что я разбираюсь в таких вещах, — на ходу говорила она, — это, я думаю, потому, что она знает все и обо всех — кроме, пожалуй, одного. Одного человека, которого я знаю лучше, чем она. — Джин опустилась на скамейку, подняла глаза на Пола и жестом, полным дружеского доверия, протянула ему руку. Пол позволил взять себя за руку, и так, рука в руке, они постояли с минуту. — Я знаю вас. — Она потянула его вниз,

приглашая садиться, и он выпустил ее ладонь. Теперь Джин нервно и крепко сжимала футляр уже обеими ладонями. — Я не могу принять ваш подарок. Это невозможно, — сказала она.

Он сидел, наклонившись вперед и положив на колени свои большие красные руки, сжатые в кулаки.

— Даже в честь вашего дня рождения?

— Он слишком прекрасен для этого, слишком роскошен. И как я могу принять его в честь дня рождения, если вы дарите его не поэтому? Как я могу принять такое сокровище, не отдав вам ничего взамен? Это ведь не просто украшение, и я не имею права вводить вас в заблуждение, позволяя думать, будто я принимаю вместе с ним и все то, что оно символизирует. Я не имею права изображать неведение, я должна сделать шаг вам навстречу. Я очень хочу это сделать, чтобы не испортить наши отношения и ничем их не омрачить. И мы можем, можем оставить их прекрасными и безоблачными. Нам только нужно быть откровенными. Они и сейчас прекрасны: об этом говорит мне то, как по-доброму вы меня слушаете. Если бы вы не выразили желания поговорить со мной, я бы сама попросила вас об этом. Полгода тому назад я обещала вам, что дам ответ,

и я знаю, что время пришло.

— Время пришло, но не отвечайте, пока не дадите мне сказать, — попросил Пол. Он слушал Джин, не глядя на нее, его маленькие глазки впились в некий отдаленный видимый им предмет и упорно его не покидали. — Я так хочу угодить вам, предстать перед вами в наилучшем свете. Вы же знаете: нет ничего такого, о чем вы могли бы попросить, на что я заведомо не был бы готов пойти. И если есть что-то еще, что в моих силах вам предложить, пожалуйста, считайте, что я уже вам это предлагаю от всего сердца. Вы всё знаете, всё понимаете; но я еще раз хотел бы сказать, что все, что у меня есть, все, что я когда-либо буду иметь и чего смогу добиться…

Она опустила ладонь на его руку, будто желая поддержать его, а не остановить.

— Пол, Пол, — вы так прекрасны! — Она произнесла это со всей возможной деликатностью, но он покраснел и упорно отворачивал от нее свое большое лицо, будто понимая, что показывать его после таких слов не стоило. — Так добры и великодушны! — продолжала Джин, теперь уже с дрожью в голосе, которая заставила его обернуться.

— Это те комплименты, которыми я хотел осы-

пать вас, — сказал он.

И он так привык к тому, что в любом разговоре его собеседница могла неожиданно рассмеяться, что с обычным благодушием оставил без внимания даже то, как развеселили ее эти слова.

Она улыбнулась и похлопала его по руке.

— Вы наговорили мне много куда более приятных вещей. Я хочу, — о, как я хочу! — чтобы вы были счастливы и преуспевали! — И ее смех, оборвавшийся почти незаметным всхлипом, вдруг превратился в слезы.

Она вернула себе самообладание, но и его глаза теперь тоже увлажнились.

— Ах, это уже не имеет никакого значения! Я так понимаю, что вы никогда-никогда за меня?..

— Никогда-никогда.

Пол глубоко вздохнул.

— А вы знаете, все были уверены: вы согласитесь!

— Конечно знала, и потому я рада, что мы поговорили. Это стоило сделать раньше. И вы, вероятно, думали, что я соглашусь…

— О да! — простодушно перебил ее Пол.

Джин снова рассмеялась, утирая слезы.

— Вот почему я говорю, что вы прекрасны. Вы пытались оправдать мои возможные ожидания.

— О да! — снова сказал он.

— И пытались сделать это как настоящий джентльмен. Я могла бы… но это уже не имеет значения. Вы всю свою жизнь поставили на кон. Вы были великолепны. — Джин поднялась. — И теперь, чтобы все было безупречно, вы должны взять эту вещь назад.

Она вложила сафьяновый футляр в его безвольную руку, и он сидел, опустив глаза и механически вертя его в руках. Задумавшись, он безотчетно подбросил его и снова поймал. Затем тоже встал со скамьи.

— Они страшно на нас ополчатся.

— На «нас»? На меня — конечно. Но почему на вас?

— За то, что не сумел тронуть ваши чувства.

— Я была необычайно тронута. Пусть никто не посмеет при мне вас упрекнуть!

— Это уже не имеет никакого значения, — повторил Пол.

— Ничто не имеет значения, если все между нами останется по-прежнему. Наша дружба крепка как никогда. И мы счастливы! — торжествующе воскликнула Джин.

Он посмотрел на нее с глубокой тоской, со смиренной завистью.

— Вы счастливы!

А потом перевел взгляд туда, куда уже смотрела она, и увидел, как по склону поднимается Тони Брим, держа за руку свою маленькую дочь. Джин тут же пошла им навстречу, чтобы поприветствовать девочку, а Пол с мрачным лицом отвернулся, еще раз машинально подбросив футляр с отвергнутым ею подношением.

# XXI

Однако, обратив лицо к дому, он увидел, что его мать уже стоит у чайного столика и с негодованием рассматривает маленький предмет в руках сына. С футляра пристальный взгляд миссис Бивер перешел и на самого Пола, который чувствовал себя тем более неловко, что не сознавал, насколько успешно его лицо скрывает от матери истину. Потому он испытал мгновенное облегчение, стоило ей, отвлекшись от него, сосредоточить внимание на Джин Мартл, с которой обосновавшийся на лужайке Тони так же откровенно не спускал глаз. Сама Джин уже знакомила Эффи с сокровищами, разложенными в тени чайного столика. Сильными молодыми руками Джин подхватила девочку, и та сидела теперь у нее на предплечье — крепенькая, сияющая, вся в рюшах и ленточках — и сжимала в объятиях самую большую куклу. Вот такая — прямая, оживленная, смеющаяся, одной рукой прижимающая розовощекую ношу, чье сиянье сливалось с сияньем короны ее собственных волос, а другой рукой, к пущей радости Эффи, достающая из груды игрушек вторую куклу, точное подобие девочки,

только еще румяней оригинала, — Джин готова была сию минуту ответить на вызов, который, судя по тому, что видел Пол, собиралась бросить ей миссис Бивер.

— А наш чудный торт разве сюда не принесут?

— Он слишком большой, — сказала миссис Бивер. — Остался красоваться в столовой.

Джин Мартл повернулась к Тони.

— Можно я схожу с ней туда — покажу ей торт?

Тони согласился:

— Только, прошу, не забудьте, что есть его Эффи нельзя.

Джин улыбнулась в ответ:

— Я съем ее долю! — И быстро пересекла лужайку.

Три пары глаз смотрели ей вслед.

— Она, — сказал Тони, — похожа на богиню Диану, играющую с малышкой-нимфой.

Миссис Бивер вновь обратилась к сыну.

— Такие замечания пристало отпускать тебе! Почему ты не пошел вместе с ней?

Пол не ответил; вид у него был рассеянный.

— Я пойду в дом.

— В столовую?

Пол замялся.

— Хочу поговорить с мисс Армиджер.

Его мать перевела взгляд — столь же острый, сколь боязливый — на сафьяновый футляр.

— Чтобы она еще подержала его у себя?

Пол ответил запальчиво:

— Она может оставить его у себя насовсем!

Пока его мать и Тони переглядывались в недоумении, Пол еще раз подбросил футляр в воздух и двинулся следом за Джин.

Миссис Бивер, покрасневшая и обескураженная, вскричала, глядя на Тони:

— Боже правый, она ему отказала!

Тони, казалось, был не менее встревожен.

— Но, помилуйте, почему вы так решили?

— Потому что подарок остался у него, а такую драгоценность любая девушка с руками оторвет! Я вернулась, чтобы услышать, что все улажено…

— Но вы же не услышали и обратного!

— Мне достаточно того, что я увидела. По ним обоим сразу ясно, что она отказала! Если она не приняла подарок, — воскликнула миссис Бивер, — как она может принять дарящего?

Несколько мгновений Тони, судя по его виду, задавался тем же вопросом.

— Но она ведь определенно пообещала мне, что примет!

Его соседка поразилась еще сильнее.

— Пообещала вам?..

Тони замялся.

— Я хочу сказать, что, судя по ее реакции, мне казалось, я ее убедил… Джин была так добра, что со всем вниманием выслушала то, что я хотел ей сказать.

— И что же, позвольте узнать, вы хотели ей сказать? — сухо спросила миссис Бивер.

Смущенный строгостью ее голоса, Тони почувствовал вдруг, что растерялся, и на минуту задумался.

— Ну… всё. Я взял на себя смелость просить за Пола.

Миссис Бивер смотрела на него не моргая.

— Как мило с вашей стороны! И почему же вы решили, что имеете право вмешиваться?

— Как же, ведь я бы очень хотел, чтобы она приняла предложение Пола, и решил, что это дает мне право.

— Вы бы очень хотели, чтобы она приняла предложение Пола? Впервые об этом слышу.

Тони снова помедлил.

— Разве мы с вами не говорили об этом?

— Не припоминаю. И с каких это пор у вас такое желание? — напирала миссис Бивер.

— С момента, когда я осознал, как сильно надеется Пол, что его предложение будет принято.

— «Как сильно надеется»? — саркастическим тоном повторила хозяйка Истмида. — Не так уж сильно он надеялся, чтобы вам стоило так стараться свести эти надежды на нет!

В деланой улыбке, с которой Тони встречал один за другим язвительные вопросы миссис Бивер, читалось ясное понимание, что его приятельница переживает крушение надежд. Однако в лице его сквозь маску любезности проступала и тревога — не лучшее чувство при свойственной ему вспыльчивости. Внезапно его лицо стало совсем безжизненным, как у очень раздраженного человека.

— Откуда я мог знать, что таким образом уменьшаю его шансы?

Теперь замялась миссис Бивер.

— Чтобы ответить на этот вопрос, мне нужно было присутствовать при вашем разговоре.

В глазах Тони вспыхнули огоньки.

— Ваш ответ, кажется мне, предполагает весомое обвинение в вероломстве. Вы хотите сказать, что я исходил не из лучших побуждений?

— Ни в коем случае, хотя я и крайне расстроена. Я хочу сказать, что вы совершили грубую

ошибку.

Тони пожал плечами. Не вынимая рук из карманов, он принялся беспокойно бродить по лужайке, и в памяти миссис Бивер возникла эта же встревоженная фигура, вот так же, с руками в карманах, мерившая шагами зал другого дома в день смерти бедной Джулии.

— Но что же мне в таком случае, черт побери, надо было делать?

— Вам надо было оставить ее в покое.

— О, стало быть, мне следовало заняться этим гораздо раньше! — с простодушной поспешностью воскликнул он.

Миссис Бивер рассмеялась, но в смехе ее сквозило отчаяние.

— На много лет раньше!

— Я хочу сказать, — покраснев, поторопился объяснить Тони, — что с самого первого дня ее пребывания здесь я уделял особое внимание тому, чтобы дать ей понять, какого я высокого мнения о Поле.

Хозяйка продолжала язвительно:

— Если речь о том, как вы уделяли внимание и что давали понять, то, пожалуй, за это стоило браться не раньше, а еще позже!

Миссис Бивер мгновение собиралась с мысля-

ми, потом заявила:

— Вам следовало оставить ее в покое, Тони Брим, потому что вы от нее без ума!

Тони упал в ближайшее кресло. Он сидел и смотрел на королеву-мать.

— Вы сделали такой вывод из того, что я просил за вашего сына?

Миссис Бивер нисколько не смутило такое сочувствие провалу, постигшему ее замыслы.

— Вы просили не за моего сына, вы просили из собственных опасений.

— Моих «опасений»?

Тони снова вскочил на ноги, дабы придать своим словам больше весомости.

— Неужели мне, после стольких лет, приходится вам напоминать, что такое чувство, как совесть, мне не чуждо?

— Совсем нет, дорогой мой. На то я и жалуюсь, что у вас это чувство чрезмерно развито.

И, прежде чем покинуть сцену, миссис Бивер бросила на него как бы финальный взгляд и произнесла как бы финальную реплику:

— Совести у вас столько же, сколько страсти, а будь того и другого поменьше, вы бы, может, и попридержали язык за зубами!

И миссис Бивер пошла прочь, всем своим видом

добавляя значительности только что сказанному. Тони смотрел ей вслед, по-прежнему держа руки в карманах и слегка расставив длинные ноги. В конце концов, слова ее можно было понять так, будто обвиняла она его лишь в том, что он повел себя как последний дурак и тем испортил все дело.

— У меня было то же самое впечатление, что и у вас, — сказал он ей вдогонку, — что с Полом все в порядке.

Миссис Бивер замерла и резко обернулась.

— А в отношении Джин у вас тоже было такое впечатление?

— Естественно — насколько я мог судить!

— Конечно, ведь мы о вас и говорим, — ответила миссис Бивер. — Если не из-за вас, то из-за кого, по-вашему, она так поступила?

— Из-за кого? — Тони поглядел на небо в поисках вдохновения. — Боюсь, я слишком удивлен и подавлен, чтобы выдвигать какие-либо теории.

— Не найдется ли у вас случайно хотя бы одной — насчет того, почему вы решили вмешаться, будучи так уверены, что у них там все слажено?

— «Вмешаться» — слишком сильное слово, — ответил Тони. — Я лишь хотел заверить Джин в моей искреннейшей расположенности к Полу,

когда узнал — а я этого до той поры не знал, — что сейчас тот случай, когда Полу надо не в одном, а во многих отношениях показать себя с лучшей стороны.

— Могу ли я пойти чуть дальше и спросить, — осведомилась миссис Бивер, — просветил ли вас на этот счет сам Пол?

— Нет, не он.

— И вряд ли Джин, я полагаю?

— Нет, не Джин, ни в малейшей степени.

— Спасибо, — ответила миссис Бивер, — я вас услышала. — Она вернулась в кресло и уставилась в землю. — Я и сама вам хочу кое-что сказать, хотя вряд ли это вас так уж сильно заинтересует. — Затем, вновь глядя на него, добавила: — Деннис Видал здесь.

Тони чуть не подпрыгнул.

— В доме?

— На реке, на лодке катается.

Удивление Тони росло, и она пояснила:

— Он объявился час тому назад.

— И никто его не видел?

— Доктор и Пол. Но Пол не знал…

— И не спросил? — выдохнул Тони.

— Когда Пол кого-то о чем-то спрашивал? Он слишком глуп! Кроме того, у меня много чисто

деловых отношений с разными людьми, и он постоянно видит, как кто-то ко мне приходит, а потом уходит. Мистер Видал испарился, едва услышал, что мисс Армиджер здесь.

Удивление на лице Тони сменилось недоумением.

— И не вернется?

— Уж надеюсь, что вернется, раз взял мою лодку.

— Но он не желает ее видеть?

— Пока не решил.

Тони задумался.

— Зачем же он в таком случае приехал?

Миссис Бивер помедлила.

— Он приехал, чтобы взглянуть на Эффи.

— На Эффи?

— Чтобы удостовериться, что она здорова и вам не грозит ее потерять.

Тони запрокинул голову.

— С чего вдруг это его тревожит, черт возьми?

Миссис Бивер вновь замешкалась, но затем поднялась и холодно заметила:

— А вот на этот счет лучше уж вы сами посоображайте.

Несмотря на видимое замешательство, Тони быстро осмыслил ее слова и тотчас же восклик-

нул:

— Значит, он все же хочет жениться на этой девушке?

— Именно так. Потому он боится…

— Что Эффи может умереть? — закончил Тони.

— О таком и говорить-то страшно, — сказала миссис Бивер. — Но вы, возможно, не забыли, кто еще присутствовал, когда!..

— Я не забыл, кто еще присутствовал! Я очень благодарен мистеру Видалу за подобное беспокойство, — продолжал Тони, — но прошу вас передать ему, что вполне способен и сам присмотреть за своим ребенком.

— Сейчас вам надо присматривать за ней тщательней, чем когда-либо, — подчеркнула миссис Бивер. — Только ей о нем не говорите! — столь же резко добавила она.

На ступеньках дома вновь появились белое платье и красный зонтик Розы Армиджер.

## XXII

Завидев миссис Бивер и Тони в саду, Роза направилась прямо к ним, и хозяйка Истмида, мрачная и сердитая, все еще в поисках возможности облегчить душу сарказмом, заметила собеседнику зловещим и в то же время равнодушным тоном, что ее гостья явно жаждет ему что-то поведать. Тони весело ответил, что никакой разговор с нею его не устрашит. Подошедшая Роза сказала Тони, что хотела еще кое о чем ему сообщить и рада, что застала его здесь, поскольку боялась, не ушел ли он уже из сада. Миссис Бивер тут же заявила, что собирается именно так и поступить: она намерена сдать визитера, как она выразилась, с рук на руки Розе.

Роза улыбнулась своей самой любезной улыбкой.

— А я сдаю вам на руки Пола. Я только что от него.

Миссис Бивер, судя по ее тону, отнеслась к словам Розы не только с интересом, но и с одобрением.

— Он в библиотеке?

— В гостиной.

Следующим сообщением Роза добросовестно отблагодарила свою хозяйку за ее благожелательный отклик на предыдущее.

— В библиотеке сейчас мисс Мартл.

— А Эффи? — спросила миссис Бивер.

— Эффи, конечно, там же, где мисс Мартл.

На протяжении этой краткой беседы Тони прохаживался взад-вперед с таким беспокойством, как будто Роза все это время не рассыпала улыбки хозяйке Истмида, а пристально наблюдала за владельцем другого дома. Услышав последнюю реплику, он резко развернулся на каблуках.

— Послушайте, дорогая леди, знаете… Будьте к ней поласковей!

— К Эффи? — спросила миссис Бивер.

— К бедняжке Джин.

Секунду поразмыслив, миссис Бивер решила отнестись к его просьбе с юмором.

— Я не понимаю, почему вы называете ее бедняжкой! Она, конечно, отвергла выгодное предложение, но в нищету из-за этого отнюдь не впала. — Затем она обратилась к Розе: — Вначале я поговорю с Полом.

Роза опустила зонтик и будто в смущении кончиком его принялась ковырять твердую почву аккуратно подстриженной лужайки.

— Если вы не против, когда очередь дойдет до мисс Мартл…

Тут она вдруг замолчала, остановив задумчивый взгляд на Тони.

— Когда очередь дойдет до мисс Мартл? — В голосе миссис Бивер вновь послышалась одобрительная интонация.

Уловив этот благодушный тон, мисс Армиджер странно расширившимися глазами поглядела на их третьего собеседника.

— Я тогда вернусь в дом и заберу ребенка.

Это предложение вызвало у миссис Бивер несвойственную ей ранее настороженность в отношении Розы.

— Я пошлю ее к вам.

Затем в качестве реверанса перед Тони она сказала, адресуясь уже непосредственно к нему:

— Подобные сцены не для нашей невинной овечки!

Миссис Бивер зашагала прочь, и казалось, будто на ее прямой затянутой в атлас спине большими буквами написано слово «долг».

Изумленный величиной этих букв, Тони не смог сдержать снисходительного смешка, но даже веселье не помешало ему увидеть, какое отрадное чувство испытала миссис Бивер, не без

самодовольства дав ему понять, что оценила, в какое смущение Роза может вогнать Тони.

— Неужто она собирается разорвать мисс Мартл на части? — пошутил он.

— Вы спрашиваете, — поинтересовалась Роза, — отчасти из-за страха, нет ли у меня мысли сделать то же самое с вами?

— Ни в коем случае, дорогая Роза, особенно после того, как вы ясно дали мне понять, что намерения у вас самые мирные…

— Когда я думаю об отношении одной особы к этому маленькому портрету и отголоску своей обожаемой матери? — прервала его Роза. — Это не мир, дорогой Тони. Раз уж о том речь, я официально вам объявляю, что началась война.

Тони вновь рассмеялся.

— Война?

— Не с вами, вас я слишком жалею.

— Тогда с кем?

Роза помедлила.

— С каждым — со всеми, кто мог бы увидеть в этой малышке — в такой крохе! — препятствие. О, я знаю, — продолжала она, — вы скажете, что я уже опоздала с такими заявлениями, напомните, что совсем недавно просили меня проводить время с Эффи, и я отказалась наотрез. С того

разговора прошло всего лишь полчаса, однако из-за того, что за это время случилось, все успело перемениться.

Роза говорила совершенно спокойно, и Тони уже понял, что ей совсем не хотелось, чтобы он по ее лицу догадался, какое впечатление произвел на нее результат действий, предпринятых им под ее напором. Не нужно было иметь богатое воображение, чтобы понять: последствия этого впечатления — в части ее отношения к малышке — коренятся в таких глубинах ее натуры, что путь оттуда до поверхности вряд ли может быть прост и очевиден. То, что ему придется считаться с Розой, пришло Тони в голову сразу, как только он увидел, как на другом конце лужайки сияет на солнце ее белое платье. Однако более всего он ощущал живую, безрассудную надежду, что в течение ближайшего часа — за это время Тони успел бы оглядеться и понять, чем все обернулось для него, — бесспорная сообразительность Розы поможет ей произвести некий переворот, а Тони тем временем сможет передохнуть. Эта надежда никак не решала его проблем, разве что позволяла на время о них забыть; однако с недавних пор он стал предаваться неким смутным мечтаниям, и непонятно, чего в них было больше — горечи

или сладости. Тони был готов практически на что угодно, лишь бы иметь возможность отдаться этим первым робким порывам чувства, которое — каким именем его ни назови — зародилось в нем как ответ на впечатление, производимое совершенной красотой. Он пребывал в умиротворенном блаженстве и великом отчаянии, он был растерян, окрылен и взволнован, разрывался между радостью и болью от сознания, что Джин Мартл повела себя так из-за него, Тони Брима, прекрасно зная, что он не в состоянии отплатить ей тем же. Тони Брим может вообще никогда не жениться, и это ни для кого не секрет, но чтобы такое дивное создание не вышло замуж, это у Тони в голове не укладывалось. Потому он чувствовал себя в долгу перед Розой, ведь ее гордость — если ее поведение объяснялось именно гордостью — не позволяла ей опуститься до мелкой мстительности. Розе был известен его секрет — так безыскусно Тони продолжал называть причину своей тщетной просьбы, даже после того, как миссис Бивер столь беспардонно обошлась с его тайной. Теперь же, имея возможность читать эти тайные письмена в более ярком свете чужого знания, которым, к тому же, столь откровенно поделились, Роза разобралась в сути его секрета

еще лучше. Тони об этом знал и не видел причин надеяться на великодушие Розы, но успокаивал себя хотя бы тем, что мог положиться на ее внушенную воспитанием сдержанность. Бедный Тони прекрасно понимал, что ему надо выработать какую-то внятную линию поведения, но напряжение его до некоторой степени уравновешивалось чувством, что и перед Розой стоит та же задача. Тони лишь слегка беспокоило, что бойкая и находчивая Роза наверняка опередит его. На что она способна, он понял в тот самый миг, когда Роза заявила о перемене своей тактики.

— То, что вы говорите, звучит прекрасно, — добродушно ответил он, — поскольку означает, что вы присоединяетесь к кругу друзей моей дочери. Я не могу без волнения думать о том, что вы были почти сестрой для ее покойной матери. И насколько мне приятно говорить вам об этом, настолько же странно слышать от вас, что якобы есть какие-то люди, чей интерес к Эффи не искренен. Чем больше у нее друзей, тем лучше… Я всех приглашаю ими стать. Единственное, о чем я их прошу, — добавил он с улыбкой, — так это не ссориться из-за нее между собой.

Роза выслушала его с почти монашеской невозмутимостью, но, когда вновь заговорила сама, по

кощунственной дрожи в ее голосе он понял, каких усилий стоила ей та жертва формальностям, за которую он так малодушно принялся заранее ее благодарить.

— Очень мило с вашей стороны думать обо мне только лучшее. А кроме того, позвольте мне сказать, дорогой Тони, — и сказать со всем уважением к вашему великодушию: вы очень умно поступили, дав понять, что открыты для различных мнений. Неважно, считаете ли вы меня другом ребенка — или считаете как-то иначе. Как бы то ни было, я нахожусь здесь ради нее — и сейчас именно ради нее больше, чем когда-либо.

Взамен благодарности в голосе Тони внезапно послышались нотки раздражения.

— Конечно, дорогая Роза, вы здесь, с нами, и ваше присутствие для всех нас важно и ценно, о чем мы, уверяю вас, никогда не забываем. Но правильно ли я понимаю, что, заняв среди нас прочное место — о чем вы упомянули, — вы подумываете и о том, не придать ли вашему пребыванию здесь некий постоянный характер?

Роза подождала, когда можно будет аккуратно срезать со стебля вдруг распустившийся в речи Тони цветок иронии. Она неторопливо переваривала услышанное; со стороны же могло

показаться, будто внимание ее полностью поглощено маленькой лункой, которую она проделала в почве лужайки кончиком парасольки.

— Если вы, прибегнув к такой изящной формулировке, хотите спросить, — ответила она наконец, — долго ли еще я намерена тут оставаться, то, возможно, я смогу удовлетворить ваш интерес наилучшим образом, сказав, что, видимо, останусь по крайней мере до тех пор, пока здесь остается мисс Мартл. И говоря о том, что теперь я нахожусь здесь в первую очередь ради девочки, — продолжала она, — я просто имела в виду, что, пока я здесь, я собираюсь быть бдительной. Именно это я и спешила дать вам знать со всей определенностью, на случай если вы соберетесь домой прежде, чем нам удастся встретиться еще раз. В прошлый раз, перед тем как уйти из сада, я сказала, что доверяю вам — думаю, нет надобности напоминать, почему и в чем. Спустя какое-то время пришел мистер Бивер и доложил, что мисс Мартл ему отказала. И я почувствовала — после всего, что было между нами, — я должна честно вам сказать…

— Что вы перестали мне доверять? — перебил Тони.

— Ни в коем случае. Я от своих слов не отка-

зываюсь. — И, хотя красивая, с неподвижным бледным лицом, голова его собеседницы и прежде была гордо поднята, она стала казаться еще красивее, и в посадке ее было еще больше достоинства теперь, когда после его неудачной фразы Роза смотрела на него сквозь туман набежавших слез. — Я верю, что вы искренне старались помочь мистеру Биверу, и потому по-прежнему полностью вам доверяю.

Тони улыбнулся, как бы чувствуя за собой какую-то вину, но будучи в то же время поневоле заинтригован.

— Тогда что же такое вы должны мне сказать?

— Что я не доверяю мисс Мартл.

— О, моя дорогая! — Тони поспешил рассмеяться в ответ на это заявление.

Но Роза продолжала свою речь со всей рассудительностью и определенностью.

— Вот что изменилось, и вот что заставило меня, как вы говорите, задуматься о том, какую пользу я смогу принести, или скорее о моих прямых обязанностях. Полчаса назад я знала, как сильно вы ее любите. Теперь же я знаю, как сильно она любит вас.

Смех Тони оборвался. Его лицо стало лицом человека, которому шутка внезапно показалась

слишком серьезной.

— И, стало быть, обладая теперь этими замечательными познаниями, вы полагаете, что?..

Роза замялась, но она зашла уже слишком далеко, чтобы вдруг стушеваться.

— Что лицу, о котором мы говорим, — и это вполне естественно — было бы глупо терпеть какое-либо препятствие на пути к замужеству с вами.

Эти спокойным тоном сказанные слова звучали так ясно и недвусмысленно, что у Тони на мгновение странным образом перехватило дыхание, причем так резко, что он одновременно с удушьем почувствовал тошноту.

Преодолевая дурноту, он выпалил:

— Помилуйте, почему же для этого лица это более естественно, чем для вас?

— Учитывая, что я вас люблю так же, как она? Потому что вы не любите меня так же, как любите ее. Именно и только поэтому, дорогой Тони Брим! — произнесла Роза Армиджер.

Она отвернулась от него с печальным, исполненным достоинства видом, как будто навек покончила и с ним, и с обсуждаемым предметом, а он стоял там, где она его оставила, глядя на дурацкую зелень у себя под ногами и медленно

проводя рукой по волосам. Однако пару секунд спустя он услышал, как Роза издала странный возглас, и, оглядевшись, увидел, что она стоит лицом к лицу — правда, на противоположной стороне пологой лужайки — с джентльменом, в котором он, будучи уведомлен о его появлении, сразу признал Денниса Видала.

## XXIII

Тони был уже подготовлен к встрече, и это давало ему преимущество перед Розой, которую сие явление призрака настолько вывело из равновесия, что она оказалась совершенно не способна отреагировать на него, не теряя лица. В ошеломлении она ухватилась за спинку ближайшего стула, оперлась на нее и уставилась широко распахнутыми глазами на своего старого поклонника. Хозяин Баундса не мог припомнить, видел ли ее когда-нибудь в таком искреннем изумлении. Он, однако, почти сразу же был не только поражен, но и немало восхищен тем, как быстро она взяла себя в руки — это умение свойственно людям, чей душевный склад противится чрезмерному проявлению эмоций. Роза была способна испытывать удивление, равно как и прочие чувства, но так же мало склонна его демонстрировать, как выставлять напоказ и все остальное. Оба джентльмена не могли не заметить произошедшей в ней мгновенной перемены — перемены, вызванной ощущением, что смутившее ее происшествие само по себе даже в худшем случае не навредит ей так, как могло

бы навредить, будучи ложно ею истолкованным. Одновременно Тони осознал и то преимущество, какое сведения, полученные от миссис Бивер, давали ему над стоявшим тут же беднягой, который, судя по выражению его лица, оказался явно не готов к двум вещам. Во-первых, к тому, как будет все его существо потрясено, когда он спустя столько лет вновь увидит эту своевольную, полную сил и жизни женщину, когда-то им потерянную, но до сих пор любимую. Во-вторых, к тому, как лихорадочно заработает его воображение, когда он застанет ее наедине с мужчиной, который, пусть и ненамеренно, стал причиной ее неверности. Тревога, явно написанная на лице Видала, оказала ему дурную услугу; он на минуту приостановился, и этого оказалось достаточно, чтобы Тони, увидевший его волнение и от души его пожалевший, успел в то же время отметить, что румянец уже схлынул с лица Розы, и она вновь выглядит настолько невозмутимой, насколько может быть невозмутимой молодая чувствительная женщина.

Повисла тишина, пусть и недолгая — я дольше ее описываю, — но такая гулкая, что Тони в интересах всеобщей гармонии поспешил ее нарушить. Что касается его собственной позиции, то,

поскольку в прошлый приезд Денниса он выступал в роли хозяина, а тот — учтивого гостя, Тони, как бы возобновляя прежние отношения, протянул ему дружественную руку. У него отлегло от сердца, и он даже слегка удивился, когда молодой человек, несмотря на общую неловкость, тут же без лишних церемоний протянул ему в ответ свою. Однако удивительней всего был факт, о котором поведало ему некое шестое чувство: пока он дружески помогал Деннису подняться с берега на лужайку, Роза Армиджер, затаив дыхание, явно ожидала какого-либо знака, нельзя ли ей — ради тех отношений, что сложились у нее с ним, с Тони, и при этом без особого риска — изобразить дело так, будто она не только предвкушала то, что сейчас произошло, но, может быть, даже сама все это и устроила. Ей, естественно, было чего опасаться, и Тони, внезапно — и без особых на то причин — воодушевившись, решил поспособствовать любой попытке, какую она могла предпринять, дабы сохранить в этой ситуации лицо. И все же, предвидя конфуз, который могло вызвать слишком явное изумление Розы, он поспешил сказать Деннису, что был бы сам поражен его появлением, если бы его не предупредили заранее: миссис Бивер сообщила ему о только что

прибывшем к ней госте.

— Ах, так она вам рассказала? — спросил Деннис.

— Только мне — в знак большого доверия, — рассмеялся Тони.

Услышав эти слова, Роза, естественно, не могла не удивиться, что первенство было отдано не ей.

— Что?.. Вы уже были здесь?

— Час назад, — ответил Деннис. — Я попросил миссис Бивер не говорить вам.

Теперь Роза могла мягко его упрекнуть.

— Она в точности выполнила вашу просьбу, но, помилуйте, к чему эта ужасная секретность?

Роза говорила так, будто бы ему совсем не из-за чего было смущаться, и подавала отличный пример правильного поведения. Она повторила приветственный жест Тони, и тот про себя отметил, что ни одна юная леди не смогла бы протянуть былому поклоннику столь дружественную руку через пустыню четырех холодных лет.

— Мне легче объяснить, — промолвил Деннис, — почему я здесь появился, чем то, почему я отсюда исчез.

— Вы появились, полагаю, потому что хотели увидеть меня. — Слова Розы были обращены к одному из ее поклонников, но взгляды свои и

даже смех она адресовала другому, демонстрируя ему облик, к этому времени уже полностью — и непостижимо — обновившийся. — Вы знали, что я здесь?

— В Уилверли? — Деннис замешкался. — Я считал, что иначе и быть не может.

— Боюсь, вы все-таки приехали сюда ради мисс Армиджер, — весело заметил Тони.

Ему казалось, что, заговорив в беззаботном тоне, он поможет им всем расслабиться.

Так и случилось: веселье оказалось заразительным.

— При ней я бы иначе и не сказал, даже если бы это было неправдой! — пошутил в ответ Деннис.

Роза подхватила:

— К счастью, это правда, так что врать вам нет надобности.

— Действительно, врать мне ни к чему! — воскликнул Деннис.

Фокус, таким образом, удался, и все трое почувствовали себя в своей тарелке. Еще больше позабавило Тони то, что на этот раз лгать по необходимости пришлось не ему и не Розе, а человеку, правдивость которого с самого первого, еще того, давнего дня их знакомства показалась ему почти несовместимой с обычной беседой.

С каждой минутой становилось все очевиднее, что возвращение старого друга заставило Розу, после того как миновало первоначальное изумление, засиять — и вполне естественно — пуще прежнего. Она преодолела свое замешательство с таким виртуозным мастерством, что Тони вновь не смог про себя не посетовать на те жизненные сложности, что отдалили его от женщины столь незаурядных дарований. Сожаление это отчасти уравновешивалось иным ощущением: он всякий раз чувствовал себя на коне, когда надо было довести до конца или, что называется, с успехом провернуть какое-то дело. Его дипломатичность, его плавная, слегка высокопарная манера изъясняться обеспечивали ему широкую популярность, шла ли речь о делах повседневного управления или о председательстве на собраниях. И разве он в каком-то смысле не председательствовал, не заправлял делами прямо сейчас? Видал мог бы как нельзя удачней отвлечь на себя внимание Розы — особенно если, чуть поднажав, поспособствовать ему в исполнении этой роли. Сейчас Тони был так воодушевлен этой мыслью, что в рвении своем не мог увидеть ситуацию в целом. Его рвение, однако, было вполне оправдано тем обстоятельством, что молодой человек из Китая

так или иначе — что тут к чему, выяснится позже — олицетворял собой облегчение для него, Тони, — облегчение, не менее реальное из-за того, что оно, скорее всего, лишь временно. И сама Роза, слава богу, со всей своей экзальтацией была здесь фигурой всего лишь временной. Тони уже готов был простить неуместный и назойливый интерес, проявленный сим джентльменом к благополучию Эффи: эта бестактность показалась ему вполне извинительной, стоило Тони увидеть, как пальцы гостя смыкаются вокруг руки, протянутой Розой. Тут оставалось только присвистнуть и пожать плечами: страсть, о которой так красноречиво свидетельствовало это рукопожатие, явно пережила (в чем его ранее уверяла и миссис Бивер) постигшее ее некогда крушение, и Тони немедленно стал озираться кругом в поисках веревки, которую он мог бы бросить, или палки, какую мог бы протянуть на помощь Деннису. С этой минуты он поистине всего себя посвятил задаче спасения утопающего и только и желал уже сейчас дать понять борющемуся пловцу, что никто в другом доме не заинтересован в том, чтобы тот не добрался до суши.

Деннис не успел и двух минут провести в обществе Тони, как уже начал ощущать результаты

овладевшего хозяином Баундса радостного воодушевления. Поскольку Тони в некотором смысле вытащил вновь прибывшего на берег, теперь было вполне естественно предложить последнему стол и кров, что Тони, не теряя ни минуты, и сделал, попутно выразив надежду, что Деннис еще не успел остановиться в гостинице, а если успел, то согласится немедленно перевезти свой багаж в Баундс. Деннис явно был немного смущен таким бурным приемом, но, прежде чем он нашелся с ответом, инициативу перехватила Роза (с той минуты, как собственное необычайное спокойствие стало казаться ей вполне естественным и логичным, пережитого потрясения как и не бывало).

— Почему же вы должны отнимать его у нас и считаете, что он согласится? Разве миссис Бивер не вправе ожидать, — спросила Роза, обращаясь уже к Деннису, — что, поскольку вы теперь уже не можете от души насладиться секретностью своего визита к ней, то, выбирая, где остановиться, отдадите ей предпочтение?

— Позвольте мне напомнить как вам, так и мистеру Видалу, — ввернул Тони, — что в прошлый свой приезд он как раз отдал ей предпочтение. Миссис Бивер не постеснялась буквально умыкнуть его из-под моей крыши. Я лишился — мне

пришлось лишиться — даже удовольствия навестить его. Теперь же я собираюсь наверстать упущенное и таким образом отомстить: я отплачу миссис Бивер той же монетой.

Видя, как рьяно взялась Роза бороться за обладание их общим другом, Тони преисполнился радостного возбуждения.

— Надеюсь, сами вы согласны, — продолжал Тони, обращаясь к Деннису, — что мои претензии совершенно справедливы? Забрав вас, я поступлю с миссис Бивер, как она тогда, забрав вас, поступила со мной. Кроме того, даже багаж ваш еще сюда не доставили, в то время как в прошлый раз ваши вещи уже были в Баундсе. Я обещаю, что буду делиться вами с этими леди и не пенять вам за то время, какое вы захотите провести с мисс Армиджер. Я слишком хорошо понимаю, сколько часов вы на это потратите. Вы остановитесь у меня надолго и сможете приходить сюда, сколько вам заблагорассудится. К тому же ваше присутствие в Баундсе, возможно, побудит их самих чуть чаще оказывать мне честь своим присутствием.

Деннис переводил взгляд с Тони на Розу и обратно. Тони заметил, что он слегка озадачен, но не настолько, чтобы нерешительность его могла

показаться странной.

— Думаю, мне лучше будет остановиться у мистера Брима, — решительно сказал он Розе после короткой паузы. — Я бы хотел поговорить с вами по одному поводу, но это может и подождать.

— Вам решать. Я тоже буду очень рада возможности кое о чем с вами переговорить.

Тони бросил взгляд на часы и затем на Розу.

— Ваша возможность стоит перед вами, можете переговорить прямо сейчас. У меня небольшое дело в городе, — объяснил он Деннису. — Мне скоро надо быть там, и я могу заехать в гостиницу, чтобы распорядиться насчет вашего багажа. А вам надо будет лишь пройти коротким путем — вы его уже знаете: вон по тому мосту, потом через сад — и вы уже у моих дверей. Мы пообедаем в начале восьмого.

Деннис Видал согласился с этим планом без каких-либо условий и практически без эмоций: он, очевидно, проникся чувством, что мистеру Бриму в порядке компенсации позволено теперь упиваться сознанием, что ныне он отдает ему, Деннису, долг за прошлое. Однако Роза, судя по всему, хотела еще что-то сообщить Тони, который уже двинулся по направлению к городу и по дороге должен был пройти рядом с истмидским

господским домом. Сообщение свое она начала с вопроса по поводу его маршрута:

— Значит, по пути вы зайдете к миссис Бивер и скажете?..

— Что я присвоил нашего друга? Не сейчас, — сказал Тони. — Я должен встретиться с одним человеком по делу и уже едва к нему успеваю. Если получится, я сюда еще вернусь, но вы тем временем, возможно, сделаете мне одолжение и сами ей всё объясните. Идите прямо сейчас и устраивайтесь, — добавил он, обращаясь к Видалу. — Чувствуйте себя как дома, не ждите, пока я вернусь.

Тони снова пожал ему руку, а затем, повинуясь врожденной склонности все улаживать и гармонизировать, с лицом, светившимся от дружеских чувств, протянул руку и Розе. Она приняла ее просто, без стеснения и жеманства, даже подержала несколько мгновений в своей, на что он ответил ободряющей улыбкой, значение которой едва ли нуждалось в словесном подтверждении. Деннис Видал в это время отвернулся, как если бы у них были дела, только их двоих касающиеся, и Тони поддался желанию доказать Розе, что если он что-то от нее и скрывает, то лишь в случае крайней необходимости.

— У меня еще одно дело… Я должен повидаться с доктором.

Роза подняла брови.

— Посоветоваться о чем-либо?

— Попросить наведаться к нам.

— Надеюсь, вы не больны.

— Напротив, никогда не чувствовал себя лучше. Я хочу, чтобы он осмотрел Эффи.

— Она ведь не болеет?

— Ей нехорошо. Горэм с утра переполошилась. Так что лучше предостеречься.

— Тогда, конечно, пусть непременно ее осмотрит, — согласилась Роза.

Благодаря присутствию Видала разговор их с прежних холодных высот опустился до самого теплого домашнего тона, и теперь Тони распирало желание дать Розе понять, что на таких основаниях, как сейчас, он всегда будет рад их общению. Деннис Видал, привлеченный, скорей всего, одним лишь особенным тоном голоса своего гостеприимного хозяина, обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть эту сцену.

— A bientôt[3]. Надеюсь по возращении услышать от вас — и от нашего друга, — что в мое

---

**[3] Примечания: 3**
До скорого (*фр.*).

отсутствие вы были чрезвычайно к нему добры.

Щеки Розы тронул легкий, но явственно различимый лихорадочный румянец. Она переводила взгляд с Тони на Денниса и обратно. Во вспыхнувших ее глазах была видна сосредоточенная решимость, и оба мужчины сразу ощутимо напряглись.

— Я готова, мистер Брим, прямо сейчас, не откладывая, в точности довести до вашего сведения, как и насколько я буду добра. Было бы притворством с моей стороны делать вид, будто я полагаю, что вам ничего не известно о том, что произошло между мной и этим джентльменом. Именно здесь четыре года назад я заставила его пережить глубокое разочарование — было ли оно оправданным и насколько вескими были его причины, в это я не стану углубляться, скажу только, что ему сопутствовала неизбежная огласка. — Она говорила медленно и намеренно четко, по-прежнему переводя глаза с Тони на Денниса и обратно. Затем ее странно напряженный взгляд остановился на ее старом поклоннике. — Люди видели, мистер Видал, — продолжала она, — какое несчастье постигло наши давние отношения, и люди поверили — тогда мне это было безразлично, — что мое поведение было то-

му виной. Сейчас мне небезразлично — я имею в виду, небезразлично все, что могло быть сочтено недостатком внимания с моей стороны к такому человеку, как вы. Я часто желала каким-либо образом дать вам возмещение — найти способ честно и открыто искупить свою вину. Я сожалею о том, что причинила вам боль, и здесь, перед главным свидетелем того унижения, которое вы с таким благородством перенесли, я со всей искренностью приношу вам свое раскаяние и смиренно прошу у вас прощения.

Все время этой речи смертельно побледневший Деннис Видал не сводил с Розы глаз, тогда как Тони, тронутый, если можно так выразиться, возвышенностью ее самоуничижения, прослезился. Бросив взгляд на Тони, Роза заметила слезы в его глазах и оценила произведенное ею на него впечатление. Впечатлением этим она явно осталась довольна (что в данной ситуации вполне простительно) и после короткой паузы довершила его посредством финальной фразы, трогательной и исполненной благородства.

— Вот, мистер Брим, та доброта — поскольку вы дали мне предписание быть доброй, — какую я способна проявить.

Тони тут же повернулся к Деннису, который

теперь стоял, вперив взгляд в землю.

— Тогда я переадресую мой призыв — и с полной уверенностью обращусь к вам. Я надеюсь обнаружить, мистер Видал, когда мы встретимся вновь, что и в вас доброты не меньше!

Деннис, без сомнения, был глубоко тронут, однако стоял погруженный в себя и как будто оцепеневший; он, казалось, и не услышал Тони. Роза же немного отошла в сторону, как актриса, великолепно отыгравшая сцену. Тони потоптался между ними, а потом рассмеялся, желая показать, что считает дело решенным.

— Ну, я вижу, у вас все улаживается! — заявил он и, еще раз взглянув на часы, поскакал по своим делам.

На ходу он сделал глубокий вдох — заполнил легкие ощущением, что в итоге всех этих дел сам он окажется в выгоде. Роза примет Денниса.

## XXIV

— Зачем вы это сделали? — спросил Деннис у Розы, как только они остались одни.

Роза опустилась в кресло поодаль от него, совершенно обессилевшая после своей столь блистательно удавшейся попытки использовать внезапно подвернувшийся шанс на восстановление справедливости. Резкий вопрос Денниса вернул ее с небес на землю, и, помолчав, она ответила ему вопросом, судя по которому, чувство реальности вновь полностью возобладало в ней:

— Вас до сих пор волнует, что я делаю, чего не делаю?

На это он также ответил вопросом — и задал его прежним требовательным тоном:

— Какое ему дело до того, как вы поступили — или не поступили — со мной? То, что было между нами, между нами и остается; никто другой не имеет к этому ни малейшего отношения.

Роза улыбнулась, будто благодаря его за эту вновь давшую о себе знать колючесть.

— По словам Тони, он хочет, чтобы я была добра с вами.

— Вы считаете, что он имел в виду нечто подоб-

ное? — Та же колючесть шаг за шагом двигала его по лужайке все ближе к ней. — Неужели вам настолько важно, чего он хочет?

Роза снова замешкалась; потом с благостной, терпеливой улыбкой похлопала по пустому месту рядом с собой на скамейке:

— Подойдите, присядьте, и я расскажу вам, насколько мне это важно.

Деннис подчинился, но не сразу: он приближался с неспешностью, позволявшей ему еще какое-то время держать Розу на расстоянии и с недоверием к ней присматриваться. Деннис сказал миссис Бивер, что приехал сюда не для того, чтобы наблюдать за Розой, однако мы вольны задаваться вопросом, как описала бы миссис Бивер его поведение сейчас, когда он, прежде чем сесть, остановился перед Розой, молча и пристально ее разглядывая. На ее же лице читалась уверенность, что она не сделала ничего плохого и ей незачем бояться любого, сколь угодно пристального изучения. Кротость, жертвенность и искренность были написаны на этом лице. Она снова похлопала ладонью по скамейке, и Деннис сел.

После чего Роза продолжила:

— Когда вы вернулись?

— В Англию? На днях; не помню точно, в какой день именно. Я бы предпочел, чтобы вы ответили на мой вопрос, — сказал Деннис, — прежде чем задавать свои.

— Нет, нет, — поспешно, но мягко возразила она, — мне кажется, я вправе сама расспросить вас, прежде чем признавать за вами право на какие-либо вопросы. — Взглядом она, казалось, давала ему время либо на согласие, либо на возражение, но он лишь холодно откинулся на спинку скамейки, всем своим видом показывая, насколько тверже и прочнее стал он, пройдя через кузницу прошедших лет. — Зачем же все-таки вы здесь? Это как-то связано со мной?

Деннис оставался глубоко серьезен. Наконец он вымолвил:

— Я не знал, что вы здесь, у меня не было причин так думать.

— Так значит, вы всего лишь хотели возобновить приятное знакомство с миссис Бивер?

— Я приехал, чтобы спросить ее о вас.

— Как мило с вашей стороны! — голос Розы, лишенный даже тени иронии, звучал столь же искренне, сколь искренним было побуждение, которому он воздавал хвалу. — Какая-то совершенно невероятная чуткость! — добавила она;

затем продолжила. — Насколько я вас поняла, вы уже имели случай побеседовать с ней?

— Побеседовал, но недолго. Лишь задал пару вопросов.

— Не буду спрашивать каких, — промолвила Роза. — Скажу только, что, раз я здесь, возможно, вам удобнее будет получить информацию из первых рук. Спрашивайте что угодно, я все расскажу.

Ее собеседник задумался.

— Тогда можете начать с ответа на уже заданный вам вопрос.

Она подхватила его слова прежде, чем он успел договорить:

— А, почему мне было так важно, чтобы он услышал то, что я сказала? Да, конечно, вы получите ответ. — Она задумалась будто бы с единственной целью — чтобы сформулировать свой ответ с наибольшей ясностью; однако ее лицо вдруг озарилось, когда она решила, что полезно было бы узнать у него лишь еще одну вещь. — Но сначала… вы хоть сколько-то ревнуете меня к нему?

Деннис Видал рассмеялся; смех этот можно было счесть данью уважения ее редкостной дерзости, и в то же время именно из-за смеха он каким-то образом стал казаться еще более

серьезным.

— Это уж вы решайте сами!

— Понимаю, понимаю… — Она посмотрела на него задумчиво и снисходительно. — Это было бы уж слишком невероятно. Однако почему же тогда все это так вас волнует?

— Я готов искренне вам признаться, — сказал Деннис, пока она, слегка теребя двумя пальцами нижнюю губу, оценивала, насколько реальным было сделанное ею предположение, — готов искренне вам признаться, что поинтересовался у миссис Бивер, влюблены ли вы в него до сих пор.

Роза так резко сжала руки, что могло показаться, будто хлопнула в ладоши.

— Так значит, вам не все равно?

Он смотрел теперь мимо нее — на что-то в другом конце сада. Его ответ был краток:

— Она вас не выдала.

— Очень любезно с ее стороны. Однако вы же знаете, что я бы и сама вам все отлично рассказала, если бы это было так.

— Четыре года назад вы сами ничего мне отлично рассказывать не стали, — парировал Деннис.

Роза слегка помедлила, но это не помешало ее словам прозвучать так, будто она выпалила их, не задумываясь:

— О, четыре года назад я была самой большой дурочкой в Англии!

Деннис встретился с ней взглядом.

— Так значит, то, о чем я спросил у миссис Бивер…

— Неправда? — закончила за него Роза. — Славное у женщины положение, — сказала она, — когда ее допрашивают, как допрашиваете вы, и ей приходится отвечать, как отвечаю вам я. Но вы таким образом мне мстите и уже должны были заметить, что отмщению вашему я содействую со всей решительностью.

С минуту она выдерживала его взгляд и в конце концов твердо сказала:

— Я не влюблена в Энтони Брима.

Деннис печально покачал головой.

— Как это связано с моей местью?

Роза вдруг опять залилась краской.

— Теперь вы понимаете, что именно я согласна обсуждать с вами, — не без гордости ответила она.

Он вновь обратил свой взгляд туда, куда смотрел ранее.

— Вы действительно согласны?

— И вы спрашиваете — после того, что я сделала?

— Так значит, ему теперь нет дела?

— До меня? — спросила Роза. — Да никогда и не было.

— Никогда?

— Никогда.

— Вы клянетесь?

— Клянусь.

— Но вам хотелось думать, что?.. — храбро настаивал Деннис.

Роза так же бесстрашно отвечала:

— Да, мне хотелось.

— И пришлось забыть об этом?

— Пришлось забыть.

Деннис молчал. Он медленно поднялся на ноги.

— Ну, это уже что-то.

— В помощь вашей мести? — В ее голосе звучал горький смешок. — Да уж, надо думать! Не просто что-то, а такое, что лучше некуда!

Он стоял, глядя куда-то поверх ее головы, и вдруг воскликнул:

— А вот, очевидно, и малышка!

— Она пришла?

Роза вскочила и увидела, что к ним по лужайке приближается Мэннинг, а на ее мускулистых руках восседает Эффи. Мэннинг наклонилась, по-

ставила девочку на землю и бойко подтолкнула ее в спину, после чего вновь выпрямилась во весь свой гренадерский рост и обрела соответствующую осанку.

— Мисс, пожалуйста, присмотрите за ней… Миссис Бивер сказала, она с вами останется.

Роза уже поприветствовала маленькую гостью.

— Пожалуйста, скажите миссис Бивер, что я присмотрю за ней. Миссис Бивер сейчас с мисс Мартл?

— Именно так, мисс.

Вообще-то речь Мэннинг никогда не отличалась эмоциональностью; из-за этого у Розы возникло ошибочное впечатление, будто в ее последних словах отсутствует хотя бы тень сострадания.

Однако подобная позиция отнюдь не вызывала у Розы возражений.

— Миссис Бивер может мне довериться, — сказала Роза.

Мэннинг поклонилась и отправилась восвояси. Взяв разряженную Эффи на руки, Роза повернулась к своему старому поклоннику.

Деннис был искренне поражен и восхищен.

— Она прелесть… Прелесть! — повторял он.

— Она прелесть! — горячо отозвалась Роза.

— Разве не так, родная моя? — обратилась она к ребенку с внезапно нахлынувшей нежностью.

— И он зачем-то хочет позвать ей доктора! Она еще всех нас переживет — даже самых крепких и здоровых!

Деннис с ревностным интересом воззрился на девочку; он буквально пожирал ее глазами, вновь и вновь оглядывая с головы до пят.

— Вы ее разглядываете как людоед! — засмеялась Роза и на несколько шагов отошла от него со своей ношей, на ходу прижимая к губам маленькую пухлую розовую ручку.

Она притворялась, что кусает ее, она покрывала ручку поцелуями. Она целиком отдалась радости отречения от долгого воздержания.

— Переживет нас всех? Уж я надеюсь! Да разве может быть иначе, дорогая, разве может? У тебя же есть настоящая подруга, да, есть, мой утеночек, и она видит — ты знаешь, что она у тебя есть. Потому что ты так чудно на нее смотришь!

Эта попытка приписать пылкость важному взору малышки насмешила Денниса. Самонадеянные речи Розы заставили девочку немедленно повернуть круглое личико и через плечо новообретенной подруги поглядеть на джентльмена, болтавшегося у той за спиной. Его бесцеремон-

ные насмешки и веселый вид только укрепили в ней чувство снисходительного превосходства по отношению к этому взрослому чудаку. Роза снова опустилась на скамейку, усадила Эффи к себе на колени и стала приглаживать ее прелестные перышки. Их спутник, какое-то время поглядев на них со стороны, тоже вернулся на свое прежнее место.

— Я смотрю на нее и вспоминаю! — вскоре заметил он.

— Ту незабываемую сцену — заявление бедной Джулии? Нетрудно понять, могла ли забыть об этом я!

Деннис немного помолчал и тихо проговорил:

— У вас больше причин помнить.

— Можете быть уверены! — ответила Роза.

— А та юная леди, которая тоже присутствовала, — мисс Мартл, если не ошибаюсь?..

— О которой я говорила с той женщиной? Да, это мисс Мартл. А что? — спросила Роза, приложив свою щеку к щечке девочки.

— Она тоже помнит?

— Как мы с вами? Не имею ни малейшего понятия.

Деннис снова замолчал. Каждую паузу их разговора он заполнял тем, что дружелюбно раз-

глядывал девочку.

— Она оказалась здесь снова… как и вы?

— И как вы тоже? — Роза улыбнулась. — Нет, не как мы с вами. Она здесь постоянно.

— И это от нее надо оберегать одну маленькую особу?

— От нее, — кратко, но многозначительно ответила Роза.

Деннис замялся в нерешительности.

— Доверили бы вы этого маленького человечка другому маленькому человечку?

— Вам… подержать? — Роза развеселилась. — Без малейших угрызений!

Девочка, все в той же глубокой задумчивости и невозмутимой «образцовости», спокойно отнеслась к своему перемещению и к долгому поцелую, который Деннис, в свою очередь, запечатлел на руке малышки в тот самый миг, как она оказалась у него на коленях.

— Я буду с тобой! — пылко заявила Эффи, и он с еще большим удовольствием позволил себе вольность, которой она не противилась, заверив ее, что таким образом вопрос решен и отныне он ее официально утвержденный защитник.

Роза наблюдала за этой очаровательной сценой, а потом вдруг произнесла:

— То, что я сказала мистеру Бриму, я сказала не для мистера Брима.

Деннис прижал к себе девочку. Его руки мягко обнимали ее, а щекой, как давеча Роза, он, нежно склонив голову, прижимался к щеке малышки. Секунду-другую он вглядывался в собеседницу, потом промолвил:

— Вы произнесли эту речь для мистера Видала? Но Тони она все же понравилась больше, чем мне.

— Конечно, ему она понравилась! Но это как раз неважно, — добавила Роза. — Что же касается вас… Неправильно думать, будто моей целью было, чтобы вам это понравилось.

— Что же тогда было вашей целью?

— Чтобы вы смогли увидеть меня в глубоком унижении — тем более глубоком, что оно имело место в мучительном для меня присутствии другого человека.

Деннис поднял голову и отодвинулся в самый угол скамьи, как можно дальше от Розы. На его лице, глядевшем на Розу поверх кудряшек Эффи, было написано тягостное недоумение.

— Почему вы решили, что мне это доставит удовольствие?

— А почему нет? — отозвалась Роза. — Что такое

ваша месть, если не удовольствие?

От страшного возбуждения ей не сиделось на месте; лицо ее горело: ее распирало от сознания извращенности принесенной ею жертвы. Деннис настаивал, что приехал сюда не для того, чтобы наблюдать за ней, однако его изумленный вид говорил об обратном. Он устало и терпеливо помотал головой.

— Тоже мне удовольствие, черт подери! — воскликнул он.

— Так для вас это ничего не значит? — таким же восклицанием ответила Роза. — Тогда вам, может быть, жаль меня? — В ее взгляде, обращенном к нему, будто промелькнула новая надежда.

Он заметил этот проблеск, но в ответ мгновение спустя лишь с сомнением повторил ее слова:

— Жаль вас?

— Я думаю, вы пожалели бы меня, Деннис, если бы правильно поняли.

Он пристально посмотрел на нее. Он медлил. В конце концов он тихо и уже более мягким тоном ответил:

— Что ж, Роза, стало быть, я вас не понимаю.

— Значит, мне придется пройти этот путь до конца: я должна испить чашу до дна. Да, я должна сказать вам все как есть.

Однако после этих слов Роза сделала такую долгую паузу (красивая, искренняя и трагичная, стоя перед лицом необходимости, она собиралась с силами для решительного шага), что Деннис, подождав немного, заговорил первым:

— Сказать мне что?

— Что я просто у ваших ног. Что я ваша, и вы вольны делать со мной что захотите — и принять, и отбросить. Вероятно, этот триумф вам покажется более значимым, — добавила она, — когда вы увидите, какие возможности он перед вами раскрывает. Теперь ваша очередь отказывать — вы можете поступить со мной точно так же, как поступила с вами я!

Глубокое, оцепенелое молчание наступило вслед за этой речью. Она не сгладила их противостояния — напротив, благодаря ей разобщенность их, казалось, не только не уменьшилась, но даже возросла. Прежде чем Деннис нашелся что ответить, острое напряжение вдруг разрешилось ясным, радостным возгласом. Протягивая ручки, девочка во весь голос закричала:

— Тетушка Джин, тетушка Джин!

## XXV

Оба были настолько поглощены друг другом, что даже не заметили, как к ним подошла Джин Мартл. Она же, только оказавшись рядом, поняла, что джентльмен, на коленях которого расположилась Эффи, ей незнаком — издали она приняла его за Энтони Брима. Эффи так рвалась к подруге, что, когда Видал встал, дабы поприветствовать прибывшую, девочке удалось выскользнуть из его рук и броситься к Джин, которая, хоть и приостановилась на мгновение, но успела распахнуть свои объятия ей навстречу. Однако Роза, заметив движение малышки, оказалась расторопнее и успела поймать ее раньше. Она почти грубо схватила Эффи и вернула на скамейку, превратив ее в покорную пленницу. И как бы скрепляя этот акт присвоения, глаза Розы ярко вспыхнули — сверкнули всего на мгновение, но взгляд их был подобен выстрелу. Однако на ясном лице Джин не появилось никаких признаков возмущения — эта выходка Розы лишь побудила ее обратить приветливый взор на Денниса, которого она наконец признала.

Деннис же, судя по его виду, на миг растерялся

и не находил слов, чтобы со своей стороны должным образом ее поприветствовать. Это внушило Джин уверенность, что своим появлением она помешала каким-то глубоко личным объяснениям; поэтому, удвоив учтивость, она произнесла:

— Вы, может быть, меня помните. Мы были здесь вместе…

— Ровно четыре года тому назад, — вставила Роза вместо Денниса с мягкостью, призванной, вероятно, загладить возможное впечатление от того, как она заграбастала ребенка. — Мы с мистером Видалом как раз говорили о вас. Он здесь впервые с того времени и решил нас навестить.

— Тогда ему наверняка есть о чем с вами поговорить, а я так грубо вам помешала. Прошу меня простить, я сейчас уйду, — обратилась она к Деннису, — я только пришла за девочкой.

Джин снова повернулась к Розе.

— Боюсь, ей пора домой.

Роза сидела на скамейке, как королева-регентша с маленьким сувереном на коленях.

— То есть я должна ее вам отдать?

— Вы же знаете, я отвечаю за нее перед Горэм, — ответила Джин.

Роза мрачно поцеловала свою маленькую подопечную. Та же, оказавшись в центре проти-

востояния и предвкушая развлечение, которое этот спор ей доставит, с готовностью взяла на себя роль бесстрастной красавицы на рыцарском турнире. Она была уже достаточно взрослой, чтобы испытывать интерес к подобным коллизиям, но слишком юной, чтобы как-либо судить о происходящем. Колени очередной опекунши служили средоточием ее маленького детского мирка, и она восседала на них, прелестная, словно Елена на стенах Трои.

— Но я-то несу ответственность не перед Горман, — чуть погодя возразила Роза.

Джин добродушно спросила:

— Перед мистером Бримом?

— Сейчас расскажу, перед кем. — И Роза многозначительно посмотрела на Денниса Видала.

Хотя две умные молодые девушки поочередно улыбались ему, он все не мог настроиться на шутливый лад и стряхнуть с себя странное ощущение, возникшее в результате разговора со старшей из них. Он неловко огляделся, как и четыре года назад, в поисках шляпы, которая после подобных разговоров всякий раз оказывалась в самых необычных местах.

— Я пойду в Баундс, — сказал он Розе и на прощание пояснил Джин: — Я остановился в другом

доме.

— Правда? Мистер Брим не говорил мне об этом. Но получается, что я вас прогоняю, а так не должно быть. Вам наверняка надо много о чем поговорить с мисс Армиджер, не то что мне. Я ведь пришла, только чтобы забрать Эффи, — повторила Джин.

Деннис, отряхивая найденную шляпу, тихонько рассмеялся в ответ.

— Как видите, быстро вы отсюда не уйдете!

Роза великодушно помогла ему закончить разговор:

— Теперь я хотела бы скорее поговорить с мисс Мартл, чем с вами. Думаю, того, что я вам уже сказала, вполне достаточно.

— Да, спасибо… Вполне достаточно. Я пойду.

— Вы не хотите сначала навестить миссис Бивер?

— Не сейчас, я зайду к ней вечером. Спасибо, спасибо! — повторил Деннис с внезапным преувеличенным оживлением, желая, по всей вероятности, таким образом сохранить декорум — выразить признательность Розе за ее помощь и, в порядке взаимности, прикрыть ее на случай, если она допустит в своем поведении какую-либо промашку.

Приподняв шляпу, он спустился по склону и исчез, оставив наших молодых леди один на один.

В сложившейся ситуации они обе по-прежнему могли бы чувствовать неловкость, не предприми Роза немедленных мер, чтобы ее развеять.

— Вы должны доставить мне удовольствие и первой услышать об одном близко касающемся меня деле. — Она помолчала, выжидающе глядя на собеседницу, затем продолжила. — Я помолвлена с мистером Видалом.

— Помолвлены? — Джин чуть не подскочила; от облегчения она вся вспыхнула, как факел.

Роза встретила столь искреннее выражение чувств смехом.

— Он прибыл всего полчаса назад с единственной целью сделать мне это предложение — как видите, много времени не потребовалось. Я только что имела честь ответить ему согласием.

Джин подошла к скамейке так близко, что, хоть она и была все еще слегка шокирована тем, как обошлись с ее маленькой подружкой, ей ничего не оставалось, кроме как сесть самой.

— Это очень мило… Я вас поздравляю.

— Очень мило с вашей стороны за меня порадоваться, — ответила Роза. — И, заметьте, вы первая, кто об этом узнаёт.

— Мне это лестно, благодарю, — сказала Джин. — Но у вас был такой важный разговор, а тут явилась я и помешала вам!

— По счастью, вы нас не прервали. Мы всё успели решить до вашего прихода. Он получил ответ, на который рассчитывал.

— Если бы я знала, я бы поздравила мистера Видала, — продолжала Джин.

— Вы бы его перепугали до потери сознания — он ведь жутко застенчив, — рассмеялась Роза.

— Да, по нему видно, что он жутко застенчив, но главное, — наивно заметила Джин, — что эта жуткая застенчивость не помешала ему вернуться к вам.

Роза продолжала веселиться:

— О нет, я не имею в виду, что он застенчив со мной! Со мной он держится так же уверенно, как, например, я с вами.

Джин за все это время ни разу не дотронулась до ребенка, Роза же без конца разравнивала ленточки на платьице Эффи, как бы желая загладить свою недавнюю бесцеремонность.

— Вы решите, что это многое объясняет, — добавила она. — Мне нетрудно представить, какой вам видится моя откровенность. Но я, конечно, ужасно нескромна — как и всегда.

Джин с тоской наблюдала, как чужие руки слегка, будто играючи, то здесь, то там прикасались к украшениям детского наряда.

— Если вы позволите и мне быть откровенной, я скажу, что считаю вас очень храбрым человеком. Этим я восхищаюсь больше всего на свете, потому что себя саму я вовсе не считаю такой уж храброй. Однако могу вам обещать, что вы тоже первой узнаете о моей помолвке, стоит ей случиться.

— Но именно помолвки, к сожалению, и не будет!

Роза, закончив прихорашивать ребенка, снова с удобством откинулась на спинку скамейки.

— Вы не хотите, чтобы я с вами об этом говорила? — спросила она.

Джин смутилась. Лишь теперь, когда неосторожные слова уже слетели с ее губ, она осознала, как ясно говорят они о том, что сцена с Полом Бивером очень мало затронула ее чувства. Покраснев, Джин ответила:

— Я не знаю, что вам известно.

— Мне известно все, — бросила Роза. — Мистер Бивер мне уже все рассказал.

Румянец Джин стал ярче.

— Значит, мистеру Биверу уже все равно!

— Вам же лучше, дорогая! Но позволите ли вы поделиться с вами, — продолжала Роза, — насколько не все равно мне самой?

Джин снова смутилась, но даже в смущении оставалась непринужденной и благожелательной.

— Я не совсем понимаю, почему вы должны мне что-либо говорить по этому поводу или почему я обязана вас слушать. Очень мило, что вы проявляете интерес…

— Мило-то мило, однако это не мое дело, я правильно вас понимаю? — перебила Роза. — Ответ, без сомнения, вполне естественный. Не спорю, я переходила границы благоразумного, питая надежду, что вы примете предложение Пола Бивера, и, более того, можно сказать, публично эту надежду выражая, и вы вольны ставить мне это в вину. Но позвольте вам сказать, что переходила я их не столько в действительности, сколько лишь по видимости. Есть одно благоразумие и другое благоразумие — все дело в мотиве. Вероятно, вы догадаетесь о моем, когда поймете, какое облегчение приносила мне мысль, что вы непременно отдадите свою руку Полу. Рука у вас очень маленькая и миленькая, но ее возможности намного превышают ее размер и даже красоту. Я

совсем не собиралась вмешиваться в ваши дела — они не более чем часть картины. Меня интересовало лишь то, как ваш брак повлияет на дела других. Еще я хочу сказать, — мягко и неумолимо продолжала Роза, тогда как Джин, внимательно вслушиваясь в ее слова, дышала все тяжелее и, будто чувствуя нарастающую боль, отводила взгляд от прекрасной белой подвижной маски, чья мимика говорила о смысле сказанного столько же, сколько и произнесенные вслух слова, — еще я хочу сказать, как поражает меня ваша несправедливость по отношению ко мне. Вы запрещаете даже намек на то, что, в конце концов, имеет так много общего с фактом — относящимся уже к моей собственной ситуации, — по поводу которого вы без всякого стеснения выказали безудержную радость. Вы рукоплещете тому, что я — уж простите меня за грубость, если я назову вещи своими именами, — ушла с дороги, однако же я сама должна молча страдать, наблюдая, как вы ступаете по ней уверенней, чем когда-либо.

Джин вновь повернула к собеседнице растерянное и встревоженное лицо. Она беспечно ступила в воду, надеясь ощутить под ногами дно, и вдруг обнаружила, что ее подхватило и тащит на глубину стремительное течение — холодный

и мощный поток, уносящий в открытое море. «Где это я?» — казалось, вопрошало в эту минуту ее испуганное молчание. Однако острый ум Джин пришел ей на помощь, и она заговорила — судя по звучанию ее голоса, явно стараясь унять сердцебиение.

— Вы называете вещи, конечно, невероятными именами, но я в любом случае понимаю вас достаточно, чтобы напомнить: я лишь поддержала разговор о вашей помолвке, подняли эту тему вы.

Роза на секунду замолчала, но она явно не сомневалась в твердости почвы, на которой стояла. В этом была ее сила: Роза была настолько же спокойна, насколько ее собеседница встревожена.

— Я подняла эту тему по двум причинам. Во-первых, внезапно свалившись нам на голову ни раньше, ни позже, а именно в тот момент, вы предстали перед нами в роли любопытствующей особы, и не удовлетворить ваше любопытство было бы в высшей степени невежливо. Во-вторых, я хотела узнать, удастся ли вам сдержать ликование.

— Так, значит, вы говорили неправду? — спросила Джин с поспешностью, говорившей о том, как мало она владеет собой.

— Вы опять за свое! — рассмеялась Роза. — Осознаете ли вы, что ваши подозрения уже почти на грани приличия? Однако я не расставляла перед вами ловушку с полностью выдуманной наживкой, вовсе нет. Мистер Видал действительно вновь надавил на меня; чего не было, так это моего окончательного ответа. Но так как я собираюсь его дать в самое ближайшее время, вы можете рассказывать об этом кому хотите.

— Я вполне могу оставить за вами право самой объявить всем об этой новости! — парировала Джин. — Однако мне будет жаль, если вы сочтете, что я отнеслась к вам с недостаточным доверием, и это даст вам повод сетовать на мои манеры — в отношении которых вы подаете мне высочайший пример редким совершенством своих собственных. Позвольте мне на этот случай, чтобы исключить подобную возможность, уверить вас, что я ни при каких обстоятельствах — никогда-никогда — не намереваюсь выходить замуж. Если знание об этом принесет вам удовлетворение, я буду только рада. Потому я надеюсь, — закончила Джин тоном, поразившим ее собственный слух торжественностью, которая никогда прежде не была ей свойственна, — потому я надеюсь, что вы любезно согласитесь

выполнить мою просьбу.

Бедной девушке суждено было увидеть, что если ее речь и произвела впечатление, то только на нее саму. Роза даже не шевельнулась, только переложила руки на плечики Эффи, тогда как эта юная леди взирала на свою старую подругу круглыми отрешенными глазами. Она следила за разговором в достаточной степени, чтобы удовлетворить любопытство, но в недостаточной, чтобы что-то понимать или перенимать волнение сторон.

— Я полагаю, вы считаете за должное, что я вам уступлю, учитывая, как долго вы трудились над тем, чтобы создать впечатление, которое, к вашему счастью, еще никто не опроверг: уверенность, что только в ваших руках девочка будет в безопасности. Все же я осмелюсь его опровергнуть, ведь безопасность Эффи — совсем иное дело с того самого момента, как перед вами открывается простор для беспрепятственных действий — вы уж извините, что я по-прежнему придерживаюсь такой точки зрения. Цена моего «знания» — используя вашу формулировку, — что вы никогда не выйдете замуж, ровно такова же, какова цена ваших слов об этом. Насколько велика эта чудная цена, судить лишь вашей совести. Вы говорите

слишком много — больше, чем я прошу, и больше, чем при всем желании могу воспринять всерьез. Тем самым вы несправедливо выносите за скобки то, что всегда должны держать в уме, — возможное исчезновение главного препятствия. Меня это не интересует; я выйду замуж, как уже имела честь вам сообщить, без мыслей о препятствиях и их вероятном исчезновении. В этом заключается разница между нами, и она, как мне кажется, меняет все. Раньше я вела себя тактично — теперь во мне остался один лишь страх.

Джин поднялась на ноги еще до того, как речь Розы зашла так далеко, однако, хоть она уже и отступила на несколько шагов, бессильное смятение приковало ее к месту и заставило дослушать до конца.

— Боже упаси, чтобы вы стали мне понятны, — Джин тяжело дышала. — Я могу сказать только, что ваши речи и мысли ужасны, к тому же вы откровенно ищете ссоры со мной, чтобы извлечь выгоду, а в чем она состоит, я не понимаю и понимать не хочу.

Обе женщины теперь были бледны как смерть, и Роза после столь пылкой отповеди со стороны Джин тоже поднялась на ноги. И смысл, и тон сказанного были таковы, что Джин оставалось

только удалиться. Она немедленно пошла прочь, однако, сделав шагов десять, обернулась, чтобы бросить взгляд на младшую участницу их трио. Девочка стояла рядом с Розой, та держала ее за руку. То ли из нежелания омрачать этими дрязгами ее детскую невинность, то ли из инстинктивного стремления в любой ситуации играть по правилам, Джин до сих пор даже не пыталась переманить Эффи на свою сторону ни жестом, ни хотя бы одним-единственным брошенным исподтишка взглядом. Теперь она все же рискнула обратиться к ней с немым призывом, и столь же безгласный ответ, прочитанный ею на лице девочки, внезапно исторг из груди Джин слепую, безрассудную мольбу. Она ослабела — и сломалась.

— Я умоляю вас, отдайте мне ее.

Роза Армиджер всем своим видом давала понять, что глубоко удовлетворена поражением Джин.

— Я вам ее отдам при одном условии, — помолчав, ответила она.

— Каком условии?

— Что вы прямо здесь и сейчас отречетесь от того единственного чувства, которое переполняет вашу душу. О, и не смотрите на меня так

удивленно и бессмысленно, — насмешливо продолжала Роза, — не смотрите на меня так, будто не понимаете, что я имею в виду! Откажитесь от него! Отступитесь, и я больше даже не притронусь к ней!

Джин смотрела на Розу в мрачном оцепенении.

— Я знаю, что вы имеете в виду, — в конце концов выдавила она из себя, — и не могу сделать того, что вы от меня требуете. Я не могу «отречься», «отказаться», «отступиться» ровно так же, как не могу надеяться, мечтать, думать, что настанет час, и я смогу хотя бы высказать вслух!.. — Затем произнесла — и слова ее, полные горькой растерянности, были настолько лишены малейшего оттенка пошлой гордости, что в них слышалась скорее даже нота сочувствия к столь глубокой человеческой извращенности: — Именно поэтому она мне так дорога!

— Потому что вы обожаете его, а она — его дочь?

Джин вздрогнула, но уже не могла остановиться:

— Потому что я обожаю его, а она — его дочь.

— Мне же она дорога по иной причине, — заявила Роза. — Я обожала ее бедную мать, а она

— ее дочь. На том я стою, отсюда моя любовь и моя вера.

Роза снова подхватила Эффи. Сильными руками прижав девочку к себе, она, как бы совершая некое священнодействие, наградила ее долгим поцелуем.

— Раз тебе уже пора, моя милая, моя хорошая, я отнесу тебя в постельку — как относила твоя дорогая покойная мамочка!

Она быстро спустилась со своей ношей вниз по лужайке и исчезла за поворотом. Джин стояла и смотрела им вслед, пока Роза не скрылась из виду, затем подождала, пока та, как обычно, не появится посередине моста, в верхней его части. Она увидела, как Роза там остановилась, увидела, как она, торжествуя — нагло, напоказ, — вновь, в знак обладания, прижалась лицом к лицу девочки. После чего они спустились к дальнему концу моста и окончательно пропали из поля зрения. Джин, сделав несколько нетвердых шагов по лужайке, остановилась — только что пережитое столкновение оставило послевкусие, от которого ее буквально мутило, — и направилась к ближайшему креслу. Оно стояло рядом с пришедшим в полный беспорядок чайным столиком миссис Бивер. Сев в кресло, Джин оперлась обеими руками

на стол и устало опустила голову.

## XXVI

Спустя некоторое время Джин почувствовала чье-то приближение, подняла голову и увидела Пола Бивера. Он возвращался в сад, но при виде ее встал как вкопанный. Она же, заметив его, в испуге вскочила на ноги: минуту тому назад она была уверена, что за ней никто не наблюдает, и теперь боялась, что он увидел ее такой, какой никто никогда не видел. Но когда Пол склонил к ней свое доброе некрасивое лицо, напряженность Джин сменилась облегчением, и она оставила всякие попытки придать своим чертам безупречно-равнодушный вид. Они молча стояли друг перед другом, объединенные каким-то светлым и грустным чувством, и главным в этом чувстве было странное, но и приятное ощущение, что разрыв только сблизил их. Они теперь знали друг о друге все и, будучи молоды, чисты и добры, могли видеться, не чувствуя неловкости, искренне дружить и находить в этой дружбе поддержку. Полу не нужны были слова, чтобы показать Джин, насколько он благодарен ей за то, что она поняла, почему он так вяло ее добивался, а она смогла с терпением сестры милосердия, входящей в

палату больного, подладиться к его душевному настрою. К тому же, у обоих был опыт тесного общения с матерью Пола — опыт, которым они могли, незамысловато пошучивая, обмениваться. Эта девушка теперь была в состоянии дать милому юноше, которого не любила, больше, чем когда-либо прежде, и мгновение спустя она заметила надежду на это в его испытующем взгляде, устремленном на ее серьезное лицо.

— Я знаю, что мисс Армиджер приходила сюда, и надеялся найти ее здесь, — объяснился он вскоре.

— Она была пару минут назад и только что ушла, — ответила Джин.

— Снова в дом? — Пол, казалось, удивился, что не встретил ее по пути.

— Она ушла в Баундс.

Пол продолжал недоумевать.

— С мистером Бримом?

— Нет, с малышкой.

Удивлению Пола теперь не было предела.

— Она взяла ее с собой?

Джин замешкалась, а потом неловко рассмеялась:

— Взяла, взяла, взяла — взяла на руки и унесла!

Ее собеседник был более серьезен.

— Маленькая дама возраста Эффи должна немало весить!

— Уж я-то знаю, сколько она весит: я тоже держала ее на руках. Мисс Армиджер унесла Эффи, только чтобы не позволить сделать это мне.

— Не позволить вам унести ее?

— Не позволить мне дотронуться до нее и, по возможности, даже смотреть на нее. Мисс Армиджер схватила девочку и убежала — лишь бы та оказалась подальше от меня.

— Зачем бы мисс Армиджер это понадобилось? — поинтересовался Пол.

— Я думаю, об этом вам лучше спросить у нее лично. — Затем Джин добавила: — Как вы и выразились, она взяла ребенка. С этого времени девочка на ее попечении.

— Почему же так вдруг, и именно с этого времени?

— Из-за того, что случилось.

— Между вами и мной?

— Да, это одна из причин.

— Одна из? — рассмеялся Пол. — У нее их так много?

— Она говорит, что есть две причины.

— Две? И она рассказала вам про обе?

Джин видела, что Пол явно озадачен ее недомолвками, но столь же явно пыталась дать ему понять, что недоговаривает из желания щадить его чувства.

— Она рассказала про них совершенно откровенно.

— Тогда в чем ее вторая причина?

— В том, что даже если у меня помолвки не случилось, — Джин осеклась, но затем продолжила: — то, по крайней мере, сама она помолвлена…

— Она сама? Вместо вас?

Недоумение Пола было столь неподдельным, что показалось его собеседнице невероятно комичным, даже несмотря на необходимость достаточно жестоко все ему разъяснить.

— Помолвлена с вами? Нет, мой дорогой Пол, не с вами. С джентльменом, в обществе которого я ее здесь застала. С мистером Видалом, — закончила Джин.

Пол ахнул:

— Вы застали ее в обществе мистера Видала? — Он растерянно огляделся. — Так где же он?

— Пошел в Баундс.

— И она с ним?

— Нет, она отправилась туда позже.

Пол все еще стоял, уставившись на Джин.

— Откуда он, черт подери, сюда свалился?

— У меня нет ни малейшего представления.

Молодого человека внезапно озарило.

— Точно, я же видел его, он тут сидел с мамой! Он был здесь, когда я пришел с реки, — он одолжил у нас лодку.

— Но вы не знали, что это он?

— У меня и в мыслях этого не было — и мама ничего не рассказала.

Джин на мгновение задумалась.

— Она чего-то боялась. А я, как видите, нет.

Пол Бивер повторил слово, продолжавшее звенеть у него в ушах; голос его звучал теперь еще жалобней:

— Она *помолвлена*?

— Так она мне сказала.

Маленькие глаза Пола глядели на Джин с таким искренним изумлением, что его можно было принять и за недоверие. Затем он отвел взгляд от нее и стоял, глядя куда-то вдаль, погрузившись в свои переживания. Джин, полная сочувствия, подошла ближе к Полу; он вновь посмотрел ей в глаза и увидел в них слезы — слезы, которых не властно было вызвать поражение, пережитое ею самой.

— Это так странно! — воскликнул он.

— Мне пришлось причинить вам боль, — сказала она. — Мне очень жаль.

— О, не берите в голову! — улыбнулся Пол.

— Вы должны были узнать об этом от нее лично.

— От нее? Ну нет, такого я бы не хотел! Вы ведь понимаете, что я мог бы сказать ей на это?

И он неловким движением приложил к одному из своих маленьких глаз громадный большой палец. Джин протянула ему руку.

— Вы ее любите?

Пол смущенно взял руку Джин, даже не встретившись с ней взглядом. Вдруг до него будто дошло нечто важное, и он выпалил с простодушной поспешностью:

— Я ведь никогда не говорил об этом!

Улыбка Джин была слабой, но вместе с тем очень доброй.

— Потому что тогда наш с вами разговор еще не состоялся?

Она не выпускала его руку.

— Дорогой Пол, я хочу еще раз сказать вам: вы прекрасны!

Он смотрел на нее во все глаза, еще не решаясь принять ее похвалу всерьез, а затем с той же торопливой откровенностью воскликнул:

— Понимаете, она-то это знает, а что толку?!

Джин рассмеялась и выпустила его руку, что, однако, не ослабило серьезности повторенных ею слов:

— Мне очень жаль.

— Все в порядке! Ничего, если я закурю? — спросил он.

— Курите сколько хотите. Но мне придется вас покинуть.

Пол зажег спичку и остановился.

— Потому что я закурил?

— Боже мой, нет. Просто мне надо сходить проведать Эффи.

С тоской посмотрев в сторону дома своей маленькой подруги, Джин продолжила размышлять вслух:

— Я каждый день желаю ей спокойной ночи и не понимаю, почему именно сегодня, в день ее рождения, я должна от этого отказаться.

— Ну, тогда пожелайте ей спокойной ночи и от меня.

Она прошла полпути вниз по склону; Пол двинулся в том же направлении, усиленно попыхивая сигаретой. Вдруг он остановился и резко спросил:

— Его приютил Тони?

— Мистера Видала? По-видимому, так.

Пол выпустил дым и немного постоял, раздумывая.

— И она пошла теперь повидаться с ним?

— Может быть, и ради этого тоже.

Пол снова помедлил.

— А они времени зря не теряют!

— Действительно, все вышло очень быстро.

Джин было снова двинулась, но он остановил ее вопросом:

— Какое он… какое все-таки отношение то, о чем вы говорите, имеет к ее желанию вмешаться в?..

Он оборвал себя на полуслове, будто оказавшись в присутствии чего-то тягостно-таинственного.

— В отношения, которые сложились с ребенком у кого-то другого? О, если у вас к ней действительно такие чувства, — она помедлила, — не спрашивайте меня. Спросите ее!

Джин пошла своей дорогой, а Пол, стоя в задумчивости, ждал, когда она появится в верхней точке арки моста. Однако минуты проходили, а она все не появлялась, и тогда Пол, отяжелевший и опустошенный, вернулся туда, где встретился с ней. Он смотрел в другую сторону и поначалу не видел, как пришла Мэннинг с одной из сво-

их помощниц, чтобы унести в дом все чайные принадлежности. Затем повернулся и, стоя поодаль, неподвижный, точно вросший в лужайку, с неестественно пристальным вниманием следил за их передвижениями. Женщины сновали взад и вперед, убирая со стола; Пол задумчиво и рассеянно наблюдал за ними. Затем, закурив новую сигарету, увидел, как из дома, дабы проконтролировать их работу, вышла мать. Она подошла и дала пару указаний, после чего, присоединившись к Полу, заметила, что маленькая компания, собравшаяся у нее в саду, вся куда-то испарилась.

— Что такое со всеми стряслось?

Пол ответил медленно, но вполне отчетливо:

— Касательно того, что стряслось со мной, думаю, после нашего последнего разговора вам все прекрасно известно.

Она внимательно посмотрела на него, и лицо ее смягчилось:

— Ради всего святого, что с тобой?

Он безмятежно курил.

— Меня ударили по голове.

— Не знаю, на что ты намекаешь, но все это чепуха! — она вновь его оглядела. — Пол, ты не заболел?

— Я в порядке, — философски ответил он.

— Тогда поцелуй свою старую мамочку.

Он подчинился и молча, торжественно ее поцеловал, однако после этого она еще какое-то время пристально смотрела ему в лицо. Затем ободряюще похлопала по плечу.

— Ты стоишь их всех!

Пол никак не отреагировал на материнский комплимент, лишь спустя несколько секунд неловко заметил:

— Я не знаю, где Тони.

— И без Тони обойдусь, — отозвалась его мать, — но где его ребенок?

— Мисс Армиджер понесла ее домой.

— Отлично! — миссис Бивер с явным одобрением отнеслась к столь доблестному деянию. — Она была тут, когда ты пришел?

— Нет, мне об этом сказала Джин.

— Джин была здесь?

— Да, но она ушла туда же.

— В Баундс… После всего, что случилось? — казалось, миссис Бивер в первый момент не поверила словам Пола, но затем лицо ее вновь посуровело. — Что ей взбрело в голову, во имя всего святого?

— Она хотела пожелать Эффи спокойной ночи.

Миссис Бивер с минуту помолчала.

— Боже, как бы я хотела, чтобы она оставила Эффи в покое!

— А что, разве на этот счет не может быть разных точек зрения? — снисходительно спросил Пол.

— Точек зрения может быть, без сомнения, сколько угодно — но требованиям благопристойности отвечает только одна.

Чудовищность допущенной девушкой ошибки, казалось, разрасталась на глазах.

— Мне стыдно за нее! — заявила миссис Бивер.

— Ну а мне нет! — тихо ответил Пол.

— О, ты-то, конечно, будешь ее защищать!

Раздосадованная ответом Пола миссис Бивер в один скачок преодолела расстояние до места, откуда ей стал виден объект, узрев который она застыла на месте, и эмоции ее забушевали с новой силой.

— Ба, да это же лодка!

— Мистер Видал вернул ее, — сказал Пол.

Она удивленно обернулась к нему.

— Ты его видел?

— Нет, мне об этом сказала Джин.

Хозяйка Истмида не сводила с Пола глаз.

— Она его видела? Боже мой, где же в таком

случае его носит?

— Он остановился в Баундсе, — сказал Пол.

Изумление его матери лишь усилилось.

— Он уже там?

Пол затянулся сигаретой, после чего продолжил объяснение:

— Мистер Видал на решения скор: сказано — сделано. Они уже помолвлены.

Миссис Бивер, озадаченная, растерянная, упала на скамейку.

— С Джин?

— С мисс Армиджер.

Она раздраженно тряхнула головой.

— Разве это новости? Они уже пять лет как помолвлены!

— Значит, они все еще помолвлены. Они помирились.

Миссис Бивер поднялась на ноги.

— Она с ним виделась?

В этот момент показался Тони Брим, быстрым шагом идущий к ним по лужайке, и ответ Пола повис в воздухе. Молодой человек затушил окурок сигареты и отвернулся в заметном волнении.

## XXVII

Хозяйка Истмида довольно мрачно взглянула на своего соседа.

— Она с ним поговорила. Они все уладили.

Тони выслушал эту новость, затаив дыхание от любопытства, но решил уточнить:

— То есть они снова вместе? Все хорошо?

— Можно и так сказать, если вам угодно. Я про все это знаю лишь со слов Пола.

Пол, который уже собрался было уходить, резко обернулся:

— Я и сам знаю только то, что сказала мне Джин.

Тони посмотрел на своего юного друга, и лицо его с почти комической быстротой приобрело сочувственное выражение.

— Да нет, старина, думаю, так оно и есть. Я видел, как они встретились, — пояснил он, обращаясь к миссис Бивер, — было вполне очевидно, к чему все идет.

— Признаюсь, я ничего такого и предположить не могла, — ответила миссис Бивер и добавила: — Кто-то должен был сделать решительный шаг!

— Весьма решительный — и шаг этот сделала

Роза! — засмеялся Тони. — Все хорошо, что хорошо кончается!

Поглядев, как Тони утирает пот с разгоряченного лба, миссис Бивер вдруг осознала, что нечаянно всколыхнула в нем чувства более сильные, чем намеревалась.

— Совершенно потрясающая девушка, — продолжал Тони. — Как ловко она все это вон там провернула, и ведь без всякой подготовки, — он мотнул головой в ту сторону, где было совершено славное деянье. — В своем роде феноменально, редко такое увидишь.

Его восхищение достижениями Розы не знало пределов; в лихорадочном восторге он обернулся к растерянному Полу, толком не замечая, что написано у того на лице.

— Клянусь честью, в ней больше ума и внутренней силы, чем в… да в ком угодно!

— Да-да, все мы знаем, что ума у нее хватает! — не утерпев, буркнула миссис Бивер.

Ликование Тони тем не менее переливалось через край — он был практически вне себя от радости.

— Я тоже думал, что знаю, но она превзошла все мои ожидания! — Он снова обратился к Полу: — Она сама вам сообщила? С обычным своим

хладнокровием?

Пол промолчал: он был слишком занят тем, что закуривал очередную сигарету. Бросив на сына быстрый взгляд, мать ответила за него:

— Разве вы не слышали? Он сказал, что узнал обо всем от Джин.

— А, от Джин! — лицо Тони помрачнело. — Она рассказала Джин? — Но, представив эту картину, он снова повеселел. — Как мило с ее стороны!

Миссис Бивер не разделяла его восторга.

— Что же в этом такого милого?

Тони слегка покраснел, но мгновение спустя продолжил с тем же пылом, не в силах сдержать воодушевления:

— Ну, они же не были особенно близки, а тут такой знак доверия. — Он поглядел на часы. — Они оба сейчас у вас в доме?

— Не у меня — у вас.

На лице Тони отразилось удивление:

— Роза и Видал?

Пол наконец подал голос:

— Джин тоже там — отправилась за ними следом.

Тони на секунду задумался.

— Джин? За ними? Давно?

— Минут пятнадцать тому, — ответил Пол.

— Вы уверены? — удивился Тони. — Сейчас их там нет.

— Откуда вам знать, если вы и сами не были дома? — спросила миссис Бивер.

— Я только что был там — всего пять минут назад.

— Тогда почему вы сюда пришли?..

— Не с той стороны? Нанял экипаж. Я тут должен был кое с кем побеседовать, но по глупости забыл дома одну важную бумагу. Без нее разговор не заладился, так что мне пришлось за ней возвращаться, а собеседник мой торопился на поезд, так что я его догнал уже возле станции — едва успел проводить! И после сразу поспешил к вам. Нет, — Тони покачал головой, — в Баундсе ни души.

Миссис Бивер посмотрела на Пола:

— Где же тогда Эффи?

— Разве Эффи не здесь? — спросил Тони.

— Мисс Армиджер повела ее домой, — сказал Пол.

— Вы видели, как они уходили?

— Нет, но Джин мне сказала.

— Где же тогда мисс Армиджер? — поинтересовался Тони. — И где сама Джин?

— Где же Эффи — вот главный вопрос, — сказа-

ла миссис Бивер.

— Да нет, — рассмеялся Тони, — главный вопрос — где Видал? Его-то я ведь и хотел тут застать. Дело в том, что я ему предложил остановиться у меня, он ответил согласием, но так и не объявился, вот я и поехал сюда со станции, чтобы его перехватить.

Миссис Бивер выслушала его слова, но ничего не сказала.

— Мистер Видал в состоянии сам о себе позаботиться. Однако где же Эффи, если не дома? — Миссис Бивер продолжала допытываться у сына. — Ты точно помнишь, что сказала Джин?

Пол задумался, припоминая.

— Совершенно точно, маменька. Она сказала, что мисс Армиджер унесла малышку.

Тони заволновался.

— Ведь Роза мне говорила, что именно так и собиралась сделать. Значит, они всего лишь в саду — просто еще не зашли домой.

— Долго же они гуляют! — заметила миссис Бивер. — Мне было бы куда спокойнее, если б я знала, что ребенок уже в постели.

— Как и мне, — сказал Тони с едва заметным раздражением. — Но и привычку суетиться — я бы даже сказал, паниковать, — стоит на минуту

потерять ребенка из виду, я не одобряю, хоть так и повелось испокон веков.

В его словах звучала чуть ли не обида на миссис Бивер за то, что она своим беспокойством мешает ему радоваться за Розу. Секунду спустя, правда, он сообразил, что не мешало бы проявить больше такта по отношению к молодому человеку, чьи надежды недавно оказались разбиты, и спросил Пола:

— Но вы, дорогой друг, во всяком случае, видели, как Джин уходила?

— Ну да, видел.

— И из ее слов вы поняли, что Роза и Эффи ушли вместе с Видалом?

Пол попытался вспомнить.

— По-моему, мистер Видал ушел раньше.

Тони немного подумал.

— Спасибо, дружище, — сказал он и добавил с тем преувеличенным оживлением, которое удивило бы его собеседников, если б не было неотъемлемым свойством его манеры разговора: — У них там, в саду, наверное, веселый пикник. Пойду погляжу.

Миссис Бивер, наблюдавшая за мостом, объявила:

— А вот и Роза, сейчас она все нам расскажет.

Тони поглядел в ту сторону, но их общая приятельница уже перешла через мост и скрылась за пригорком. Он обернулся к Полу:

— Вы не откажетесь… э-э… отобедать с нами?

— И встретиться с мистером Видалом? — вставила миссис Бивер. — Бедный Пол, — усмехнулась она, — из огня да в полымя! Вам с вашим гостем лучше отобедать у нас, — добавила она, обращаясь к своему соседу.

— И огонь, и полымя сразу? — с улыбкой спросил Тони у ее сына. — Так вам больше нравится?

Пол, который не двигался с места, стараясь не упустить момент, когда появится Роза, рассеянно покачал головой:

— Мне все едино!

Потом вновь отвернулся, а его мать сказала Тони, понизив голос:

— Он не придет.

— Потому что это ранит его чувства?

— Потому что так будет лучше для всех.

Тони поглядел на Пола.

— Бедолага! Ну ничего, я сумею его приободрить! — И тут же вдруг спросил: — Вы не против, если я с ней об этом поговорю?

— С Розой? Об этой новости? — миссис Бивер пристально посмотрела на него и строго произ-

несла: — Тони Брим, не знаю, что о вас и думать!

Она была близка к тому, чтобы сказать и что-нибудь похлеще, но увидела, что Роза уже поднимается по склону, и поспешила ее окликнуть:

— Вы отвели Эффи домой?

Роза подошла к ним быстрым шагом.

— Нет, не я! Разве она не здесь?

— Ее тут нет, — сказала миссис Бивер. — Где она?

— Боюсь, я не знаю. Я ее отдала.

Услышав отрицательный ответ из уст Розы, Пол резко повернулся к ней, Тони же застыл как вкопанный. Как всегда красивая и обаятельная, хотя и слегка запыхавшаяся, она переводила взгляд с одного лица на другое.

— Вы уверены, что ее тут нет? — Ее удивление казалось неподдельным.

Миссис Бивер, впрочем, была не столь осторожна в выражениях.

— Где же ей быть, когда Джин сказала, что вы забрали ее?

Глаза Розы Армиджер широко распахнулись; она вскинула голову.

— «Джин сказала»? — повторила она, оглядываясь по сторонам. — И где же эта ваша Джин?

— Ее здесь нет — и в доме тоже.

Обращаясь к мужчинам, миссис Бивер повторила вопрос с ноткой вызова, будто он и впрямь мог пролить свет на ситуацию:

— Где она?

— Она пошла в Баундс, — сказал Тони. — Может быть, она там, в саду?

— Пять минут назад ее там не было — я как раз шла через сад.

— Тогда кого же вы там искали? — поинтересовалась миссис Бивер.

— Мистера Видала, — Роза улыбнулась Тони. — Слушайте! — Повернувшись к миссис Бивер, она посмотрела ей прямо в лицо. — И я его нашла. Мы вышли из Баундса вместе.

— И Эффи вы оставили с Джин — все сходится! — произнес Тони, стараясь, как обычно, все расставить по местам.

— Девочка сама к ней пошла — так просилась, — пояснила Роза, обращаясь к миссис Бивер, — что я не смогла устоять.

— Но при этом Джин утверждает обратное? — остолбенев от изумления, спросила та у сына.

Не веря своим ушам, Роза тоже повернулась к Полу:

— Она вам так сказала? Но ведь это неправда.

— Мальчик мой, вы, должно быть, просто не

так поняли, — сказал Тони со смехом. — Дайте-ка мне сигарету.

Глаза Пола, прикованные к лицу Розы, превратились в узкие щелочки, как всегда бывало, стоило ему разволноваться. Он глубоко затянулся дымом, густо покраснел и, прежде чем ей ответить, протянул Тони свой портсигар.

— Мне помнится так: она сказала, что вы пошли в Баундс вместе с Эффи.

От удивления Роза застыла как вкопанная:

— Но ведь она сама забрала ее у меня…

Миссис Бивер вновь обратила ее внимание на слова сына:

— Но когда Джин говорила с Полом, девочки при ней не было!

Роза спросила того напрямую:

— Мисс Мартл была одна, когда вы ее видели?

— Да, совершенно одна. — Пол вконец побагровел, а глаза его сузились еще сильнее.

— Дорогой друг! — в нетерпении воскликнул Тони. — Вы просто забыли!

— Нет, Тони. Я помню.

Роза, помрачнев, угрюмо посмотрела на Пола:

— Куда же тогда, скажите на милость, она подевала ребенка?

— Известно куда: отвела домой! — заявил То-

ни, начиная раздражаться: столько шуму из-за пустяков.

Роза глянула на него с мимолетной вымученной улыбкой:

— Но если девочки там нет…

— Вы сами только что об этом сказали! — напомнила ему миссис Бивер.

Он пожал плечами, как будто объяснений можно было найти сколько угодно.

— Значит, она где-то еще. Там, куда Джин ее отвела.

— Но если Джин была здесь без нее?..

— Это значит, почтеннейшая, что Джин уже вернулась.

— То есть вернулась — и солгала?

Тони залился краской, но сумел удержать себя в руках.

— Моя драгоценная миссис Бивер, Джин никогда не лжет.

— Стало быть, лжет кто-то другой! — напрямик заявила миссис Бивер.

— Я знаю, что это не вы, дорогой Пол! — заверила Роза, встревоженно, но все еще с улыбкой. — Вы своими глазами видели, как она уходила?

— Да, мы расстались на этом месте.

— Давно?

Пол выглядел так, будто на него смотрело по меньшей мере человек пятьдесят.

— Да нет, совсем недавно!

— Как же тогда мы с ней разминулись? — поинтересовалась Роза, обращаясь ко всем троим сразу. — Надо бы ей объяснить свое удивительное заявление!

— Вот увидите, она все легко объяснит, — произнес Тони.

— А где тем временем находится ваша дочь, вам известно? — с досадой спросила Роза.

— Я как раз собираюсь пойти посмотреть.

— Так идите! — ответила она с нервным смешком. По ее бледному напряженному лицу все окружающие могли понять, как ей неприятно его бездействие.

— Я хотел бы сперва сказать, что я правда очень рад за вас. Прошу, не сомневайтесь в моей искренности, — произнес Тони.

Роза ответила не сразу — казалось, ее мысли были где-то далеко:

— Так вы знаете? — Затем она повернулась к Полу: — Она вам сказала? Это всё пустяки, — добавила она в нетерпении. — Главный вопрос, — она снова призадумалась, — где же бедная малышка?

Роза снова обратилась к Полу:

— Вы не могли бы пойти посмотреть?

— Да, дружище, сходите. — Тони хлопнул его по плечу.

— Ступай сейчас же, — вставила его мать.

Пол тем не менее медлил, не сводя с Розы своих почти незаметных щелочек-глаз:

— Я бы тоже хотел сказать…

Она перебила с очаровательным смешком:

— Что вы правда за меня рады, дорогой мистер Пол?

— Прошу вас не сомневаться и в моей искренности тоже. — И Пол с необычайной для него стремительностью зашагал прочь.

— О, я не сомневаюсь — ни в чем и ни в ком. Разве что в… — помедлив, она оборвала себя. — Неважно. Вы сможете меня простить? — спросила она миссис Бивер.

Хозяйка Истмида сурово на нее посмотрела.

— Что не уследили за ребенком? Нет, — отрывисто бросила она, развернулась, подошла к скамье и опустилась на нее, глядя, как две горничные уносят, взяв с двух сторон за ручки, корзину с чайными принадлежностями.

На лице Розы застыло странное выражение, но держалась она прямо, как будто выражая осанкой

решимость проститься с тягостным прошлым. С ноткой мольбы в голосе она тихо сказала Тони:

— Его приезд спутал все карты. Все пошло вверх дном.

— У вас? Вверх дном? Вы были великолепны!

Она посмотрела на него, и воспоминание о случившемся, как луч, пробежало по ее лицу.

— Это вы великолепны! — возразила она. Потом добавила: — А он лучше нас обоих!

— Я еще четыре года назад вам говорил, что он за человек. Он малый что надо.

— Да, — повторила Роза, — что надо. Я тоже что надо… теперь, — прибавила она. — Вы были добры ко мне, — она протянула руку. — Прощайте.

— Прощайте? Вы уезжаете?

— Он увезет меня с собой.

— Но ведь не сегодня же! — Природная доброта Тони, выражавшаяся в интонациях его голоса, казалось, нашла возможность нынче рискнуть и выйти за рамки формальностей, которых он обычно любил придерживаться.

В глубине взгляда Розы читалось понимание этого — отстраненное и ироническое. Однако вслух она чуть слышно сказала:

— Завтра на рассвете. Возможно, мы с вами уже не увидимся.

— Не говорите глупостей! — рассмеялся Тони.

— Хорошо, но только если и вы не будете!

Она застыла на мгновение, глядя под ноги, но вдруг, подняв глаза, сказала резко:

— Вы слишком долго держите меня за руку. Миссис Бивер уже отпустила прислугу и теперь наблюдает за нами.

У Тони был такой вид, точно он и не замечал, что до сих пор держит руку Розы в своей, однако после этих слов он бросил короткий взгляд на означенную особу и, увидев, что та пристально и с откровенной улыбкой смотрит на них, снова сжал ладонь девушки.

— Скажите на милость, как вы умудрились увидеть, что делается у вас за спиной?

— Именно то, что делается у меня за спиной, я и вижу лучше всего. Она смотрит на нас с осуждением.

— Мне на это плевать! — весело заявил Тони.

— Не могу сказать о себе того же!

Роза все же высвободила ладонь. Тони сунул обе руки в карманы.

— Надеюсь, вы позволите мне сказать — самыми простыми словами: я верю, что вы будете очень-очень счастливы.

— Буду — как только может быть счастлива

женщина, которая покинула место службы и вышла в отставку.

— Ах, ваше место службы! — Тони предпочел обратить ее слова в шутку, но тут же добавил: — Ваше место — в Баундсе, который вы обязательно почтите своим присутствием: вот увидите, замужество ничуть вам в этом не помешает!

Она улыбнулась ему:

— Как у вас все ловко получается! — И добавила, задумчиво покачав головой: — Мы покидаем Англию.

— Нет, это у вас все ловко получается! — воскликнул Тони. — Он возвращается в Китай?

— И очень скоро: его дела идут полным ходом.

Тони замялся.

— Надеюсь, ему удалось сколотить состояние.

— Изрядное. Пожалуй, я выглядела бы приличней, будь он беден — не правда ли? Но вы не раз могли убедиться, сколь мало меня заботит, как я выгляжу. Я сомневаюсь, мечусь; я вся здесь, всеми своими мыслями и чувствами, — и вот я уже где-то далеко. Ну, неважно, — повторила она, и спустя мгновение продолжила. — Я принимаю ваши пожелания счастья. Я буду, безусловно, счастлива, как только пойму!..

Нетерпение не дало ей закончить фразу; она

обернулась, чтобы посмотреть на дорогу к другому дому.

— …что с Эффи все в порядке? — Тони увидел, как их посланец уже идет среди кустов. — А вот и Пол, сейчас мы всё узнаем.

Пока он говорил, к ним вновь присоединилась миссис Бивер.

— Это не Пол был на мосту. Это доктор — только без шляпы.

— Без шляпы? — пробормотала Роза.

— Она у него в руке, — бодро заверил Тони, как только их друг вновь оказался на виду.

Однако никакой шляпы в руке у доктора не было. Завидев их компанию наверху пригорка, он вдруг замер, так что Роза успела взволнованно прокричать:

— Эффи там?

Всем также хватило времени рассмотреть, несмотря на расстояние, что волосы доктора растрепаны, а сам он глядит на собравшихся как-то странно; впрочем, это стало очевидно только тогда, когда он сделал резкий жест рукой, словно удерживая их от желания немедленно броситься вниз по склону, которое, как он, по всей видимости, полагал, неизбежно должен был вызвать его вид. Этот жест возымел такое действие, что никто

из присутствующих так и не двинулся с места, пока доктор не поравнялся с ними и не стало видно, что его одежда вся в мокрых пятнах, а на маленьком бледном лице такое напряженное выражение, какого ни один человек в Уилверли прежде не видел.

— Произошло несчастье.

И ничьи уши в Уилверли — а их тут сейчас было целых три пары — прежде не слыхали, чтобы доктор говорил таким голосом.

Все это вызвало секундное замешательство, а потом Тони закричал:

— Она поранилась?

— Она погибла? — воскликнула миссис Бивер.

— Оставайтесь на месте! — строго приказал доктор. Тони рванулся было вперед, но в тот же миг, схваченный за руку, разом ослабел и залился краской, оказавшись лицом к лицу с Розой, запястье которой тоже сжали пальцы доктора. Тот на секунду прикрыл глаза от напряжения, стараясь удержать этих двоих, и нечто большее, нежели просто сила его рук, заставило обоих пойманных с дрожью покориться. — Вы никуда не пойдете! — заявил он, как бы заботясь об их же благе.

— Она мертва? — задыхаясь, произнес Тони.

— Кто с ней? Кто с ней был? — выкрикнула Роза.

— С ней Пол — там, у воды.

— У воды? — взвизгнула Роза.

— Моя дочь утонула? — Тони испустил дикий вопль. Доктор переводил глаза с одного на другую, потом посмотрел на миссис Бивер, которая, выказав достойную восхищения внутреннюю силу — судя по адресованному ей немому, но выразительному движению его маленького подбородка, доктор эту силу в ней распознал, — мгновенно собралась с духом и, бледная, едва дыша, стояла, как бы взывая к нему в ожидании.

— Можно мне пойти? — с достоинством спросила она.

— Ступайте. Но только вы, и никто больше, — добавил доктор, глядя, как она удаляется в сторону берега.

— Никто больше? Тогда где же эта девчонка? — в голосе Розы сквозила ярость.

И с той же яростью она резко дернула рукой, пытаясь высвободиться, но доктор удержал ее, будто хотел защитить от того ужаса, что пришлось испытать ему самому. Он взглянул на Тони, который скороговоркой, почти без выражения, произнес:

— Рэймидж, я потерял свою дочь?

— Вы всё увидите. Мужайтесь. Не ходите туда, пока не надо — я сказал Полу, он сделает, что нужно. Стойте! — снова призвал доктор; но в тот же миг опустил руку, почувствовав, что друг, чье движение он хотел остановить, вовсе не пытается вырваться — движение его было всего лишь дрожью человека, в одночасье обессилевшего и сделавшегося больным от потрясения. Тони будто прирос к земле. С почерневшим лицом он уставился на Розу, к которой доктор обратился с вопросом:

— Кто с ней был, мисс Армиджер?

Голосом, дрожащим от ярости, она спросила:

— Когда это случилось?..

— Бог знает! Она была там, у моста.

— У моста? Там, где я только что шла? Я ничего не видела! — Розу всю затрясло, тогда как Тони лишь молча прикрыл глаза.

— Я отправился сюда, потому что не нашел ее в доме, вышел на берег… а она там… достал ее с лодки, шестом. Она, возможно, уже с полчаса пробыла в воде…

— Как раз полчаса назад она ее забрала! — перебила его Роза. — Ее, что, там нигде нет?

Доктор пристально посмотрел на нее:

— О ком вы говорите?

— О мисс Мартл, о ком же еще — она ведь не спускает ее с рук! — Лицо Розы напоминало маску Медузы. — Куда подевалась мисс Мартл?

Доктор Рэймидж повернулся к Тони, чьи глаза, теперь широко распахнутые, буквально вылезли на лоб:

— Куда она делась?

— Ее там нет? — проговорил Тони с ударением на каждом слове.

— Там вообще никого нет.

— А Деннис? — вырвалось у Розы в недоумении. Доктор уставился на нее.

— Мистер Видал? Нет, слава богу, — только Пол. Так мисс Мартл была с ней? — добавил он требовательно, обращаясь к Тони.

Глаза Тони, казалось, готовы были вылезти из орбит.

— Нет-нет, только не мисс Мартл!

— Но кто-то же был! — возмутилась Роза. — Девочка не могла быть одна!

Тони на мгновение сфокусировал взгляд на ней.

— Только не мисс Мартл, — повторил он.

— Но кто же тогда? И где она сейчас?

— Ее точно здесь нет? — спросил доктор у Ро-

зы.

— Точно. Миссис Бивер была совершенно в этом уверена. Где же она? — прогремели слова Розы.

— Где, во имя всего святого?.. — Обращенный к Тони вопрос вырвался из уст доктора, будто предвестник ужаса еще более невыносимого.

Глаза Тони встретились с пылающим взглядом Розы. Пораженный острой болью, он затих; лицо исказила страдальческая гримаса.

— Полчаса не прошло, — выдавил он наконец.

— С того момента, как это случилось? — Доктор заморгал, пытаясь осознать эти новые сведения. — Но когда же?..

Тони в упор посмотрел на него.

— Когда я там был.

— И когда же?

— После того, как я послал за вами.

— Вы хотели что-то мне передать? — Лицо доктора окаменело. — Но ведь вы не собирались возвращаться.

— Однако же вернулся — у меня была причина. Вы знаете какая, — сказал Тони, обращаясь к Розе.

— Когда вы поехали за бумагой? — Она задумалась. — Но ведь Эффи тогда в доме не было.

— Отчего же? Она была там, только вот мисс

Мартл с ней не было.

— Так, бога ради, кто же с ней был? — воскликнул доктор.

— Я, — сказал Тони.

Роза издала невнятный возглас, как человек, который слишком долго сдерживал дыхание, и так же громко, но еще более ошеломленно доктор выдохнул:

— Вы?

Тони вперился глазами в Розу, будто считал ее вдохи и выдохи.

— Я с ней был, — повторил он, — и больше никого. Так что все, что случилось, — дело моих рук.

Оба ахнули. Тони помедлил, затем перевел взгляд на доктора.

— Теперь вы знаете.

Его собеседники все еще ловили воздух ртом: признание поразило их, как разряд молнии. Потрясенный доктор, шатаясь, отошел от Розы, и та, освободившись, пружинистым движением отпрянула в сторону.

— Боже, прости меня! — провыл Тони и разразился шквалом рыданий.

Он упал на скамью, закрывая руками перекошенное лицо, а Роза, истошно всхлипывая, в смятении бросилась на траву, пока их спутник,

также охваченный ужасом, но сохранивший остатки самообладания, переводил взгляд с одной застывшей в отчаянии фигуры на другую.

# Книга третья

# XXVIII

Старшая горничная Истмида появилась в дверях, ведущих из холла в гостиную, — этот высокий и просторный храм гобеленов и красного дерева, где последние несколько лет миссис Бивер проводила немало времени, всякий раз радуясь тому, что так и не стала поклоняться новым богам. Она ничего не меняла в комнате с самого начала — там было полно унаследованных от свекрови старинных вещей, которые она поначалу, как и полагалось современной молодой женщине, считала прискорбно несоответствующими понятиям о красоте, принятым в кругу ее сверстниц: те, повыходив замуж, именно убранству гостиных стали придавать особое значение. Не нашлось никого, кто раскрыл бы ей глаза на всю прелесть этого наследства, и вовсе не смутные догадки о его ценности побудили ее сохранить обстановку в первозданном виде. Миссис Бивер никогда в жизни не принимала решения, как поступить с тем или иным предметом, руководствуясь соображениями, столь далекими от ее понятий о долге. Все в ее доме покоилось — каждая вещь в раз и навсегда установленном месте и поло-

жении — на прочном основании дисциплины, соблюдаемой из верности этим понятиям. Так что период всеобщего увлечения палисандром она пережила спокойно, хоть и не без некоторого сожаления. Подобно пассажиру экипажа, уцелевшему, когда лошади понесли, потому что он, один из всех, не дергался, но оставался сидеть на месте, она в итоге получила награду за свое терпение. Красное дерево оставалось неизменным, но менялись вкусы людей — и вот уже те, кто, как и миссис Бивер, прежде считал обстановку гостиной скромной и невзрачной, теперь были рады сидеть вместе с ней в старинных креслах. И не кто иная, как Джин, открыла ей глаза — в частности, на массивные темные двери винного цвета, полированные и с серебряными петлями, по поводу которых хозяйка Истмида, однажды придя к унылому заключению, что они «мрачные», в течение тридцати лет не задавалась вопросом (вполне, по ее мнению, благоразумно), соответствуют ли они требованиям хорошего вкуса. Одну из них Мэннинг сейчас и притворила за собой, но замерла, не отпуская дверную ручку, будто прислушивалась к тому, что происходило за такой же дверью напротив. День догорал, но отблески закатного света все еще рдели на небо-

склоне, проникая в комнату через большое окно, распахнутое в сад. Мэннинг ждала, и минуту спустя чуткую тишину ее ожидания нарушил чуть слышный звук: приоткрылась створка напротив, и в комнату заглянула миссис Бивер. Увидев горничную, она вошла в комнату и осторожно закрыла дверь за собой. На ее холодном, но напряженном лице ясно читался немой вопрос.

— Да, мэм, это мистер Видал. Я проводила его в библиотеку, как вы и велели.

Миссис Бивер чуть-чуть подумала.

— Хорошо, пусть побудет там. Я позже с ним здесь поговорю. — Но отпускать горничную она не торопилась. — Мистер Бивер у себя?

— Нет, мэм. Он вышел.

— Только что?

— Раньше, мэм. Сразу после того, как принес…

Миссис Бивер не дала Мэннинг договорить, закончив фразу за нее:

— Бедную малышку, да. Он пошел к мистеру Бриму?

— Нет, мэм. В другую сторону.

Миссис Бивер снова призадумалась.

— А мисс Армиджер у себя?

— Да, в своей комнате.

— Она больше никуда не заходила?

Тут уже Мэннинг помедлила, припоминая:

— Нет, мэм. Она всегда идет сразу к себе.

— Не всегда, — заметила миссис Бивер. — Ну и как там у нее, тихо?

— Очень тихо.

— Тогда позовите сюда мистера Видала.

Когда Мэннинг вышла, миссис Бивер встала перед окном, вглядываясь в густеющие сумерки. Услышав, как снова хлопнула дверь, которую горничная оставила открытой, она повернулась лицом к Деннису Видалу.

— Случилось что-то ужасное? — спросил он с ходу.

— Случилось что-то ужасное. Вы только что из Баундса?

— Спешил, как только мог. Я встретил доктора Рэймиджа.

— И что он вам сказал?

— Что мне надо немедленно сюда прийти.

— Больше ничего?

— Еще — что вы мне всё объясните, — сказал Деннис. — Мне показалось, он был чем-то потрясен.

— И вы не стали его расспрашивать?

— Не стал. Сразу к вам, и вот я здесь.

— Слава богу, вы здесь! — У миссис Бивер вы-

рвался сдавленный стон.

Она хотела еще что-то сказать, но Деннис опередил ее:

— Могу ли я чем-то помочь?

— Можете — хотя какая уж тут помощь. В первую очередь, не задавайте мне никаких вопросов, пока не ответите на мои.

— Так спрашивайте скорее! — воскликнул он в нетерпении.

Его повелительный тон заставил миссис Бивер вздрогнуть, и ему стало ясно, что она в таком состоянии, когда любой резкий звук может вывести из равновесия. На мгновение она сжала губы и закрыла глаза, не без усилий сохранив видимость спокойствия.

— Я в большой беде, и смею надеяться, что вы пришли сюда сегодня потому…

Он перебил еще более нетерпеливо:

— Потому что считаю вас своим другом? Ради всего святого, считайте меня своим.

Не сводя с него глаз, она прижала к губам носовой платок, который перед тем нервно комкала в руках. В глазах ее не было слез — только откровенный ужас.

— Я никогда и ни к кому не обращалась с тем, о чем хочу спросить вас сейчас. Эффи Брим мерт-

ва. — И, глядя, как глаза Видала расширились от ужаса, добавила: — Ее нашли в воде.

— В воде? — ахнул Деннис.

— Под мостом, у того берега. Она за что-то зацепилась, а потом ее течением — оно там небыстрое — прибило к опоре моста. Не спрашивайте меня, как это произошло: слава богу, когда я пришла, малышку уже вытащили на берег. Но она была мертва. — Кивнув в сторону комнаты, откуда недавно вышла, миссис Бивер продолжила: — Мы принесли ее сюда.

Лицо Видала застыло в ужасе от явственно представшей перед ним картины, и потрясенной миссис Бивер на миг показалось, будто в этом лице она увидела зримое воплощение тех страшных слов, которые только что произнесла; отвечая на незаданный вопрос, она поспешила пояснить:

— Чтобы подумать… выиграть время.

Он резко отвернулся, отошел к тому же окну, где недавно стояла она, и замер к ней спиной, оцепенев от ужаса.

По тому, как миссис Бивер смотрела на него, было очевидно, что она тронута его волнением; из уважения к чувствам Денниса она довольно долго не решалась нарушить тишину; потом снова заговорила:

— Как долго вы пробыли в Баундсе вместе с Розой?

Деннис повернулся к ней лицом, но не смотрел ей в глаза и поначалу даже не понял ее вопроса.

— В Баундсе?

— Да, ведь после того, как вы с ней встретились, она же пошла туда вместе с вами.

Он на мгновение задумался.

— Ее со мной не было. Я ушел один — вскоре после того, как привели ребенка.

— Вы были там, когда пришла Мэннинг с девочкой? — удивилась миссис Бивер. — Мэннинг мне об этом не говорила.

— Я увидел Розу на лужайке с мистером Бримом, когда возвращал вашу лодку на место. Он пригласил меня в Баундс, а потом оставил нас одних. Потом привели девочку, и Роза позволила мне ее подержать. Я был там, пока не появилась мисс Мартл, а после ушел — признаюсь, весьма неучтиво.

— Ушли без Розы? — спросила миссис Бивер.

— Да, она осталась с мисс Мартл и девочкой. — Заметив ее реакцию, он добавил: — Вы полагали, что я был с ними?

Прежде чем ответить, его собеседница опустилась на софу и пристально посмотрела на него,

затем промолвила:

— Я скажу вам позже. Так вы их оставили в саду вместе с девочкой? — переспросила она.

— В саду вместе с девочкой.

— То есть вы ее не забирали?

Деннис помедлил несколько секунд: то ли память ему изменила, то ли мужество — но, как бы то ни было, он преодолел все колебания.

— Точно нет. Она была на руках у Розы.

Представив эту картину, миссис Бивер опустила взгляд; затем, вновь подняв глаза, она продолжила:

— Вы пошли в Баундс?

— Нет, свернул с дороги, не доходя. Я собирался туда пойти, но хотел сперва собраться с мыслями. Мне и так было о чем подумать, когда вы сказали, что Роза здесь, а после того, как мы с ней встретились лицом к лицу, поводов для раздумий отнюдь не стало меньше.

Он замялся.

— Я видел ее с ним.

— И что? — подала голос миссис Бивер, когда он снова замолк.

— Я спрашивал у вас, любит она его или нет.

— Ручаюсь, вы сами нашли ответ.

— Нашел, — сказал Деннис.

— И что? — повторила миссис Бивер.

При всем царившем в этот момент напряжении было очевидно, какое облегчение приносит ему эта возможность выговориться.

— В жизни не видел подобного — а я повидал немало.

— Вот и доктор так же говорит!

Деннис замер на миг, глядя на нее, а затем спросил, даже как-то наивно:

— А что доктор говорит, есть у мистера Брима к ней чувства?

— Ни на грош.

— Ни на грош. Должен признать, — промолвил он, — что он повел себя наилучшим образом — я мог видеть это собственными глазами. — Миссис Бивер, изнывавшая от мучительных мыслей, вдруг сдавленно всхлипнула, и, услышав этот звук, Деннис слегка осекся и продолжил с некоторым недоумением: — Вы так не думаете?

— Я скажу вам позже, — ответила она. — Не могу судить его, когда тут такое горе.

— И я не могу. Но я лишь имел в виду то, как он умеет вести себя с женщинами, то, как он вел себя с ней, как он чертовски хорош собой, как он счастлив…

— Счастлив? Помоги ему бог! — Миссис Бивер

вскочила, не в силах усидеть на месте от волнения. Встав перед ним, она молитвенно сложила руки. — Где же, где вы были?

— После того как покинул сад? Я был так расстроен, так разочарован, что не пошел в Баундс. Я закурил сигару, вышел через калитку — ту, что за вашей закрытой беседкой, — а дальше двинулся вдоль реки.

— Вдоль реки? — миссис Бивер была озадачена. — Тогда как же вы не видели…

— …что случилось с ребенком? Потому что, вы говорите, это случилось возле моста, а он остался у меня за спиной.

— Но вы могли видеть…

— Минут пять, — сказал Деннис, — от силы десять. Я прошелся вдоль берега, так и сяк пораскинул мозгами, поглядел на воду и, наконец, перед самым изгибом реки, посидел немного на ступеньках у нового лодочного сарая — ну того, нарядного такого.

— Он безобразный. — Миссис Бивер поразмыслила. — Но ведь от лодочного сарая виден мост.

Деннис задумался.

— Да, там далековато, но кое-что можно разглядеть.

— И вы вообще ничего не увидели?

— Вообще ничего? — повторил Деннис с той же вопросительной интонацией. В замешательстве он снова отошел к окну и уставился вдаль. Небо уже потеряло свой пунцовый оттенок и стало темнеть. Наконец он обернулся. — Нет, кое-что я увидел. Но, прошу, ответьте на пару моих вопросов, прежде чем я расскажу вам об этом.

Миссис Бивер помолчала; они стояли в полумраке лицом к лицу. Потом она медленно страдальчески вздохнула.

— Кажется, вы сможете мне помочь.

— Вот только смогу ли я, — горько проронил он, — помочь самому себе? — Не дожидаясь ответа, он продолжал: — Я вернулся к мосту и, подойдя, заметил, как со стороны вашего сада к нему спускается мисс Мартл.

Миссис Бивер схватила его за руку.

— Без ребенка? — Он молчал так долго, что ей пришлось повторить: — Без ребенка?

Наконец он заговорил.

— Без ребенка.

Ни на кого прежде не смотрела она так, как на него сейчас, и, судя по ее виду, сама это чувствовала.

— Клянетесь честью?

— Клянусь честью.

Она прикрыла глаза, как и в самом начале их разговора, и лицо ее на мгновение снова исказила та же мученическая гримаса.

— Вы мне помогли, — сказала она.

— Что ж, — сказал Деннис без обиняков, — если это вам как-то поможет, сообщаю, что с этой минуты она была со мной…

Едва дыша, она перебила его:

— С вами? До каких пор?

— Почти до этой самой минуты. Мы разошлись у ворот, около сторожки: я направился в Баундс, как и обещал мистеру Бриму, а мисс Мартл…

Она вновь закончила фразу за него.

— Прямо сюда? Слава тебе господи!

На лице Денниса отразилось недоумение.

— Так она пришла и…

— Да, помилуй нас бог, — пришла и увидела этот ужас. Она сейчас с Эффи. Так Джин была с вами? — переспросила она, желая снова услышать ответ.

— Да, с четверть часа — или, может, больше.

После этих слов миссис Бивер вновь рухнула на софу и дала, наконец, волю слезам, которым так долго не позволяла пролиться. Она тихо всхлипывала, стараясь сдерживать рыдания, а Деннис сосредоточенно глядел на нее с бессильным со-

жалением.

— Как только я увидел ее, поговорил с ней — сразу понял, что она мне нужна.

— Нужна вам? — Миссис Бивер подумала было, что все прояснилось, но оказалось, что взор ее все еще затуманивают некие темные пятна.

Он замялся.

— Точнее, нужно то, что я могу от нее узнать. Как я и сказал вам по приезде, я прибыл сюда вовсе не для того, чтобы наблюдать за Розой. Но пока я был там с ними, — он мотнул головой в сторону сада, — случилось кое-что примечательное.

Миссис Бивер снова поднялась на ноги.

— Я знаю, что случилось.

Казалось, он был поражен.

— Знаете?

— Она рассказала Джин.

Глаза Денниса расширились.

— Не думаю.

— Джин вам про это не говорила?

— Ни слова.

— Она рассказала об этом Полу, — произнесла миссис Бивер. Потом, чтобы не ходить вокруг да около, добавила: — Кое о чем очень даже примечательном. О вашей помолвке.

Деннис онемел. Когда же он, наконец, загово-

рил, голос его в сгустившемся сумраке показался еще более странным, чем одолевшая его перед тем немота.

— О моей помолвке?

— Разве вы, с места в карьер, не убедили Розу возобновить ее?

Он снова застыл на время, не в силах вымолвить ни слова. Потом спросил:

— Она так сказала?

— Да, всем и каждому.

Вновь пауза.

— Я бы хотел с ней поговорить.

— А вот и она.

Не успел он договорить, как дверь, ведущая из холла в гостиную, отворилась: на пороге стояла Роза. Будто не заметив хозяйки дома, она обратилась прямо к нему:

— Я знала, что найду вас здесь. Нам нужно поговорить.

Миссис Бивер поспешила к той двери, через которую вошла в комнату, и Деннис вдруг осознал, чего стоят полвека неукоснительного следования порядку.

— Вам нужны свечи?

Роза ответила за обоих:

— Нет, спасибо. — Однако она все еще остава-

лась здесь гостьей. — Могу я ее увидеть?

Миссис Бивер строго посмотрела на нее в полутьме.

— Нет! — сказала она и неслышно выскользнула из комнаты.

## XXIX

Видал понимал, что Роза явилась сюда с определенной целью, ради которой готова была зайти очень далеко — и, очевидно, сделала первый шаг, когда произнесла:

— Зачем вы вернулись ко мне? Зачем вернулись?

Она быстро подошла к нему, но он еще быстрее отступил, увеличивая дистанцию между ними — не иначе как под влиянием двух острых впечатлений: одного — от того, как за какой-то час она успела настолько измениться, что казалась ему теперь совершенно безобразной: очарование, которое прежде манило его, исчезло без следа; другого же — от того, что сейчас она, опустошенная и обезображенная, сломленная натиском жизненной бури, требовала от него большего, чем когда-либо. Вторгшееся в их отношения подобно вспышке пламени осознание чудовищной реальности поразило его, и он с ужасом понял, что выдал свое потрясение в тот миг, когда не нашелся с ответом. Она повторила вопрос, глядя через всю комнату в его лицо, побледневшее при виде того, как внезапно изменилось ее собственное.

— Зачем вы вернулись ко мне? Зачем вернулись?

Он молча таращился на нее; потом простая мысль, что он может отплатить ей той же монетой, будто придала ему сил, и он выговорил:

— К вам? К вам? Да я понятия не имел, что вы здесь!

— Вы ведь приехали, чтобы меня найти? Разве не совершенно очевидно для всех, что вы приехали ради меня?

Он снова шарахнулся к окну, сделав невнятный жест, будто человек, страдающий от невыносимой боли; она же продолжила с явным и сильным напором, но без горячности:

— Именно тогда, когда вы поняли, что я здесь, вы и решили вернуться. У вас была прекрасная возможность не казать сюда носу, узнав об этом, — но вы ею не воспользовались, вы тут же отвергли ее. Вы все взвесили, вы приняли решение, вы настояли на нашей встрече.

Чем больше чувства вкладывала она в свои слова, тем ниже и глуше звучал ее голос; в нем слышалась мягкая, но неотвратимая сила.

— Я вас не звала, я вас не тревожила, я вас оставила в покое и сама была покойна. По собственному желанию, по собственной прихоти

вы свалились мне как снег на голову, вы сразили меня своим появлением. Именно сразили — ведь я говорю с вами на правах побежденной. Но я не думаю, что вы приехали, чтобы меня помучить — а раз вы приехали не за этим, значит, целью вашей было нечто другое.

Слушая это, он постепенно вновь развернулся к ней лицом; она стояла, опираясь на спинку стула, и крепко сжимала ее с двух сторон обеими руками.

— Из всех мужчин, может быть, вы один знаете, что я за человек, и именно к этой особе — какой бы она ни была — вы наконец вернулись из дальних краев. И я рассчитываю, что именно от нее — какой бы она ни была — вы не отступитесь.

— Какой бы она ни была? — с горестным удивлением произнес Деннис. — Помилуйте, мне кажется, что я никогда, вообще никогда не знал ее!

— Что ж, это в первую очередь женщина, которой помощь нужна больше, чем любой другой женщине на земле. — Она с жаром добавила: — А если сама я вам не нужна, то с какой же стати вы заявились ко мне?

Какое-то время Деннис ходил кругами по комнате, будто Розы тут вовсе не было; он двигался в

тупом отчаянии, точно человек, который только что столкнулся с величайшей в жизни опасностью и пытается нащупать путь к спасению наугад, теряя драгоценные минуты. Было видно: он отступил инстинктивно, желая избежать участи взятой штурмом крепости, но достиг лишь того, что, держась на расстоянии от Розы, продолжал вращаться вокруг нее, сам того не замечая. В конце концов он замешкался и остановился перед ней.

— В чем же причина такой отчаянной нужды во мне, о которой вы говорите? Разве не вы говорили всего час назад, как ничтожно мало нуждались во мне при нашей прошлой встрече?

Ее глаза изумленно распахнулись в полумраке.

— Как вы можете вменять мне в вину то, что я сделала час назад? Как вы можете попрекать меня тем раскаянием, которое, казалось, так тронуло вас — которое и правда вас тронуло? Значит ли это, — продолжала она, — что вы, несмотря ни на что, сделали теперь иной выбор, который кажется вам более достойным вашего мужества? Неужели те унижения, что мне пришлось испытать при моем чистосердечном покаянии, только приблизили мое падение от вашей руки? Я дала вам шанс мне отказать — и вернуться вам имело

смысл лишь для того, чтобы честно и благородно им воспользоваться. А в данном случае вы несправедливы по отношению к своей мести. Чем она вам не нравится? Какие недостатки находите вы в чем-то настолько безупречно задуманном?

Деннис слушал, отведя глаза, и, когда снова встретил ее взгляд, то, как если бы вовсе не слышал того, что она сказала, лишь повторил свои предыдущие слова:

— В чем же причина такой отчаянной нужды? В чем же причина? — он напирал на слова так, точно в этом было его спасение. — Я не имею ни малейшего понятия, почему дело должно было принять именно такой оборот. Вам следует считаться… даже после того, что я увидел сегодня днем, — а вы показали мне куда больше, чем я бы счел возможным вас просить, — вам следует считаться с тем, что мне совершенно необходимо видеть все ясно. Там, в саду, я ничего не мог видеть ясно: я был смущен, потрясен, ошарашен… Разумеется, я был тронут, как вы говорите, — тронут настолько, что это доставило мне душевную муку. Но притворством было бы заявить, будто я был удовлетворен или получил желанную награду; по правде говоря, вы меня не слишком-то и убедили. Прежде я часто не получал от

вас того, что хотел, и все же вы всегда оказывали поразительное воздействие на… как бы это назвать? — Он осекся. — На что-то низменное, дремучее во мне — одному богу известно что! Я не опущусь до того, чтобы утверждать, — торопливо продолжил он, — что нынче днем я не испытал этого воздействия…

— Вы ограничитесь заявлением, — прервала его Роза, — что не испытываете его теперь.

Он некоторое время вглядывался в нее сквозь густеющий мрак, а потом проронил:

— Я вас не понимаю! Я утверждаю, — произнес он, — что, в чем бы ни заключалась одержанная вами сегодня победа, я не признал своего поражения — по крайней мере, тогда. В тот миг я понимал вас не лучше, чем сейчас, и не думаю, что дал вам повод считать по-другому. Я лишь показал вам, насколько я был обескуражен — пожалуй, ничто не могло бы сказать об этом красноречивее, чем мое поспешное бегство. Не помню, чтобы я брал на себя какие-то обязательства, из-за которых теперь не имею права требовать от вас пролить хоть немного света на происходящее.

— Тогда, может быть, вы вспомните, — парировала Роза, — об ужасном несчастье?..

— Которое постигло это богом забытое место?

Я потрясен до глубины души. Но какое это имеет отношение к тому, о чем мы с вами говорим, — к нашим с вами отношениям?

На лице Розы появилась неподражаемая сочувственная улыбка — впрочем, похоже было, что это сочувствие предназначалось в первую очередь ей самой.

— Вы говорите, что испытали мучительное потрясение, но при этом предлагаете мне и дальше растравлять свое сердце. Разве я уже не расставила все точки над «i» в этом кошмаре? Разве недостаточно унизилась, вывернув душу наизнанку?

Деннис с мрачным видом медленно покачал головой.

— Я вас не понимаю… Я вас не понимаю, — произнес он, с угрюмой настойчивостью цепляясь за эту фразу, будто она служила ему спасительным заклинанием.

В этот миг Роза поборола свои сомнения.

— Было бы совершенно чудовищно с моей стороны давать повод полагать, будто я могу воспользоваться несчастьем мистера Брима.

Деннис на мгновение задумался.

— Вы имеете в виду, что у кого-то может сложиться впечатление, будто гибель дочери откры-

ла ему путь к тому, чтобы жениться на вас?

— Вы прекрасно сформулировали.

Он был явно озадачен.

— Но какая опасность может грозить вашей репутации, если у мистера Брима есть все причины, ничего не предпринимая, исключить саму возможность подобного?

— Все причины мистера Брима, — возразила Роза, — не так весомы, как одна моя.

— Вы имеете в виду помолвку с другим человеком? Понимаю, — произнес ее собеседник. — В моих силах предоставить вам самой решить, воспользоваться ли этой предосторожностью.

На лице ее появилась до невозможности странная улыбка; белки глаз возбужденно блестели в темноте.

— Ваша верность ставит меня в наилучшее положение.

Деннис засомневался.

— А в какое положение она ставит меня?

— В то самое, что и было целью вашего визита. Вы завоевали это положение, когда появились столь неожиданно; и теперь вам ничего не остается, как удерживать его со всем возможным благородством и мужеством. Если вас что-то не устраивает, — добавила Роза, — стоило подумать

об этом раньше!

— Вас, в свою очередь, все устраивает настолько, — резко ответил Деннис, — что вы исподволь подводили все к такому исходу, пока проблема еще не стояла так остро, как вы ее только что — весьма изящно — охарактеризовали.

— Вы хотите сказать, что я поставила вас перед фактом? Но это вовсе не было скоропалительной импровизацией; нужный момент наступил уже в ту минуту, когда вы появились здесь. Ваш приезд все изменил; он дал мне мгновенное преимущество, за которое я не преминула ухватиться.

Деннис смотрел на нее с таким выражением, будто его только что избили до полусмерти, и голос его звучал соответственно.

— Ухватиться… так вы называете свое объявление?..

Она вскинула голову.

— Мое объявление достигло ваших ушей? Тогда вы знаете, что я отрезала вам пути к отступлению.

Он снова отвернулся от нее и бросился на софу, на которой не так давно проливала слезы миссис Бивер; словно чувствуя потребность за что-то уцепиться, он уткнулся лицом в одну из жестких квадратных подушек. Роза подошла чуть

ближе к нему и все так же тихо и убедительно продолжила:

— Так что вы не можете оставить меня — просто не можете. Вы прибыли сюда, несмотря на все сомнения, — вы поговорили со мной, несмотря на все страхи. Вы мой!

Она отошла в сторону, чтобы дать ему возможность все обдумать; подойдя к двери, за которой до того скрылась миссис Бивер, она замерла в напряженном ожидании и стояла так, пока в наступившей тишине Деннис наконец не поднял голову.

— Чего вы от меня хотите?

Роза отошла от двери.

— Всего лишь понимания.

Он снова вскочил на ноги.

— Понимания чего, черт подери?

— Всего. Если я полагаюсь на вас, то вы меня поддержите. Если я что-то говорю, то и вы скажете то же самое.

— Даже если это откровенная ложь? — выпалил Деннис.

Она ни секунды не медлила с ответом.

— Будь она не столь откровенной, зачем бы вы мне понадобились?

Он не мог отвечать, будучи не в силах про-

тивопоставить ее напору ничего, кроме тупого оцепенения, так что она продолжила, с тончайшей ноткой упрека в голосе, проникнутом сдержанной болью:

— Спасибо, что столь лестно высказались о моей безобидной попытке похвастаться вашим восхищением.

Он чувствовал, что из него делают форменного идиота.

— Вы ожидаете, что это восхищение заставит меня на вас жениться?

— О, святая невинность! Конечно, нет — за кого вы меня принимаете? Я лишь ожидаю, что вы убедите остальных в том, что намерены это сделать.

— И как скоро я потеряю их доверие, если не перейду от слов к делу?

— О, если такая опасность и возникнет, — сказала Роза, — вам надо будет всего лишь убедить их, что вы к этому делу таки перешли!

Она шагнула к нему; это движение было настолько резким, что напоминало прыжок. Положив обе руки ему на плечи, она теперь крепко удерживала его на месте.

— Теперь вы видите, дорогой мой, что я прошу совсем немногого!

Он покорно замер, только зажмурился от внезапного ужаса перед ее прикосновением. Тем не менее он не сопротивлялся — ни чудовищному откровению ее цепких объятий, ни долгой мольбе ее холодного, как камень, поцелуя. Он все еще был в ловушке; когда Роза отпустила его, он остался стоять на месте, не зная, куда себя деть. Однако ему еще нужно было кое-что проверить, и только для этого он сейчас открыл глаза.

— Мы с вами шли вместе — вы хотите, чтобы я так сказал?

— В Баундс? Разве я это говорила? Ничего не соображаю.

Однако соображала она очень быстро.

— Спасибо, что уточнили. Что ж, давайте скажем, что так и было!

— И что ребенка мы оставили с мисс Мартл?

Это на миг вывело ее из равновесия.

— Не спрашивайте меня — просто импровизируйте, когда потребуется. Тут я даю вам, — добавила она в совершенно очаровательной манере, — полный карт-бланш!

— Вы весьма вольно обращаетесь с фактами, — сказал Деннис, — однако, мне кажется, упрощаете сверх меры.

— Если упрощать означает полагаться на вашу

честь, то вряд ли с этим можно переусердствовать. Вся прелесть моего положения в том, что вам можно верить.

— Что ж, тогда поверьте мне, когда я скажу вам, что мисс Мартл все это время была со мной.

Роза удивленно распахнула глаза.

— О каком времени вы говорите?

— Все время после того, как вы пошли с Эффи в Баундс.

Роза снова задумалась.

— Где вы с ней были?

— У реки, на этом берегу.

— На этом берегу? Вы не пошли в Баундс?

— Когда мы с вами попрощались, не пошел. Что-то меня подтолкнуло поступить иначе. Видите, — сказал Деннис, — как же можно мне верить! Вы взвалили на мои плечи слишком много, вот меня и занесло. Я пошел вдоль реки, прогулялся маленько.

Из груди Розы вырвался тихий невнятный звук.

— Но ведь мисс Мартл была со мной, — сказала она.

— Пока вы не расстались. Я ее встретил, когда вернулся к мосту.

Роза помедлила.

— Куда она шла?

— В Баундс — но я ей помешал.

— Хотите сказать, она пошла с вами?

— Весьма любезно составила мне компанию для еще одной прогулки вдоль реки.

Роза подумала еще немного.

— Но с чего бы ей это делать, если она собиралась в Баундс?

Деннис поразмыслил.

— Думаю, она меня пожалела.

— Потому что стала говорить с вами обо мне?

— Нет; потому что не стала. Это я с ней о вас говорил, — сказал Деннис.

— И что же вы ей сказали?

Он немного повременил с ответом.

— Что я видел — совсем недавно, — как вы шли в Баундс.

Роза медленно опустилась на софу.

— Вы меня видели?

— Да, на мосту, и весьма отчетливо. У вас на руках был ребенок.

— Откуда?

— Издалека, от реки — вы не могли меня заметить.

Она в упор посмотрела на него, сжав руки в замок между коленей.

— Вы за мной наблюдали?

Было что-то зловещее и нереальное в том, как в темной комнате стало ощущаться их враждебное отчуждение.

Деннис помедлил, будто подыскивал слова для ответа, но в конце концов сказал просто:

— Больше я ничего не видел.

Его собеседница, по-прежнему медленно, поднялась и подошла к окну, за которым уже едва можно было различить очертания сада. Она постояла там немного, а потом, не сходя с места, развернулась спиной к окну, так что Деннис мог видеть лишь благородный силуэт ее головы на фоне вечернего неба, черты же лица были неразличимы.

— Сказать вам, кто это сделал? — спросила она.

Деннис Видал вздрогнул.

— Если вы готовы.

— Я готовилась к этому. Так будет лучше.

Однако, сказав это, она снова застыла в молчании.

Пауза длилась так долго, что Деннис в итоге не выдержал.

— Кто это сделал?

— Тони Брим — чтобы жениться на Джин.

Громкий звук вырвался из его груди, и, точно

эхо, вслед за ним раздался скрип открывающейся двери, из которой хлынул поток света. Мэннинг внесла торшер; у нее за спиной на пороге стоял доктор Рэймидж.

## XXX

Доктор стоял в дверях, пока горничная пристраивала светильник, но, когда она собралась, продолжая ежевечерний ритуал, затворить окна и задернуть шторы, он остановил ее.

— Пожалуйста, оставьте окна как есть; сегодня тепло. Так, хорошо… Спасибо.

Когда Мэннинг покорно вышла, он закрыл за ней дверь и с минуту молча ее придерживал, пристально глядя на Денниса и Розу; те, в свою очередь, наблюдали за ним.

— Я нужна вам? — поспешила спросить последняя. В ее голосе при желании можно было расслышать как готовность к разговору, так и стремление уйти: похоже, она подразумевала, что в подобный момент нельзя понять, кому что может понадобиться. Деннис, как и доктор, внимательно смотрел на нее; хотя в свете лампы и стало очевидно, что она сама сознает, как ужасно сейчас выглядит, однако выражение крайнего замешательства на лицах обоих ее собеседников отчасти могло придать ей уверенности в своих силах.

Услышав вопрос, доктор по старой привычке

посмотрел на часы.

— Я пришел поговорить с мистером Видалом, но после нашей беседы буду рад и с вами перемолвиться парой слов. Так что не будете ли вы так любезны, — он кивнул на третью дверь, ведущую из комнаты, — покамест пройти в библиотеку?

Роза, не мешкая, но и не торопясь, подошла к указанному доктором выходу.

— Хотите, чтобы я подождала там?

— Будьте так добры.

— Пока вы с ним говорите?

— Пока я с *ним* говорю.

Она с минуту сверлила Денниса взглядом.

— Я подожду.

Когда она вышла, доктор тут же взял Денниса в оборот.

— Пожалуйста, уделите мне минутку. Я поговорил с миссис Бивер.

— Я тоже, — ответил Деннис после небольшой паузы.

— Да, она рассказала о вашей беседе, потому я и завел речь об этом. Она вам хотела кое-что передать.

— Передать? — Деннис, казалось, был удивлен, что для общения с ним миссис Бивер понадобился посредник. — А где же она сама?

— Рядом с убитой горем девочкой.

— Мисс Мартл? — Деннис замялся. — Она так сильно переживает утрату?

— «Переживает»? Друг мой! — воскликнул доктор. — Она в таком ужасном состоянии, что неизвестно, как все это дальше скажется на ее здоровье — сказать по правде, оно требует сейчас моего безраздельного внимания, так что прошу извинить мою сугубую краткость. Миссис Бивер, — торопливо продолжил он, — просит, чтоб вы отнеслись к этим срочным расспросам как к продолжению разговора о том, о чем вы уже весьма любезно ей рассказали.

Деннис задумался на мгновение; его лицо изменилось, будто, стоило Розе удалиться, а ему — вступить в разговор с доктором, как к нему сама собой вернулась сдержанная манера делового человека, выработанная привычкой решать вопросы в общении с мужчинами. Искусство ничему не удивляться составляло часть этой привычки. Теперь, взяв под контроль свои эмоции, он явно был начеку.

— Боюсь, — ответил он, — то, что я рассказал миссис Бивер, — сущий пустяк.

— Она полагает, что это совсем не пустяк; говорит, вы ей помогли. И можете помочь еще

— только прошу вас принять во внимание, какие тяжелые обязанности накладывает на нее обрушившееся на нас бедствие, и видеть во мне ее представителя. Так что позвольте мне — от ее лица — спросить, обручены ли вы с мисс Армиджер.

Деннис невольно вздрогнул; впрочем, это могло быть вызвано бесцеремонностью вопроса в той же мере, что и трудностью ответа на него.

— Пожалуйста, передайте ей, что это так.

Железная уверенность, звучавшая в его голосе, на самом деле была броней, за которой скрывалось отчаяние, — и броню эту он наспех выковал в последние несколько минут.

Доктор принял сказанное за чистую монету, только выудил из кармана ключ и протянул его Деннису.

— Тогда, полагаю, вам следует знать, какую дверь запирает этот ключ, — он сделал жест в том направлении, куда удалилась Роза.

Деннис неуверенно протянул руку, буравя Рэймиджа взглядом, — но славный доктор ясно дал понять, что человека его профессии этим не проймешь.

— Хотите сказать, она теперь в заключении?

— Под ваше честное слово.

— Но кто же тюремщик?

— Миссис Бивер.

Деннис взял ключ и положил в карман.

— Не забывайте, — произнес он с видом серьезным и непроницаемым, — что это первый этаж, и все окна…

— Выходят в сад? — перебил доктор. — Я прекрасно помню. За ними приглядывают с террасы.

— Кто?

— Мистер Бивер. Исключительно из дружбы к мисс Армиджер, — поспешно добавил он.

Лицо Денниса все еще ничего не выражало, но, возможно, о состоянии его можно было отчасти судить по тому, как он, уставившись на ковер и сложив руки за спиной, медленным шагом прошелся по комнате. Дойдя до конца, он развернулся.

— Раз этот ключ у меня, у кого же второй?

— Второй?

— От комнаты, где заперт мистер Брим.

Доктор поморщился, но голос его был тверд.

— У меня. — Потом, будто признавая всю тяжесть сложившихся обстоятельств, он добавил: — Она вам рассказала?

Деннис попытался осмыслить его слова.

— Миссис Бивер?

— Мисс Армиджер. — В голосе доктора проскользнула едва заметная колкость, и это явно сказалось на том, в каком тоне ответил ему Деннис.

— Она мне рассказала. Но если вы его оставили…

— Вовсе нет, я привел его сюда.

Казалось, Деннис растерялся.

— Ко мне?

Доктор поднял руку внушительным, даже торжественным жестом и после секундной паузы бесцветным голосом проговорил:

— К его ребенку.

— Он так захотел? — спросил Деннис таким же подчеркнуто отстраненным тоном.

— Он так захотел.

Деннис отвернулся, и в наступившей тишине сам воздух в комнате будто бы стал плотнее от их взаимного осознания всего, что осталось невысказанным. Пауза длилась достаточно долго, чтобы, окажись тут сторонний наблюдатель, внушить ему чувство, что для этих двоих невыразимое было куда важнее произнесенного вслух. Оба словно ждали, что собеседник нарушит молчание первым, пока, в конце концов, не стало

очевидно, что дольше ждать готов Деннис, который, в отличие от доктора, не посматривал то и дело на часы. Доктору, к тому же, пришлось признать, что он сам затеял этот разговор, и он, прервав, наконец, паузу, нетерпеливо подытожил то, что, по его мнению, составляло основу их взаимопонимания.

— Я отдаю себе отчет, что помолвка ставит вас в несколько затруднительное положение. Вот почему мне так важно было услышать об этом из ваших уст. — Не получив ответа, он продолжил: — Тем не менее миссис Бивер полагает, что это не помешает нам задать вам еще один вопрос — точнее, напомнить о том, на который вы дали ей основание ожидать ответа. — Доктор вновь сделал паузу, но понял, что содействия от собеседника ждать не стоит и придется весь путь пройти самому. — Вы видели с берега реки кое-что, имеющее отношение к этому… — он замялся, старательно выбирая слова, — из ряда вон выходящему событию. Уповая на ваше чувство уместности и благопристойности, мы рассчитываем, что вы нам об этом расскажете.

Деннис тщательно взвесил свой ответ.

— Мое чувство уместности и пристойности весьма сильно; однако — особенно сейчас —

такой же силой обладают и некоторые другие чувства. То, что я сказал миссис Бивер, было продиктовано обстоятельствами. Я хотел бы прояснить некоторые моменты.

— Я здесь, — сказал доктор, — чтобы помочь вам в этом, чем смогу. Только, прошу, не забывайте, что время на вес золота. — И своим обычным деловитым и сдержанным тоном пояснил: — Надо предпринять кое-какие действия.

— Вы имеете в виду, что должны вынести заключение?

— Ввиду угрозы, — ответил доктор, — весьма тягостных последствий. Произошло прискорбное событие…

Деннис подхватил фразу, не глядя ему в лицо.

— Которому трудно найти объяснение?

Доктор посмотрел на часы, затем, все еще держа их в руках, быстро перевел взгляд на Денниса.

— Лично вы хотели бы представить произошедшее как смерть от естественных причин?

Измученное лицо Видала залилось было краской, но он тут же овладел собой.

— Зачем вы спрашиваете, если вас связывает долг?

— Если бы только долг. К несчастью, кроме профессионального долга, у меня есть полсотни

других обязанностей, не менее важных.

Деннис покосился на его карманные часы.

— Значит ли это, что вы можете замять дело?

Доктор убрал свой талисман.

— Прежде чем об этом говорить, мне надо понять, на что вы готовы.

Деннис остановил взгляд на абажуре лампы.

— Разве все не зашло уже слишком далеко?

— Я знаю, насколько далеко: по особой милости Провидения, не так далеко, как могло бы. Имело место поразительное стечение обстоятельств — настоящее чудо. Похоже, судьба нам благоволит. — Он замолчал, потом добавил со значением: — Покончим с этим и будем считать, что такова воля небес.

Деннис обдумал его слова.

— Вы имеете в виду отсутствие свидетелей?..

— До момента, когда ребенок был обнаружен. И с тех пор, слава богу, там побывали только мы трое. А она пробыла там… — Он замер, производя какие-то подсчеты.

Деннис раздраженно отмахнулся.

— Не говорите мне, сколько! Чего я хотел бы?.. — Как выяснилось секунду спустя, он хотел еще кое-что выяснить. — Что вы расскажете слугам?

— В этом доме? Сошлюсь на то, что утренние

жалобы на ее состояние имели серьезные причины. Никто из них ее не видел. И внесли ее сюда очень удачно!..

Доктор торжествующе вскинул маленькие ручки.

— А в другом доме?

— Там ничего не знают, кроме того, что здесь у девочки случился приступ, и рассказать об этом достаточно убедительно — одна из обязанностей, о которых я вам говорил. Нынче утром она почувствовала недомогание — и уже днем послали за мной. Что Тони и правда послал ко мне человека — поистине перст судьбы!

Однако Деннис все еще сомневался.

— Ведь у нее, кажется, была любящая нянюшка — сущий Цербер.

— А, славная Горэм? Да, она не хотела пускать сюда девочку; ее пришлось отбирать чуть ли не силой. Что ж, — сказал доктор, просветлев лицом, — мне надо будет поговорить со славной Горэм. Я и так ей особо воли не давал — к счастью, доктора, видите ли, такие тираны. Деспоты самые настоящие. Тяжко с ней придется — ну да это все тяжко!

Деннис прижал руку ко лбу и с усталым видом снова зашагал по комнате: ему тоже было куда

как тяжко. Внезапно он рухнул, как подкошенный, на софу, едва сдержав рвавшийся из груди стон, и откинулся назад в отчаянии, проступившем через фальшивый фасад самообладания. Собеседник молча наблюдал за его муками, будто ждал, чем все это завершится. Вдруг, без лишних предисловий, молодой человек выпалил:

— Я даже представить себе не могу, как… — Деннис резко остановился: этого не мог он высказать.

— Как это было сделано? Что ж, ничего удивительного! Все произошло в считаные минуты: не последнюю роль тут сыграла лодка и искушение (назовем это так!), вызванное уединенностью места. Это была старая лодка Тони — на замке, но цепь довольно длинная. Одного взгляда на это место достаточно, — прибавил доктор спустя мгновение, — чтобы вообразить произошедшее.

Деннис запрокинул голову, закрыв обеими руками перекошенное лицо.

— Да с какой стати мне на него глядеть?

Доктор подошел ближе. Услышав возглас Денниса, он опустился на софу рядом с ним и осторожно положил ладонь ему на колено, успокаивая и вместе с тем сдерживая.

— Ребенка посадили в лодку, затем та накре-

нилась — этого оказалось достаточно. — Деннис сидел неподвижно, не говоря ни слова, поэтому доктор продолжил, дополняя картину: — Ее топили — держали под водой, чтоб уж наверняка. О, поверьте, тут нужно было немало решимости и силы в руках! Но и того, и другого хватало. Потом девочку оставили там, а лодку за цепь притянули обратно, и преступник благополучно скрылся.

Деннис медленно сменил позу: понурив голову и опустив руки, он вперился безжизненным взглядом в пол.

— Но как удалось ее обнаружить?

Доктор замялся, словно этот вопрос мог быть понят двояко.

— Бедную малышку? Вы бы поняли, если бы взглянули на то место.

— Я там проходил по пути обратно, — сказал Деннис, — но ни о чем не знал, поэтому и не посмотрел.

Доктор похлопал его по колену.

— Если б вы знали, тем более не стали бы смотреть. Она всплыла; ее протащило течением несколько ярдов, затем прибило к опоре моста, и платьице зацепилось за ржавую скобу. Там она и осталась.

— И никто мимо не проходил?

— Слава богу, никто! Я первым ее увидел.

Деннис принял это объяснение, будто горькую микстуру, — одним глотком. Двое мужчин с минуту сидели молча, глядя друг на друга. Наконец более молодой из них встал.

— И все же любое искажение правды — ужасный риск.

Доктор остался на месте.

— Тут все ужасно. Премного благодарен, — добавил он, — что вы любезно напоминаете о грозящей мне опасности. Не думайте, будто я не понимаю, как она велика. Но я должен подумать и об опасности для остальных. Я могу оценить, чем рискую я сам, но что грозит им, не ведаю.

— Могу только поблагодарить вас в ответ, — отозвался Деннис. — Считаю, весьма благородно с вашей стороны так заботиться о — как вы их назвали — об остальных.

Доктор, сложив пухлые ручки на животе, мимолетно улыбнулся одними губами.

— Дорогой мой, конечно, я забочусь о своих друзьях!

Деннис остановился перед ним; заявление доктора явно его озадачило.

— Не слишком ли вы добры, если причисляете к ним и одну небезызвестную особу — в подоб-

ный час!

Доктор Реймидж поглядел на него с изумлением; как только он осознал ошибку собеседника, морщинистое лицо его сморщилось еще сильнее, и, невесело крякнув, он вскочил на ноги.

— Поверьте, дорогой сэр, эта особа вовсе не…

— Входит в круг тех, — подхватил Деннис, — кого вы хотели бы защитить? Я бы очень удивился, будь оно иначе! Но вы сказали о «друзьях» во множественном числе. Кто этот второй друг?

Доктор, казалось, был изумлен вопросом.

— Милая Джин Мартл, конечно.

Настал черед Денниса изумляться.

— Я ее с самого начала и имел в виду! Кто, в таком случае, первый?

Доктор пожал плечами.

— Кто, как не злосчастный Тони Брим?

Деннис задумался на мгновение.

— И какая же ему грозит опасность?

Доктор поразился еще больше.

— Та, о которой мы говорили!

— Разве мы о чем-то таком говорили?

— Еще спрашиваете — вы же сами сказали, что знаете…

Деннис помедлил, припоминая.

— Знаю, что его обвиняют?..

Доктор прямо-таки накинулся на него.

— Что, и она тоже?

Деннис отступил перед этим натиском.

— А разве кто-то еще его обвиняет?..

Доктор, побагровев, вцепился в его руку; казалось, он сейчас испепелит его взглядом.

— Так вы не знаете всего?

Деннис отшатнулся.

— А что еще мне нужно знать?

— Тони трубит на всех углах, что он это сделал!

Совершенно сбитый с толку Деннис снова рухнул на софу.

— Трубит?..

— Чтобы отвести подозрения от Джин.

Деннис обдумал его слова.

— Но если она уже вне подозрений?

— Тогда чтобы защитить мисс Армиджер.

Бедный Деннис в ужасе воззрился на него.

— И никто до сих пор не оспорил его слова? — Он снова вскочил на ноги и подошел к открытому окну. Доктор молча выжидал; наконец Деннис повернулся. — Можно мне с ним поговорить?

Доктор, как будто именно этих слов и ждал, уже стоял у двери.

— С богом! — сказал он и скрылся за дверью.

Оставшись один, Деннис замер посреди комнаты, очевидно, впав в ступор от избытка эмоций; потом резко очнулся, будто внезапная вспышка боли привела его в сознание, и в два шага преодолел расстояние, отделявшее его от двери библиотеки. Впрочем, когда он уже взялся за дверную ручку, его охватило какое-то иное чувство, и, поддавшись ему, он, тяжело дыша, замер в нерешительности. Вдруг он развернулся: в комнату вошел Тони Брим.

## XXXI

— Если я и осмелюсь отнимать у вас время в столь роковую минуту, — сразу же начал Деннис, — то лишь затем, чтобы заверить: все на свете, что я могу для вас сделать… — Тони поднял руку, не то благодаря, не то останавливая его, но это не помешало Деннису закончить фразу: — Я готов сделать немедленно, что бы это ни было.

Гримаса боли на его красивом лице, покрасневшие глаза с опухшими веками, взъерошенные волосы, криво сидящая траурная одежда — все это придавало Тони вид измотанного, загнанного человека, которому довелось пережить то ли бунт, то ли плен, и только сейчас выпала возможность немного перевести дух. Деннис видел, что его, как и Розу, обезобразили последние события, но при этом произошедшая в нем перемена казалась менее разительной и более трагичной. Воспаленные глаза поймали взгляд Денниса.

— Боюсь, мне уже никто ничем не поможет. Горе мое безмерно, но я должен пережить его сам.

Он говорил учтивым тоном, однако в осанке его проглядывало что-то жесткое и сухое, что-то настолько противоположное его всегдашней

избыточной любезности, что с минуту Деннис одним лишь полным жалости молчанием мог выразить свое сочувствие этому сломленному человеку. Перед ним было воплощение неистового, извращенного упрямства — и человек, раз принявший эту позу, уже полностью в ней окаменел.

— Может, вам было бы проще прийти к какой-то мысли, — сказал он, повременив немного, — если я скажу, что ваше несчастье — почти в той же мере и мое. Что поможет одному из нас — может, даст облегчение и другому?

— Очень любезно с вашей стороны, — ответил Тони, — подставить плечо под краешек моей тяжкой ноши. Не надо этого делать — не надо, мистер Видал, — повторил он, настойчиво помотав головой. — Держитесь от этого подальше; не стоит прикасаться к таким вещам, не стоит думать о них! — Он вытянулся во весь рост, точно распрямилась долго сдерживаемая пружина; по телу его прошла дрожь, и с еще более суровой и мрачной горечью он воскликнул: — Держитесь подальше от моей ноши!

Деннис с глубоким состраданием не отрываясь смотрел на Тони, и, прочитав в этом взгляде что-то похожее на готовность подчиниться, тот

решил, будто может повлиять на собеседника.

— Вы прибыли ненадолго, у вас на то были свои причины, вы хотели успокоить совесть; вы прибыли с самыми добрыми и искренними намерениями. Вас встретил здесь невыразимый ужас, и теперь вы должны сделать только одно.

— Скажите, что именно, будьте так добры, — сказал Деннис.

— Разворачивайтесь и навсегда уходите — прямо сейчас. Я лишь затем сюда пришел, чтобы сказать вам это.

— Иными словами, покинуть вас?..

— Езжайте первым же поездом.

Деннис застыл, казалось, всерьез размышляя над предложением Тони, однако, когда он заговорил, на его лице отразилось все, что он на самом деле думал на этот счет.

— Такова моя злая доля — еще раз оказаться в этом месте, таком уютном и мирном на первый взгляд, и снова стать участником горестных и мрачных событий, свидетелем страдания, ужаса и смерти. Мне бы никогда не стоило сюда возвращаться, господу ведомо, что я был бы рад больше никогда не ввязываться ни во что подобное, но судьба играет человеком, и вот я уже сам — часть этого кошмара. Поэтому простите меня за то, что

я не последую вашему совету. Я должен остаться здесь — по крайней мере, пока не добьюсь вашего понимания. — Тут он помедлил немного и вдруг резко, нетерпеливо добавил: — Мистер Брим, ради бога, примите меня и доверьтесь мне!

— Принять вас?

— Примите помощь, которую я предлагаю!

Тони все это время так и стоял у закрытой двери библиотеки, будто сторожил, чтобы никто с той стороны не вошел, но, услышав эти слова, он сделал несколько шагов вперед, точно сковавшее его мертвое безразличие на миг ослабило хватку. Взгляд его изменился, стал более осмысленным, но то, что в нем еще как-то теплилось, напрочь отсутствовало в ледяном тоне, которым он задал следующий вопрос.

— Я так полагаю, вы прибыли из Китая?

— Да, мистер Брим, я прибыл из Китая.

— И все еще можете туда вернуться?

Деннис нахмурился.

— Я могу поступить, как мне заблагорассудится.

— И вы все еще здесь?

— Где мне быть и куда отправиться — это мое личное дело. Вы отказываетесь принимать мою помощь?

Тони мрачно посмотрел на него.

— Вы просите меня, как вы говорите, «принять вас». Прошу прощения, но я со своей стороны вначале хотел бы узнать, на каком, собственно, основании?..

Деннис не стал ходить вокруг да около.

— На том же основании, на каком вы принимаете помощь доктора Рэймиджа. Боюсь, тут нет других оснований, кроме моих понятий о чести.

Тони долго и пристально смотрел на него, затем протянул руку и, пока Деннис пожимал ее, проговорил:

— Я вас понимаю. Прощайте.

Деннис все еще держал его руку.

— Прощайте?

По лицу Тони явственно пробежала тень сомнения, и после продолжительной паузы он ответил:

— Она в безопасности.

Деннис тоже засомневался, но спустя мгновение спросил:

— Вы о мисс Мартл?

— Нет, не о мисс Мартл.

— Тогда я могу уехать. Она и правда в безопасности.

— Спасибо, — сказал Тони и убрал руку.

— Что до особы, о которой вы говорите, то если вы обещаете… — Деннис замялся.

— Она в безопасности, — повторил Тони.

— Это все, о чем я вас прошу. Доктор позаботится об остальном.

— Я знаю, что будет делать доктор. — Тони на миг замолчал. — А что будете делать вы?

Деннис помедлил с ответом, но в итоге все же заговорил.

— Все что угодно, кроме женитьбы на ней.

Во взгляде Тони на мгновение вспыхнуло восхищение и тут же погасло.

— Я вас не понимаю!

— Я и сам ничего не понимаю — знаю только, что вокруг меня сущий кошмар, где я — это не я, она — не она, вы — не вы и все кругом — не те. Когда-нибудь, надеюсь, я проснусь, но пока…

— Впереди еще много кошмаров? О, сколько угодно! — взволнованно произнес Тони.

— У меня, не у вас. Для вас худшее позади, — прямолинейно заметил его собеседник.

— Позади? Теперь, когда вся моя жизнь пущена под откос?

В секундном молчании Видала чувствовалась какая-то непоколебимая твердость.

— Это вы сейчас так думаете!.. — Затем он доба-

вил, уже мягче: — Я понимаю, до чего вам сейчас все омерзительно.

На лице Тони отразилась неизбывная мука; его воспаленные глаза наполнились слезами.

— Она убила… она замучила мою дочь. И сделала это, чтобы обвинить во всем Джин.

Он вновь поднял взгляд на Денниса, который воскликнул с простодушной серьезностью:

— Бедная девочка! Славная, добрая девочка!

Поддавшись внезапному порыву, который настолько не вязался с прозвучавшей в его последних словах растроганностью, что мог показаться почти диким, он крепко сжал плечо Тони.

— Она топила ее. Держала под водой. А после бросила там.

Оба побледнели, взглянув друг на друга.

— Я теперь бесчестный человек, — произнес Тони, — все будут считать меня бесчестным.

Деннис надолго замолчал, будто выражая таким неловким образом свое согласие со сказанным, но после все же выдавил из себя, уже другим тоном:

— Всему виной ее страсть.

— Всему виной ее страсть.

— Она любит вас!.. — выпалил Деннис, хоть эти слова и не имели никакого значения перед

лицом страшной действительности.

— Она меня любит! — Отражение этой простой и чудовищной истины застыло на лице Тони. — И вот что из этого вышло: ее злодейство, мое молчание. Своим молчанием я покрываю преступление и умножаю жестокость — и я всегда буду ненавидеть себя за это. Но я хотя бы вижу все как есть, и я сдержу слово, что дал ей в первые минуты, обезумев от ужаса. Как я решил тогда, так пусть и будет.

— Я знаю, что вы решили, — сказал Деннис.

Тони удивился.

— Так вы с ней говорили?

Деннис ответил не сразу.

— Я знаю об этом от доктора.

— Ясно… — Тони на мгновение задумался. — Полагаю, она…

— Не станет об этом распространяться? Можете положиться на меня! — Деннис снова протянул ему руку. — Прощайте.

— Вы заберете ее с собой?

— Сегодня же.

Тони не разрывал рукопожатия.

— Ее отъезд чем-то поможет Рэймиджу?

— Все сходится. Три часа назад я приехал за ней.

— То есть это будет выглядеть, как будто вы всё спланировали заранее?

— Да, ради того, о чем она объявила вам. Ради союза наших любящих сердец! — ответил Деннис Видал.

Он подошел к дверям, ведущим в холл, но Тони остановил его.

— Так я ничего не могу для вас сделать?

— Все уже сделано. Мы помогли друг другу.

Все таившееся глубоко в душе Тони зашевелилось вновь.

— Я имею в виду, потом, когда ваши трудности останутся позади.

— Они не останутся позади никогда. Вернемся к этому, когда вы сами будете счастливы.

Бескровное лицо Тони приняло удивленное выражение.

— Разве я могу… хоть когда-нибудь?..

Не успел он договорить, как распахнулась дверь, за которой прежде скрылась миссис Бивер, и их глазам предстала Джин Мартл. Деннис предпочел ретироваться.

— Спросите у нее! — бросил он с порога.

## XXXII

Она бросилась к Тони, причитая:

— Мне нужно с вами поговорить — нужно поговорить! Но как мне теперь смотреть вам в глаза? Простите ли вы меня когда-нибудь?

Он сразу же подхватил ее, и в мгновение ока пропасть, разделявшая их, исчезла: он протянул руки ей навстречу, и она рухнула в его объятия. Стоило им оказаться наедине, как долго сдерживаемые чувства вырвались на свободу; и ему нужно было лишь крепче прижимать ее к себе, а ей — рыдать на его груди, будто сама эта близость позволила ей дать волю слезам. Никакое блаженство не шло в сравнение с тем чувством, с каким он обнимал ее, а она к нему прижималась; они стояли молча и недвижимо, будто полностью слившись друг с другом в своем отчаянии; тишину нарушали только всхлипы Джин. Казалось, они стали неразделимы. В этом долгом объятии не было места никаким границам и недомолвкам: все их смыло могучим потоком, который столько лет нес Тони и Джин по течению, а сейчас затопил все вокруг, не оставив ничего, кроме всепоглощающего чувства потребности

друг в друге. В нем была вся прелесть нежности, таившейся годами, и даже сейчас, когда они стояли, не размыкая объятий, поначалу казавшейся слишком дикой и невозможной, чтобы говорить о ней вслух. Но удивительное дело: когда Джин, наконец, отстранилась, оба не испытывали ни страха, ни изумления — ничего, кроме безмерного молчаливого понимания. Горькое чувство раскаяния Джин, точно прилив, подхватило ее и отнесло сюда, к нему, прочь от остальных.

— Они говорят, я больна, я не в себе, — вновь заговорила она, — они хотят, чтоб я замолчала, говорят мне принять лекарство, лечь, постараться поспать. Но я себя чувствую так ужасно, точно я сама это сделала, и когда они мне сказали, что вы здесь, я поняла, что могу и правда сойти с ума, если тотчас же вас не увижу. Но видеть ее мертвой — видеть ее мертвой! — этого я пережить не могу: слишком жутко!

В отчаянии она продолжала всхлипывать, раскачиваясь всем телом взад и вперед. Она разбередила его собственное горе, и от этого ей было еще больнее. В какой-то момент они разошлись в разные стороны, настолько поглощенные собственным страданием, что были уже не в силах разделить его друг с другом. Однако спустя ка-

кую-то минуту вновь очутились лицом к лицу, став, казалось, еще ближе и проникшись еще большим взаимным пониманием — хотя в лицах обоих, да и в том, как легко они вновь оказались рядом, читалось ясное осознание всей опасности их поспешного сближения и решимость не осквернять этот союз неосторожным касанием. Тони не шли на ум пустые слова и бессмысленные утешения; ее жалобы лишь заставили его еще острее осознать случившееся; теперь они оба пребывали в смятении, и Джин снова и снова бранила и обвиняла себя.

— Это я, это я отпустила ее; вот что самое страшное. Мне нельзя было — нельзя было ее отдавать; можно было закричать, позвать на помощь. Но как я могла представить… предугадать? Даже в самом страшном сне…

Она осеклась и, задрожав, осела на софу. Пока она всхлипывала, он мерил шагами комнату, то подходя ближе, то снова отдаляясь.

— Я помню ее лицо, когда она уходила: она так смотрела на меня, будто знала, что произойдет. Ей было страшно и непонятно; она знала — знала! Это был последний раз, когда она на меня посмотрела, — а я ведь даже не поцеловала ее на прощание! Я ведь была совсем рядом, я могла бы

ее схватить, удержать — но я даже пальцем не шевельнула! Я была рядом, так близко — наверное, она в испуге меня звала! А я не слышала, я не пришла — я своими руками ее отдала на заклание! Это теперь мое вечное наказание: видеть ее в руках этой… этой!

Джин наклонилась и спрятала лицо в ладони; отзвуки ее глухих рыданий заполнили комнату.

Тони остановился перед ней, беспомощно наблюдая за ее страданиями.

— Это был первый раз за много лет, когда вам пришлось оставить ее. Она всегда была больше вашей дочерью, чем моей.

Джин посмотрела на него так, как смотрят на бурю, бушующую за окном.

— Так она была моей только потому, что она — ваша. Именно поэтому я с самой первой минуты!..

Она снова расплакалась; потом попыталась взять себя в руки и встала.

— Сами посудите, что мне еще было делать? Не могла же я быть нежной с вами.

В своем юном, чистом горе она была беззащитна, как молоденькая невеста — в своей радости.

Тони выглядел так, словно перед ним разворачивалась самая трагическая история на свете.

— Не знаю, куда уж нежнее.

Она в удивлении подняла на него полные слез глаза.

— Мне казалось, что я не… что между нами ничего, ничего не могло быть. Как я пыталась прогнать из головы любые мысли о вас! Но дитя, прекрасная часть вашей жизни, — о нем я могла позаботиться. Просто так, не думая, не вспоминая о вас. Это все, что я могла для вас сделать, — и вы всегда разрешали мне это, и девочка тоже. Разве это не счастье? Я думала, что так все и будет продолжаться. Но весь этот ужас… я ничего подобного и представить не могла до нынешнего дня. А все это время опасность была так близко — и вот ловушка захлопнулась, и тогда… ох!

Она отвернулась и снова зашлась в судорожных рыданиях, всхлипывая и бормоча что-то нечленораздельное.

Тишина окружила их, будто сблизив еще больше; наконец Тони проронил:

— Она была такой милой, такой чудесной. Вы полюбили бы ее, даже если б она не была моим ребенком. — И, точно нащупывая путь через непроглядную тьму, он продолжил: — Но если б она не была моим ребенком, она не лежала бы сейчас там… такая. И все же я рад, что был

ее отцом!

— Она лежит там сейчас потому, что я безумно любила ее — и слишком явно это показывала. Так что это я убила ее! — с горечью выкрикнула Джин.

Он долго молчал, пока, наконец, не произнес — тихо и мягко:

— Это я ее убил.

Она зашагала взад-вперед, постепенно овладевая собой; его слова она поначалу приняла лишь за признак той же душевной муки, что терзала ее саму.

— Мы, кажется, наперебой жаждем обвинить самих себя!

— Неважно, кому что кажется. Я должен вам все рассказать — прямо сейчас. Я взял вину на себя.

Она резко остановилась, ничего не понимая.

— Что значит — вы взяли?..

— Чтобы быть готовым к любым неожиданностям.

Ее лицо сделалось белым как мел.

— То есть вы оговорили себя?

— Кто угодно может меня обвинить. Что может быть более естественным? Какая ей выгода? Мой же мотив виден невооруженным глазом. Вот он, передо мной, — сказал Тони.

Джин склонилась под новым ударом судьбы.

— Так вы скажете, что вы это сделали?

— Я скажу, что я это сделал.

Гримаса ужаса в одночасье состарила ее.

— Вы солжете? Вы сможете себя оклеветать?

— Я скажу, что сделал это ради вас.

Она вдруг залилась краской.

— Тогда что, по вашему мнению, должна сказать я?

Тони все хладнокровно взвесил.

— Что бы вы ни сказали, ваши слова будут свидетельством против меня.

— Против вас?

— Ну, раз я пошел на преступление ради вас.

— «Ради» меня? — снова, будто эхо, отозвалась она.

— Чтобы мы смогли пожениться.

— Пожениться? Мы? — Джин в немом ужасе глядела на него.

— То, что мы на самом деле не сделаем этого, не сможем сделать, ничего не значит: единственное, что имеет значение, — то, что теперь это нам доступно. — Его мрачное красноречие на сей раз изменило ему, но Тони все же удалось выразить свою мысль до конца. — Так я сумею спасти… всех, кого хочу спасти.

Джин громко застонала.

— Вы хотите спасти — ее?

— Я не хочу отдавать ее в руки стражей порядка. Вы меня не понимаете?

— Я? — Девушка оглянулась вокруг, будто в поисках формулировки помягче. — Я бы отдала ее псам на растерзание! Я бы сожгла ее живьем! — Слепая злоба вытеснила в ней все иные чувства; яростное пламя в глазах осушило слезы. — Вы считаете, что она не должна пострадать?

— А вы предпочли бы, чтобы она расплатилась за все сполна?

Она вся пылала от праведного гнева.

— Какие муки могут искупить такое? Я готова разорвать ее на части. Именно это она хотела сделать со мной!

Тони спокойно согласился.

— Да, именно это она хотела с вами сделать.

Но гнев Джин уже перекинулся на него.

— И вы — вы станете покрывать злодеяние?..

Тони задумался на мгновение.

— Жизнь будет для нее страшнее смерти.

— Но как можно позволить жить дальше такому чудовищу — после того, что она сделала прямо у меня на глазах? — Джин помолчала, оценивая внушительный объем доказательств преступле-

ния, и потом горячо добавила: — А мистер Видал — ее жених! Он подтвердит все, что знает, — все, что видел!

Тони упрямо покачал головой.

— А, мистер Видал!

— Она пыталась выставить чудовищем меня! — проревела Джин.

Тони поглядел на нее так странно, что она замолчала.

— На какое-то мгновение она заставила допустить…

Она перебила его.

— Что я виновата?

— Я был без ума от горя — а вас не было рядом. — С приглушенным стоном она вновь опустилась на софу и закрыла лицо руками. — Я все вам расскажу… все расскажу, — сказал он. — Он ничего не знает, ничего не видел и ничего подтвердить не сможет. Он увезет ее отсюда.

Джин вздрогнула, точно он ударил ее.

— Она здесь?

— А вы не знали? — изумился Тони.

— Она вернулась сюда? — задохнулась Джин.

— Вы думали, она сбежала?

Джин застыла, как ястреб, завидевший добычу.

— Где она?

Тони суровым жестом остановил ее; под его долгим властным взглядом ее решимость начала постепенно остывать.

— Ее больше нет. Пусть уходит.

Она немного помолчала.

— А остальные: как же они смогут?..

— Нет никаких остальных. — Спустя мгновение он добавил: — Она готова была умереть за меня.

Утихшая было ярость Джин вспыхнула с новой силой.

— Поэтому вы умрете за нее?

— Я не умру. Но я буду помнить об этом. — Она, не отрываясь, смотрела на него. — Я все должен вам рассказать, — сказал он снова. — Я знал, я всегда об этом знал. И я сам позвал ее сюда.

— Вы были добры к ней — как и ко всем вокруг.

— Нет; я вышел за рамки обычной доброты. Не стоило мне этого делать. — Мрачное выражение на миг исчезло с его лица. — Я все помню.

С болью в глазах она вчуже наблюдала за ним.

— То есть вам это нравилось?

— Нравилось — покуда я чувствовал себя в безопасности. Потом я начал бояться.

— Бояться чего?

— Всего. Не знаю, чего. Но в каждом из нас

скрыта целая бездна. Во мне так точно! — простонал он, будто ожидая услышать эхо со дна этой бездны. — Это еще не все. И это тянется издавна.

— Не рассказывайте мне, — попросила Джин. Ей явно и без того было над чем подумать. — Что будет с ней?

— Бог знает. Отправится на все четыре стороны.

— И мистер Видал с ней?

— И мистер Видал с ней.

Джин представила эту печальную картину.

— Он все еще ее любит?

— Да, — ответил Тони Брим.

— Но что же он будет делать?

— Постарается оказаться по другую сторону земного шара. Только подумайте, как она будет мучиться.

Джин, казалось, пытается представить себе муки Розы.

— Из-за этого?

Он имел в виду несколько другое.

— Из-за того, что благодаря ей мы теперь свободны.

Джин горячо запротестовала.

— Она должна ликовать — ведь эта свобода обернулась для нас мучением!

Тони замешкался; потом его взгляд выхватил из заоконных сумерек очертания фигуры Пола Бивера: он стоял у выходящего на террасу высокого окна, настежь распахнутого в этот теплый вечер.

— Да, мучением, — мрачно согласился он.

Джин не видела Пола, лишь слышала ответ Тони. Он тронул ее до слез; она снова принялась сдавленно всхлипывать. Ничего не замечая вокруг себя, она, провожаемая взглядами двух мужчин, медленно пересекла комнату и покинула ее через ту же дверь, в которую прежде вошла.

## XXXIII

— Вы меня ищете? — тут же спросил Тони.

Пол, часто моргая от яркого света лампы, повернул к нему опустошенную унылую физиономию.

— Я вас увидел через окно и подумал, что надо вам сказать…

— Что кое-кто хочет меня увидеть? — Тони явно не собирался уклоняться от встречи.

— Она не просила позвать вас, но я подумал, что вы могли бы…

— Я могу все что угодно, — сказал Тони. — А о ком вы говорите?

— Об одной из ваших служанок — о бедной миссис Горэм.

— О няне Эффи? Она тут?

— Она сейчас в саду, — пояснил Пол. — Я там бродил и случайно на нее наткнулся.

Тони был удивлен.

— И что же она здесь делает?

— Горько плачет — хоть и втихомолку.

— И в дом не заходит?

— Боится помешать.

Тони на мгновение задумался.

— Хотите сказать, это потому, что Джин и док-

тор…

— Взяли все хлопоты на себя. Она им уступила, но сидит там на скамейке…

— Рыдает? — спросил Тони. — Бедолага. Я с ней поговорю.

Он уже собирался покинуть комнату самым коротким путем — через распахнутое окно, однако Пол остановил его, тихо напомнив:

— Вам бы шляпу надеть.

Тони огляделся по сторонам — шляпы при нем не было.

— Зачем? Вечер теплый.

Пол подошел ближе и по-дружески удержал его, положив на плечо тяжелую ладонь.

— Вы обычно не выходите без нее — не надо показывать, до чего вы не в себе.

— А, я понял, о чем вы. Сейчас схожу за ней.

Тони направился к двери, ведущей в холл.

Однако Пол еще не закончил.

— Вам, безусловно, надо с ней поговорить — будет странно, если вы этого не сделаете. Но давайте, если вы не против, я попытаюсь встать на ваше место и немножко поразмышлять? К примеру, такой вопрос: о чем вы собираетесь с ней говорить?

Тони, казалось, не возражал против этой по-

мощи, но на вопрос ответил с доходящей до наивности простотой.

— Боюсь, мне с ней не о чем говорить, кроме как об Эффи.

Пол явно был удивлен.

— Что она опасно больна? Это все, что Горэм известно.

Тони на минуту задумался.

— Ну да — что она опасно больна. Раз уж она готова это услышать.

— А вы сами ко всему готовы? Не боитесь? — Пол замялся.

— Боюсь чего?

— Что она начнет что-то подозревать или докучать вам просьбами — словом, переполошится.

Тони медленно покачал головой.

— Не думаю, — сказал он очень серьезно, — что мне следует опасаться бедняги Горэм.

Пол, похоже, понимал, что его предостережения частично пропали втуне.

— Но ее все побаиваются. Такой уж она человек, в своей преданности меры не знает.

— Да, я об этом и говорю.

Пол присмотрелся к нему.

— То есть она предана лично вам?

Ирония, сквозившая в этих словах, была на-

столько тонкой, а к тому же Пол прибегал к иронии так редко, что, пожалуй, не стоило винить Тони в том, что он ее не уловил.

— Она сделает для меня все что угодно. Мы с ней очень дружны.

— Тогда наденьте шляпу, — сказал Пол.

— Да-да, это и в самом деле важно. Спасибо, что напомнили.

Тони уже было взялся за дверную ручку; но даже в такую минуту в нем оставалось довольно бесхитростного добродушия, чтобы задержаться немного и попытаться успокоить друга.

— Горэм ценный человек — она же кладезь воспоминаний. Она поймет: мне будет нужен кто-то, с кем можно поговорить. А с ней у нас всегда найдется общая тема.

— О, теперь я вижу: с ее стороны вам нечего опасаться! — продолжал Пол.

До Тони, наконец, полностью дошло, к чему Пол клонит.

— Мне понятно, как себя с ней вести.

— И мне! — подхватил Пол.

Сквозь маску горя на лице Тони проступило оживление.

— Я предложу ей остаться!

И он вышел в сад. Оставшись один, Пол закрыл

за ним дверь и еще с минуту не отпускал дверную ручку, по всей видимости, крепко задумавшись о том, кто только что покинул комнату. Он тяжело вздохнул, как человек, обремененный множеством забот, и, отойдя, наконец, вглубь комнаты, как бы случайно скользнул сочувственным взглядом по двери, ведущей в библиотеку. На миг он замер в нерешительности, затем суматошно ринулся за шляпой, которую, входя, оставил на каком-то столике. Однако не успел он взяться за шляпу, дверь библиотеки распахнулась, и глазам его предстала Роза Армиджер. С момента их последней встречи она успела переодеться — теперь на ней было дорожное платье, капор и длинная накидка темного цвета. После ее появления какое-то время оба молчали, затем она произнесла:

— Вы сможете пару минут потерпеть мое общество?

— Я сомневался… я думал, не пойти ли к вам, — ответил Пол. — Я знал, что вы там.

Она перешагнула порог комнаты.

— А я знала, что вы здесь. Вы прошли мимо моего окна.

— Да я уже с час все ходил туда-сюда.

— Это я тоже знала, но на этот раз я слышала,

что вы остановились. Света у меня не было, — продолжала она, — но с этой стороны открыто окно. Я догадалась, что вы вошли в дом.

Пол замялся.

— Вы рисковали: я мог быть не один.

— Да, я знала — но все же пошла на этот риск. Я была в ужасе, но мне повезло: я так никого и не встретила. Я поднялась в свою комнату, а потом спустилась сюда. Горизонт был чист.

— Так вы разминулись с мистером Видалом?

— А, с ним? С ним мы встретились. Но он ведь ничего из себя не представляет. — Потом, будто осознав, насколько дико это прозвучало, она добавила: — Я хотела сказать, он — не тот, кого следует бояться.

Пол немного помолчал.

— А чего вы вообще на свете боитесь?

— Из того, чего люди обычно боятся? Прямо сейчас — ничего. В отношении подобных страхов я вполне спокойна. Может статься, впереди ждет немало ужасного, но прямо сейчас меня даже пугает тот факт, что мне ничего не грозит. Это как-то… — Она оборвала фразу, чтобы не сказать лишнего.

— Вы так в этом уверены?

— Вы сами видите, насколько я уверена. Я

сужу по выражению вашего лица. Оно просто ужасное.

Что бы ни было написано у Пола на лице, выражение его, когда он поднял глаза на Розу, ничуть не изменилось.

— Такое же ужасное, как у вас? — спросил он.

— О, мое… мое лицо просто отвратительно, и останется таким же неописуемо отвратительным навсегда! А ваше просто прекрасно. Всё и все здесь просто прекрасны.

— Я вас не понимаю, — сказал Пол.

— Куда уж вам. Я к вам пришла не за пониманием.

Он помедлил немного в тягостном недоумении.

— Зачем же вы пришли?

— Так вы можете терпеть меня, переносить самый мой вид?

— Разве я не сказал вам уже, что хотел к вам пойти?

— Сказали — но ведь не пошли, — возразила Роза. — Вы там вышагивали, как часовой, точно меня караулили…

— Я вас не караулил, — перебил ее Пол.

— А что же вы делали?

— Пытался успокоиться.

— Не похоже, чтоб вы успокоились.

— Да, — с горечью согласился он, — совсем не похоже.

— Я знаю, что вам может помочь: это одна из двух причин, по которым я пришла к вам. Вам-то, в отличие от остальных, не все равно. Пусть даже всего лишь чуточку не все равно; но то, что я скажу, может быть, чуточку вас и утешит. Пусть вас утешает то, что я потерпела неудачу.

Пол бросил на нее долгий взгляд, а после отвернулся, сделав какой-то невнятный, ничего не говорящий жест. Дать выход чувствам — даже излить свою боль — он, как ни силился, не был способен, и эта немота сама по себе составляла немалую часть его тяжких страданий. С минуту она наблюдала за его неловкими, громоздкими переживаниями.

— Нет, вам все-таки невыносимо мое присутствие, — констатировала она.

Какое-то время он молча стоял к ней спиной, как будто борясь с жестоким душевным волнением; наконец, с усилием — казалось, у него в этот момент даже дыхание перехватило — повернулся; в руке у него были раскрытые часы.

— Я разговаривал с мистером Видалом, — только и сказал он.

— Он вас тоже заверил, что за мной вернется?

— Он сказал, что у него еще есть кое-какие дела здесь, но он тем не менее подготовит все для отъезда. И вернется сюда с экипажем в ближайшее время.

— Поэтому я и ждала, — сказала Роза. — Я совершенно готова. Но он не приедет.

— Приедет, — заявил Пол. — Но дело не только в том, что ему нужно время.

Она угрюмо покачала головой.

— Нет. Однажды сбежав от этого ужаса и позора, он уже не сможет вернуться. Он думал, что сможет; он, без сомнения, пытался. Но это сильнее его.

— Тогда чего же вы ждете?

Она помедлила.

— Уже ничего. Спасибо. — Она огляделась по сторонам. — Куда мне пойти?

Пол подошел к окну и навострил уши.

— Кажется, я слышу звук колес.

Она прислушалась было, но снова покачала головой.

— Никто не едет — впрочем, как раз в том направлении я и двинусь.

Он вновь обернулся, грузный и неуверенный. Весь в сомнениях, не зная, на что решиться, он

стоял у нее на пути.

— Что теперь с вами будет? — спросил он.

— Откуда я знаю — да и какая мне разница?

— Что с вами будет? Что теперь с вами будет? — повторял он, будто не слышал ответа.

— Вы напрасно меня так жалеете, — отозвалась она спустя мгновение. — Да, я потерпела неудачу — но я сделала все, что могла. Я не видела другого выхода — это было единственное, что мне оставалось. Последний проблеск возможности… Эта мысль захватила меня, я сделалась ей одержима.

Пол покраснел, точно больной на грани очередного приступа.

— Возможности чего?

— Свести его с ней. Скажете, мой расчет был смешон, а моя глупость так же отвратительна, как мое преступление. Я на это могу лишь ответить, что шансы были. Люди добивались успеха и в худших обстоятельствах. Впрочем, я не оправдываю себя: я вижу последствия своей ошибки. Теперь я обречена видеть их вечно — и такой я хочу, чтобы вы меня помнили. Поглядите-ка на меня хорошенько!

— Я был на все готов ради вас! — провыл, задыхаясь, Пол, как будто их разговор ровно ничего не значил.

Она обдумала эти слова; ее зловеще искаженное лицо вдруг просияло.

— Вы до сих пор готовы на все?

Он ничего не ответил; казалось, он был слишком поглощен осмыслением открывшегося перед ним мотива ее поступков.

— Да, я все видела так, как видела, — продолжала она. — Так оно было и так оно есть. Так оно есть, — повторила она неестественно резким тоном, на секунду дав волю тому нервному возбуждению, которое до сих пор силилась скрыть. — Теперь это дело прошлое: ничего уже не изменить, и то, что есть во мне наихудшего, уже никак иначе не проявится. Буря прошла, долг уплачен. Я могу быть выше этого.

Увидев выражение лица Пола, она осеклась.

— Да вы ни бельмеса не понимаете из того, что я говорю!

Он слушал ее — очевидно, она это поняла, — воспринимая все только через призму собственных чувств, а вовсе не так, как она стремилась преподнести.

— Почему вы не поговорили со мной, почему не поделились своими мыслями? Ничто из того, что я мог от вас услышать… ничто не оттолкнуло бы меня от вас. Если б я только знал, как низко

вы падете…

— Что бы вы сделали? — требовательно спросила Роза.

— Я бы мог вас спасти.

— И что бы вы сделали? — настойчиво повторила она.

— Всё.

В молчании она отошла к окну.

— Что ж, я вас потеряла… я потеряла вас, — проронила она, наконец. — А ведь вы могли стать моим. Он же мне сказал, я же знала.

— *Он* вам сказал? — Пол рассеянно огляделся.

— Он пытался сбагрить меня вам. Вот что меня доконало. Конечно, они поженятся, — продолжила она без всякого перехода.

— О да, они поженятся.

— Но уж, наверное, нескоро, как думаете?

— Нескоро. Однако скорее, чем они сами думают.

Роза выглядела удивленной.

— А вы уже знаете, что они думают?

— Да. Что этого никогда не случится.

— Никогда?

— Звучит ужасно. Но все же однажды это случится.

— Это случится, — подтвердила Роза. — И в

этом будет моя заслуга. Я сделала для него даже больше, — заявила она, — чем вы были готовы сделать для меня.

Несвойственные Полу слезы просочились меж его закрытых век.

— Вы слишком ужасны, — выдохнул он, — слишком.

— Но я только вам это все рассказываю, это только для ваших ушей. Не забывайте, пожалуйста: я ничего из этого никому и никогда повторять не буду. Видите, — продолжила она, — ему так и недостало смелости приехать.

Пол снова посмотрел на часы.

— Я поеду с вами.

Роза замешкалась.

— Насколько далеко?

— Я поеду с вами, — просто повторил он.

Она внимательно посмотрела на него; ее глаза тоже блестели от слез.

— Я в безопасности… в безопасности! — пробормотала она, будто не находила слов от потрясения.

Пол вернулся за шляпой, которая так и осталась лежать на столике.

— Я поеду с вами, — снова сказал он.

Однако она все еще медлила.

— Разве вы не нужны ему здесь?

— Тони? Для чего?

— Ему понадобится ваша помощь.

Пол не сразу понял, о чем она говорит.

— Он не нуждается в помощи.

— Хотите сказать, ему нечего бояться?

— Чьих-то подозрений? Отнюдь.

— В этом его преимущество, — сказала Роза. — Все его слишком любят.

— Все его слишком любят, — эхом отозвался Пол. Потом вдруг воскликнул: — Мистер Видал!

Роза вгляделась в полутьму, и из груди ее вырвался тихий протяжный стон. За окном появился Деннис; отрывистым жестом он поманил ее на выход, оставаясь стоять на сумрачной террасе. Пол снова положил шляпу. Он отвернулся, чтоб не смущать свою собеседницу. Она подошла к нему; Деннис ждал; она все медлила, отчаянно колеблясь, будто не зная, говорить ли свое последнее слово. Но он стоял недвижимо — и она сдалась, задавив свое намерение в зародыше и вложив все, что собиралась сказать, в один взгляд. Этот взгляд задержал ее; он был таким долгим, что Деннису пришлось резко окликнуть ее из темноты:

— Идите же!

Услышав это, она через разделявшее их расстояние одарила его столь же пристальным взглядом; двое мужчин стояли неподвижно; наконец она собралась с духом и подошла к окну. Деннис подал ей руку и подхватил ее; вместе они скрылись в ночи.

Оставшись один, Пол испустил протяжный вздох — на этот раз вздох человека, которому удалось избежать страшной опасности. Отзвук этого вздоха еще висел в воздухе, когда вернулся Тони. Он вошел через двери, ведущие в холл, так же энергично, как и вышел, и, увидав Пола, поспешил сообщить ему новость:

— Что ж, я отправил ее домой.

Пол не сразу сообразил, что речь идет о Горэм.

— И она мирно удалилась?

— Как послушная овечка. Она очень рада, что не потеряла место.

Пол задумался; но теперь, как бы встав, наконец, на твердую почву и почувствовав себя гораздо уверенней, он не стал задавать вопросов.

— Славно, что вы в порядке! — просто сказал он.

Тони подошел было к двери, за которой скрылась Джин, но остановился, услышав столь неуместную фразу.

— В порядке? — повторил он; впрочем, несколько рассеянным тоном.

— Дело в вашем обаянии. Вы всех очаровываете.

Вид у Тони был отстраненный и неуверенный, но в итоге его оптимизм взял верх.

— А может статься, я и выгребу. И люди не станут задавать мне ненужных вопросов.

— Все слишком вас любят.

Тони замер, взявшись за ручку двери; эти слова поразили его, но вместе с тем заставили вновь ощутить горечь его потери. Ему живо вспомнилось, к чему привела его эта «любовь», и он устало понурил голову.

— Эх, Пол, слишком! — вздохнул он и вышел вон.

~

Над книгой работали

Главный редактор оригинальных проектов Букмейта: Ксения Грициенко

Ответственный редактор: Елена Васильева

Менеджер проекта: Дарья Виноградова

Руководитель по контенту в Букмейте: Юлия Мишкуц

Литературный редактор: Александр Глазырин

Корректор: Юлия Исакова